

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1949 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор—член-корреспондент АН СССР *А. Д. Удадьцов*,
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*;

Члены редакционной коллегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов,
С. В. Киселев, Б. Н. Граков, А. Л. Монгайт

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗА 1947 г.¹

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

РАСКОПКИ УРАРТСКОЙ КРЕПОСТИ НА ХОЛМЕ КАРМИР-БЛУР (ТЕЙШЕБАИНИ)

В 1947 г. совместная археологическая экспедиция Академии Наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа, при участии Института истории материальной культуры АН СССР, продолжала дальнейшее исследование крепости на холме Кармир-блур (Тейшебаини) около Еревана.

Раскопками главных ворот в южной части крепости было полностью закончено выявление общего плана цитадели (рис. 1, 2а). Хорошо укрепленные ворота с двумя башнями и внутренним помещением по своим архитектурным формам аналогичны с известным ассирийским памятником.

Основная работа экспедиции в 1947 г. была направлена на раскопки внутренних помещений дворца урартского наместника. В северо-восточной части дворца полностью расчищены две большие комнаты, имеющие около 30 м в длину. На полу одной из них обнаружены большие запасы жмыхов кунжута, являвшихся отходом при приготовлении кунжутного масла и предназначенных для корма скота. Обычным сырьем для получения растительного масла являлся кунжут, о чем имеются свидетельства ассирийских клинописных текстов, указывающих также соотношение полученного масла к отходам, равнявшееся одной трети. Таким образом, учтя примерно объем запасов жмыхов в дворцовом помещении, мы можем получить некоторое представление о количестве выжатого кунжутного масла.

Вторая комната, по размерам совершенно совпадающая с первой, имела также хозяйственное назначение и была связана с производством кунжутного масла. На возвышении из сырцового кирпича, у западной стены комнаты, была установлена прямоугольная ванна, высеченная из целого куска туфа. От нее через всю комнату вдоль стены отходил каменный жолоб, выводивший отработанную жидкость за пределы стены цитадели. Учитывая этнографические материалы, можно предположить, что эта ванна служила для вымачивания семян кунжута перед освобождением зерен от шелухи.

В 1947 г. обследованы пять дворцовых кладовых. Две из них раскопаны полностью (рис. 2б).

¹ Часть докладов напечатана в КС ИИМК, вып. XXVI, 1949.

Особый интерес представила кладовая, соседняя с той, где были найдены золотые серьги, и сообщающаяся с ней посредством маленькой комнаты, в которой была обнаружена часть бронзового запора с клинообразной надписью, устанавливающей древнее имя города.

При исследовании этой кладовой архитектором К. Л. Оганнесяном был установлен способ ее перекрытия во всех деталях. Поперек продолговатой комнаты (15.50×3.31 м) были уложены деревянные балки, на которых

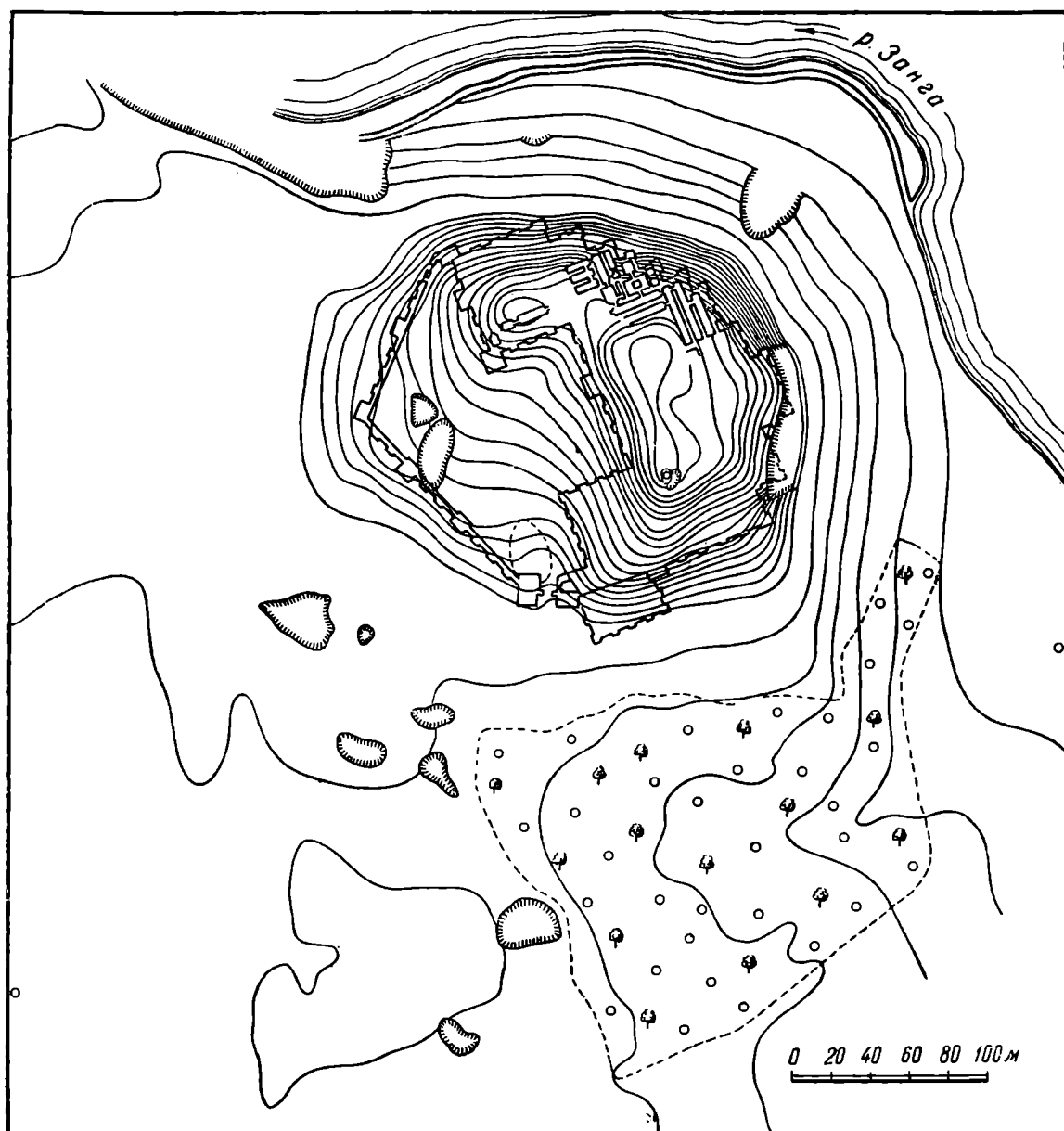

Рис. 1. Кармир-блур.

держались рейки, составлявшие как бы деревянную потолочную клетку. Поверх этой клетки был уложен слой тростника, затем сучья, покрытые вторым слоем тростника, а поверх всего находился слой утрамбованной земли толщиной около 10 см. В соседней комнате был обнаружен потолок подобной же конструкции, с той только разницей, что там вместо деревянной клетки был сплошной бревенчатый потолок из обтесанных с одной стороны и плотно приложенных друг к другу балок.

Во время пожара, возникшего при штурме дворца скифами, горящий потолок комнаты обрушился, но обвалившиеся верхние части стен из сыр-

цового кирпича не дали ему догореть до конца. В раскопанных помещениях на остатках обгоревшего потолка были обнаружены сравнительно хорошо сохранившиеся целые костяки животных, коров и ослов, метавшихся во время пожара по крыше дворца. Положение костяков животных красноречиво говорит об обстоятельствах их гибели. Кости животных, открытые в 1947 г., так же как остатки четырех лошадей, обнаруженные раскопками 1946 г., переданы для обработки проф. С. К. Далю.

При раскопках кладовой, преимущественно в ее северной части, найдено большое количество предметов: обломки керамики, каменная чаша, около 20 железных кинжалов, короткий железный меч гальштаттского типа с расширением в нижней части (длина ок. 0.50 м) и пастовая асси-

Рис. 2а. Общий вид Кармир-блур (сверху).

рийская цилиндрическая печать с изображением коленопреклоненной человеческой фигуры, борющейся с крылатым фантастическим существом, имеющим человеческую голову (рис. 3а).

На полу кладовой около внешней стенки лежал раздавленный землей бронзовый шлем, на нижнем крае которого сохранилась клинообразная надпись: «Богу Халду, владыке [этот шлем] Сардур, сын Аргишти, посвятил благополучия ради». Позади надписи помещены два иероглифических знака, возможно, метка мастера. Шлем украшен замечательными чеканными изображениями (рис. 5). Спереди в двух рядах помещены десять изображений так называемого «древа жизни» (рис. 4а), по своему типу близкие к тем, которые изображены на скифских золотых ножнах акинаков из Келермесского и Литого курганов, и стоящие попарно перед ними боги. Эти фигуры обрамлены изображениями змей с головами хищников (собак), представляющими магическую защиту от злых сил.

Затылочная и височные части шлема украшены двумя рядами боевых урартских колесниц и всадников (рис. 4б). Воины имеют шлемы, подобные найденному, и круглые щиты; все фигуры украшены тончайшей гравиров-

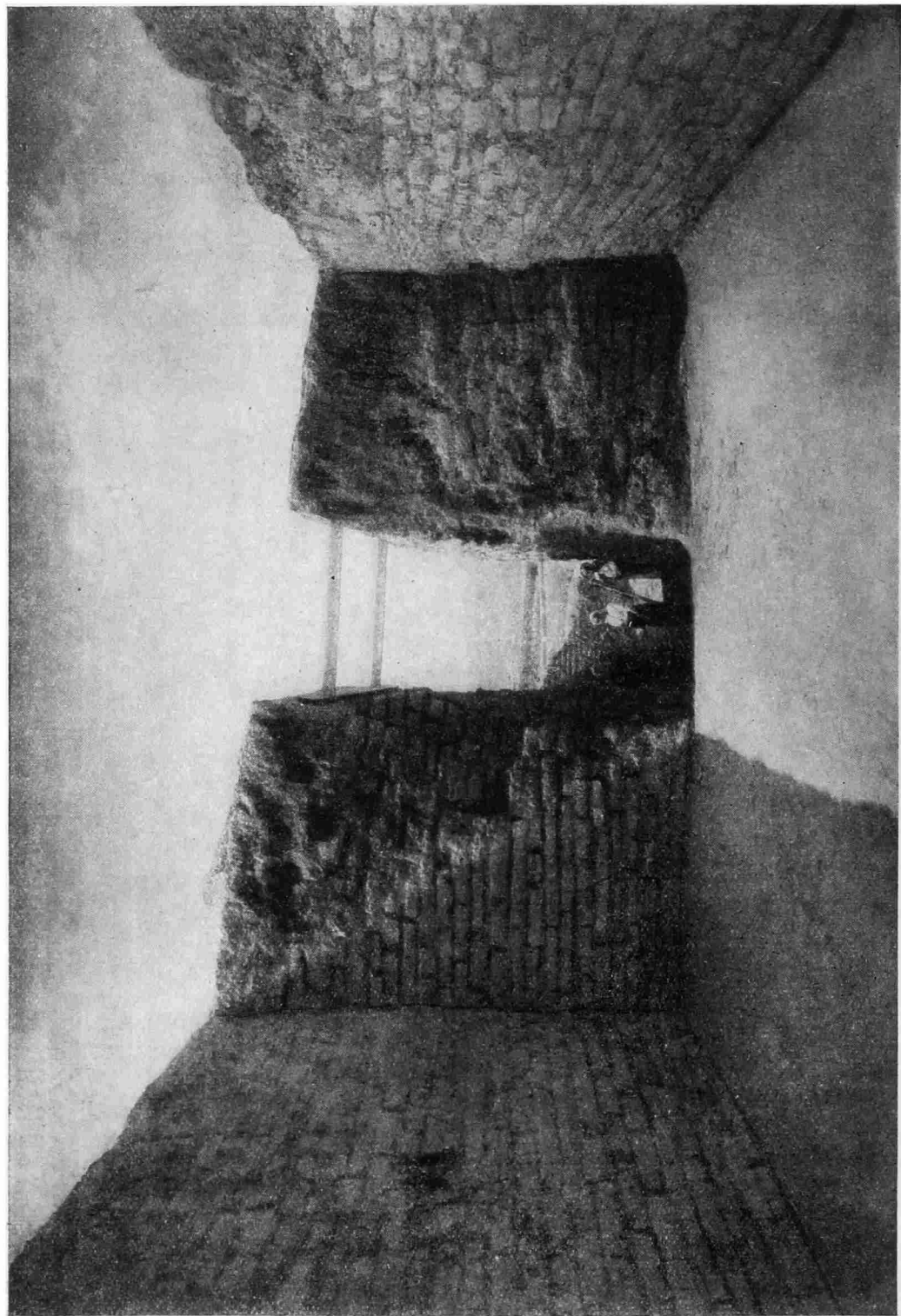

Рис. 26. Одно из внутренних помещений дворца на Кармир-блуру.

кой. Подобные изображения всадников и колесниц имеются и на другом памятнике урартского искусства, а именно, на колчане, найденном на Кармир-блуре в 1940 г. и относящемся, вероятно, так же как и шлем, к почитаемым дарам выдающегося урартского царя середины VIII в. до н. э. Сардура, сына Аргишти.

При раскопках 1946 г. на Кармир-блуре были найдены три обломка глиняных клинописных табличек из архива крепости. Среди случайных находок 1947 г. имеется маленькая подвесная печать — булла, из битума, свидетельствующая о существовании в Тейшебаини хранилища и иных документов. На булле можно различить оттиск печати с изображением оленя и человека, а остатки тонкой веревочки, сохранившиеся в битуме, указывают на то, что этой подвесной печатью скреплялся папирусный свиток, отпечатки которого отчетливо видны на оборотной стороне буллы. В древних городах и дворцах Передней Азии кроме архивов глиняных клинописных табличек существовали также хранилища папирусных и кожаных свитков с арамейским текстом. В Закавказье арамейское письмо доживает

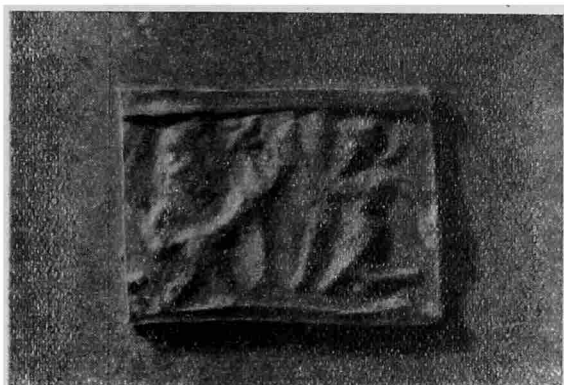

Рис. 3а. Оттиск ассирийской цилиндрической печати.

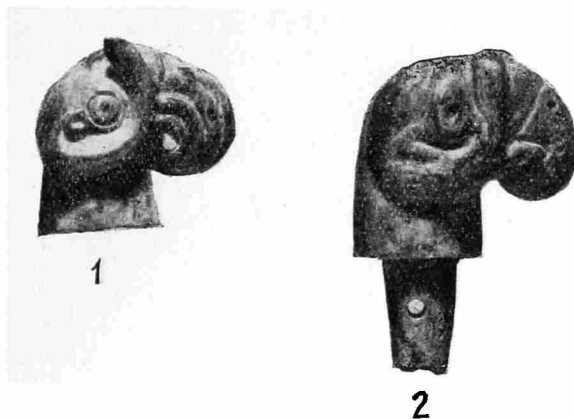

Рис. 3б. Роговые головки грифонов-баранов.

1 — Кармир-блур; 2 — скифский курганный могильник в ст. Келермесской (Кубань).

вплоть до собственно армянского и грузинского письмен. До нас дошли надписи арамейским письмом и от армянского царя Арташеса I и от грузинских правителей — питиашхов, гробницы которых были раскопаны в Армази около Мцхета.

Раскопки на Кармир-блуре дают большой материал для изучения вопроса взаимоотношений Закавказья со скифами. Несмотря на то что крепость Тейшебаини в момент падения урартской державы была разрушена скифами, урартский административный центр в Закавказье имел со скифами тесные связи, выявляющиеся при изучении археологического материала. В этом отношении большой интерес представляет находка на Кармир-блуре вырезанной из рога головки грифона с бараньими рогами — предмета, очень характерного для скифского искусства (рис. 3).

При расчистке главных ворот крепости внутри них была открыта небольшая комната привратника, сохранившая свою обстановку. В ней было обнаружено большое количество предметов: глиняные сосуды, в частности маслосбойка, каменная чаша, зернотерка и обломки железных предметов. В особом месте за каменной оградой хранились запасы проса, у северной стены комнаты находилась невысокая лежанка, сложенная из сырцовых кирпичей. Подле нее на полу обнаружены два больших оленьих рога, принадлежавших двум различным особям и предназначенных для изготовления роговых предметов. Тут же лежали кусок рога с продольным отверстием и небольшая головка грифона с бараньими рогами, имевшая внизу выступ с отверстием. Принадлежность этого предмета к памятникам скифского

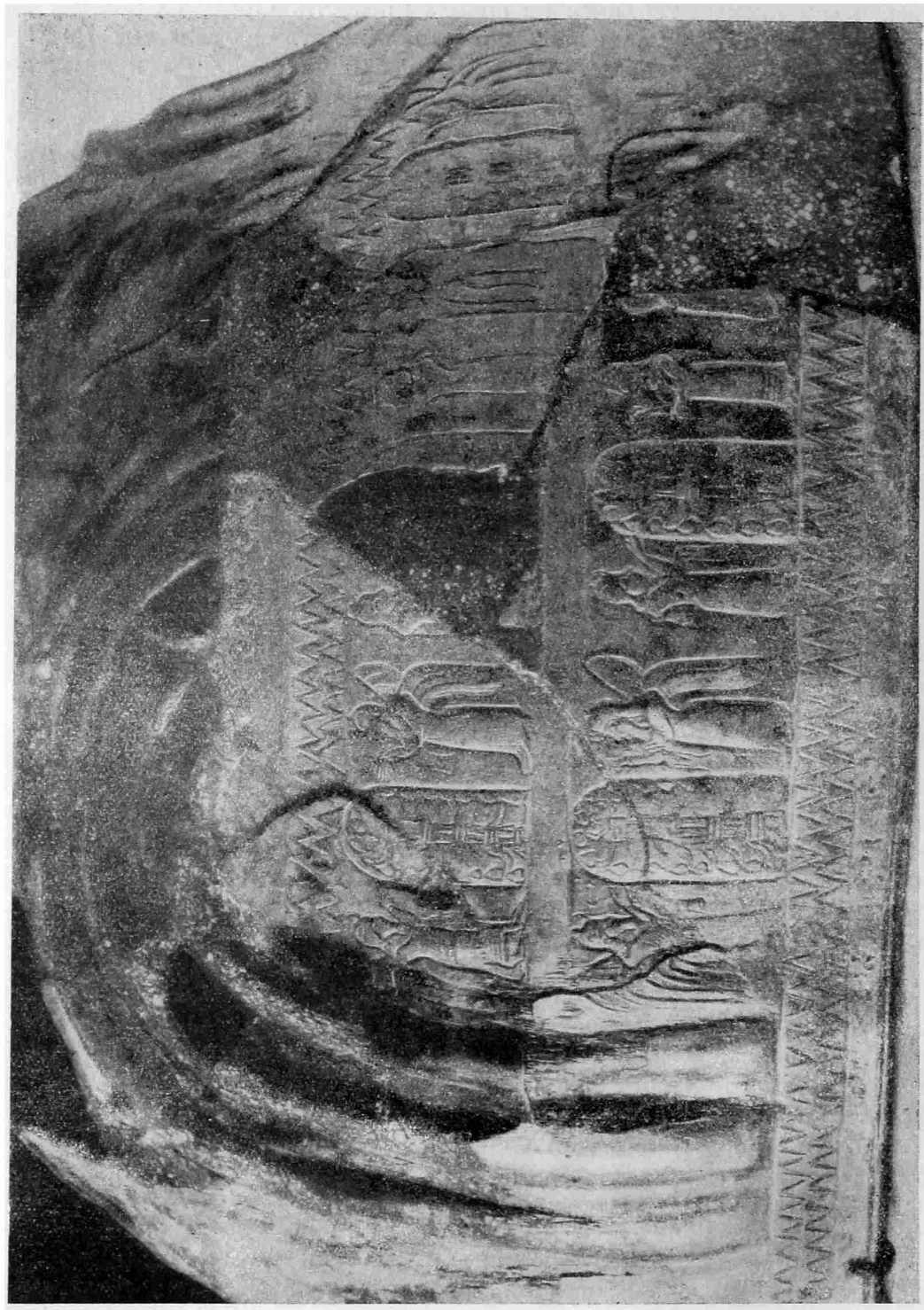

Рис. 4а. Шлем царя Сардура (деталь — лобная часть).

Рис. 46. Деталь шлема Сардура — височная часть.

искусства очевидна. Ближайшими к ней аналогиями являются предметы из келермесских курганов, раскопанных Н. И. Веселовским, а также бронзовые головки грифонов и цельные костяные псалии из курганов, раскопанных А. А. Бобринским около Смелы (Киевская обл.). Вполне вероятным мне

Рис. 5. Бронзовый шлем царя Сардура (середина VIII в. до н. э.).

кажется предположение о том, что по образцу головки грифона, найденной в комнате привратника, предполагалось изготовить предмет из тех рогов, которые были обнаружены у лежанки. При работе над археологическим материалом из Закавказья все более и более становится очевиден тот факт, что некоторые мотивы скифского искусства рождались во взаимосвязи урартской и скифской культур и что почвой для взаимоотношений скифов с культурой древнего Востока являлось Закавказье и, в частности, крепость Тейшебаини.

Е. И. КРУПНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

К числу еще не решенных проблем кавказоведения относятся некоторые вопросы, связанные с выявлением локальных отличий кавказских памятников эпохи бронзы, их датировки, а также вопросы взаимоотношения местных культур с другими культурами древнего мира, изучение переходного периода от бронзы к железу и ряд других.

Одной из важнейших проблем является освещение на археологическом материале определенного этапа истории Кавказа, осложненного значительным включением в комплексы местных древностей элементов других культур и, в первую очередь, скифской культуры.

Полевое изучение археологических объектов по указанной проблематике и составляло главные задачи Северо-Кавказской экспедиции 1947 г. Одновременно перед экспедицией стояла и другая задача — выявить в слабо изученных или совсем не обследованных районах Северного Кавказа археологический материал и дать этим районам первую историко-культурную характеристику.

Экспедиция 1947 г. была организована Институтом истории материальной культуры АН СССР, Гос. Историческим музеем и осуществлена совместно с Кабардинским научно-исследовательским институтом, Грозненским областным институтом краеведения и Дагестанским музеем.¹

Экспедиция провела свои работы на территории Кабардинской АССР, Грозненской области и Дагестанской Республики.

КАБАРДИНСКАЯ АССР

Учитывая слабую изученность юго-восточных районов Кабардинской АССР, экспедиция начала работу с обследования этих районов. В Лескенском, Советском и других районах республики зафиксировано множество разновременных памятников старины (особенно курганов), распределяющихся во времени от эпохи ранней бронзы до позднего средневековья.

Некоторые объекты подверглись раскопкам, которые дали весьма интересные результаты.

Так, раскопками одного сильно оплывшего кургана у с. Старый Лескен (высота 1.40 м, диаметр 20 м) было вскрыто одно из древнейших на Кавказе погребений.

¹ В экспедиции участвовали следующие лица — от ИИМК — Е. И. Крупнов и О. В. Милорадович, от ГИМ — Н. В. Трубникова, от местных организаций — И. Ф. Мутовин (постоянный член экспедиции с 1935 г.), сотрудник Грозненского института краеведения Н. И. Штанько и работники Дагестанского музея М. И. Исаков и А. М. Твердохлебов.

Под булыжной курганной насыпью на глубине 0.40—0.50 м обнаружены два костяка. Женский лежал в сильно скорченном положении на правом боку. У головы найдены два сосуда (рис. 6, 1), один из которых украшен выпуклинами и шнуровым орнаментом, и бусы из «серой бронзы», круглые и в виде лунниц. Мужской костяк лежал вытянуто на спине. Инвентарь составляли: отличный сверленный топорик из белого камня (рис. 6, 2) и два сосуда у головы. Один сосуд — кувшин — орнаментирован ложновитым чеканом.

Многочисленные аналогии найденным здесь бусам, топорiku и сосудам, известные из памятников Кабардино-Пятигорья и соседней Осетии, позволяют датировать эти погребения серединой или второй половиной II тысячелетия до н. э.²

Но это явно выпускные погребения. Основное же погребение было совершено в большой и глубокой яме, обложенной булыжным камнем. После захоронения яма также была завалена булыжником.

Скелет лежал на дне ямы в скорченном положении и был сильно посыпан красной краской (рис. 6, 5). Ориентировка — на СЗЗ.

У колен стоял глиняный горшок; рядом кучно лежали кремневые вкладыши от серпа (рис. 6, 3, 4), проколка и другие кремневые орудия. Точно такие же вкладыши мы знаем из Долинского поселения близ Нальчика³ и других мест Центрального Кавказа и Закавказья.⁴

Особо заслуживает внимания горшок красновато-охристого цвета (рис. 6, 6). Его поверхность выложена. Он имеет небольшую ямку — углубление на внешней стороне прямого дна.

Горшок также встречает прямые аналогии в керамике из нижнего горизонта культурного слоя Долинского поселения, которые, как известно, благодаря близости к наиболее ранним памятникам Кубани, датируются самым началом II тысячелетия до н. э.⁵

Определенное сходство лескенский горшок обнаруживает и с посудой из основных погребений кургана № 3, исследованного Н. И. Веселовским в 1900 г.,⁶ кургана № 4 у г. Армавира,⁷ а также с сосудами из других пунктов не только Прикубанья (из Костромского кургана), но и Кабарды (Гунделен, Соломенка и др.).⁸

Еще большее значение имеет то обстоятельство, что горшок из Лескена (размерами, цветом глины и профилировкой) почти повторяет один из глиняных горшков знаменитого Майкопского кургана.

Сравнение погребального обряда еще больше подтверждает правильность сопоставления Лескенского основного погребения с майкопским комплексом.

Это сопоставление заставляет за Лескенским курганом признать крупное научное значение и главным образом не тем, что он также развенчивает мнение о культурном одиночестве майкопских древностей, а тем, что своим основным погребением Лескенский курган укрепляет древнюю дату Майкопского кургана, что, как известно, разделяется далеко не всеми археологами.

Решающим в вопросе датировки является четкая могильная стратиграфия Лескенского кургана.

² МИА, вып. 3, М.—Л., 1941, стр. 267.

³ Там же, стр. 177, рис. 23(2).

⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, стр. 107, рис. 115.

⁵ МИА, вып. 3, стр. 197.

⁶ ОАК, за 1900 г., стр. 42.

⁷ ОАК, за 1904 г., стр. 88.

⁸ МИА, вып. 3, стр. 194—196, рис. 33(10).

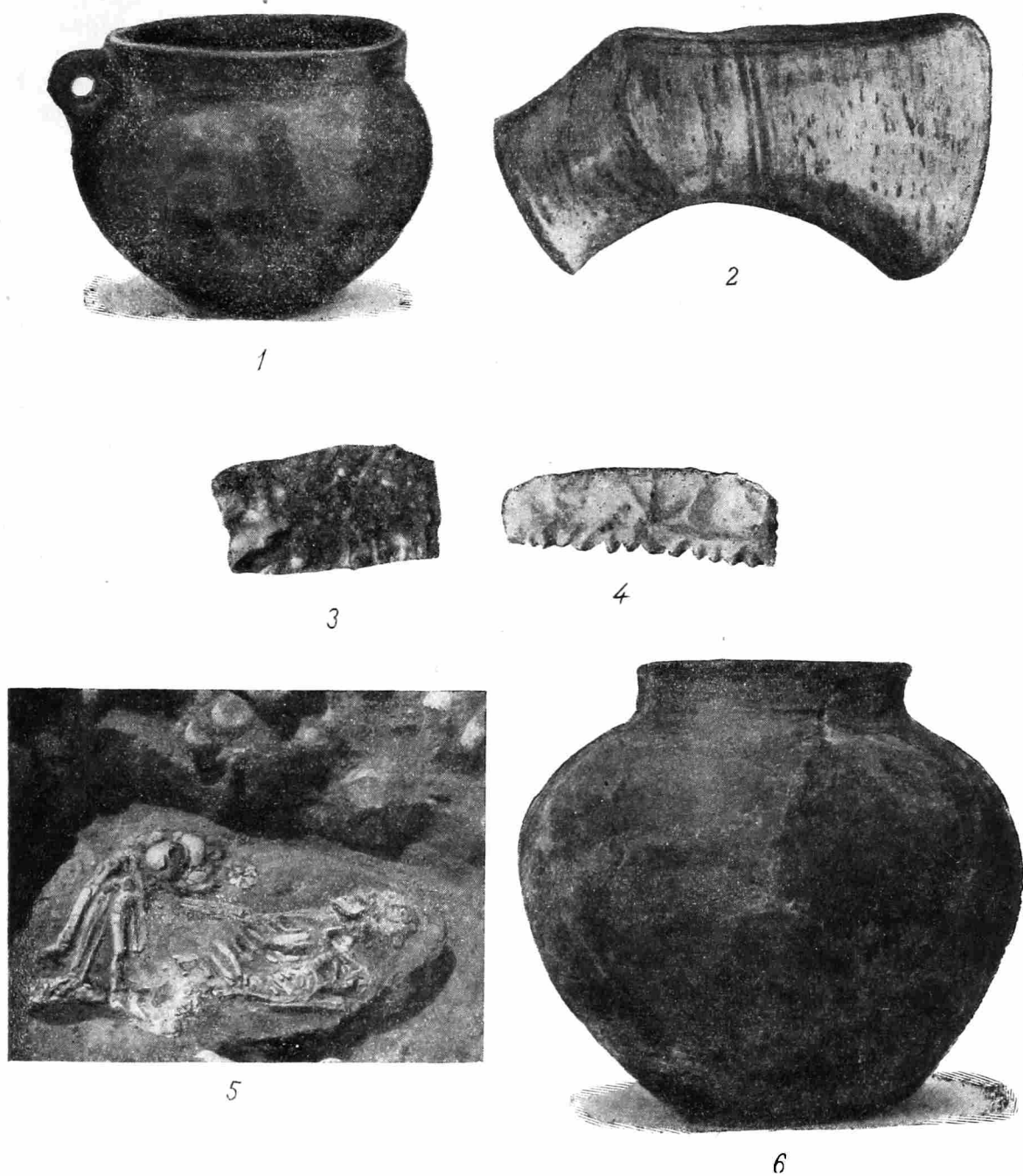

Рис. 6. Могильный инвентарь Лескенского кургана:

1 — глиняный горшочек из погребения № 2 (впускного, 3/4 н. в.); 2 — каменный топор из погребения № 3 (впускного, 3/4 н. в.); 3— 4— кремневые вкладыши из основного погребения (3/4 н. в.); 5— основное погребение Лескенского кургана; 6 — сосуд охристого цвета из основного погребения (1/2 н. в.).

Своими разновременными комплексами он позволяет установить культурную общность древних племен центрального и северо-западного Кавказа в разные периоды их истории. И в этом его научное значение.

Выдающимся результатом работы экспедиции в Кабарде является обнаружение интереснейшего комплекса бронзовых предметов в горном ущелье р. Псыган-су в районе с. Жемтала. Условия находки и сам характер вещей позволяют отнести этот комплекс к категории кладов.

Впервые клад был обнаружен колхозником с. Советское (б. Кашкатау) В. М. Сахненко еще весной 1947 г. Но часть вещей им и его спутником была брошена на месте, часть утрачена.

Летом того же года, приобретя у т. Сахненко оставшиеся вещи, экспедиция совершила поездку в глухое и живописное ущелье р. Псыган-су и установила следующее.

На левой стороне каменистого ущелья, на высоте 100 м над уровнем реки, в убежище под скалой, на небольшой площадке, огражденной грубо сложенной каменной оградой, в яме, под каменной плитой и был найден Жемталинский клад.

Отличная сохранность кладки стены, ее технические особенности и другие показатели не позволяют считать ее очень древней и органически связывать с кладом.

По словам т. Сахненко, в яме у самой скалы, под каменной плитой лежала бронзовая ваза в окружении 6 бронзовых малых сосудов. Другие вещи (6 бронзовых топоров, цепь и кинжальные ножи) находились внутри вазы.

При обследовании места находки экспедицией была найдена брошенная находчиками ваза; затем, при расчистке ямы, обнаружены бронзовый сосудик с ручкой, куски листовой бронзы и две ручки от сосудов.

Из всего состава клада в нашем собрании оказались:

1) Бронзовый цилиндрический колпачок, украшавший навершие кинжала. 2) Обломок бронзовых ажурных кинжальных ножен, обрубленных при дележе находчиками. (Ножи отлиты по восковой модели.) 3) Бронзовая цепь, состоящая, судя по размерам колец, из двух обрывков цепей. Стандартизация в изготовлении этих колец просто поразительна. 4) Две звероподобные литые ручки от несохранившихся сосудов. Ручки сделаны из «красной меди». 5) Три бронзовых совершенно одинаковых топора, типа «Б» по Уваровской классификации кобанских топоров (рис. 7, 1). Они еще сохранили следы литья — заусеницы. А некоторые совершенно одинаковые изъяны в молоточной части указывают на их происхождение из одной и той же литейной формы. 6) Два бронзовых сосудика с звероподобными ручками (рис. 7, 2). Массивные днища этих сосудов выкованы из «красной меди». Средняя высота сосудов — 12—15 см. 7) Уникальной по своей изящной форме является бронзовая ваза. Ее высота — 0,45 м. Изготовлена она из листовой бронзы (при 10% олова и свинца) и состоит из 6 отдельных частей — литой горловины, 4 отдельных полос и тонковыкованного днища без поддона (рис. 7, 3).

Скрепление отдельных частей вазы по швам произведено симметрично расположенными заклепками из красной меди. Это придает вазе нарядность. Ваза имеет две массивные ручки, изображающие головы животных с поднятыми ушами. Ручки отливались в особых литейных формах уже на готовом сосуде.

Своим появлением на свет ваза доказывает, что древние мастера Кавказа владели сложным делом изготовления подобных шедевров первобытной техники металлообработки.

Пока невозможно указать на какие-либо образцы, которые могли бы служить прототипами жемталинской вазы, и как ни соблазнительно морфологически сопоставлять эту вазу с прекрасной глиняной посудой греческой

архаики, трудно допустить для тех времен какую-либо связь этих районов Кавказа с античным миром.

Бронзовые же сосуды с звериными ручками, подобные жемталинским, известны на Северном Кавказе, в Закавказье и даже на Украине. Я имею в виду соответствующие сосуды из Кумбултского могильника «Верхняя

Рис. 7. Жемталинский клад.

1 — бронзовый топор кобанского типа „Б“ (2/3 н. в.); 2 — бронзовый сосудик (1/2 н. в.); 3 — бронзовая ваза (1/5 н. в.).

Рухта»,⁹ из Келермесского кургана,¹⁰ из Пятигорска,¹¹ из Лечхумского клада,¹² из Игдырского колумбария у с. Малаклю,¹³ из Жаботина¹⁴ и других мест.

⁹ П. С. Уварова. Могильники Сев. Кавказа, т. VIII, 1900, стр. 241, рис. 196.

¹⁰ ОАК, за 1904 г., стр. 93.

¹¹ Хранится в Пятигорском музее.

¹² Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий... Вестник Муз. Грузии, вып. XIII. Тбилиси, 1944, стр. 35.

¹³ Там же, стр. 25.

¹⁴ N. Makarenko. La civilisation des Scythes et Hallstatt. ESA, V, 1930, стр. 24—39, рис. 1—2.

Как известно, была попытка рассматривать эти сосуды как доказательство теснейших связей нашего юга с гальштаттской культурой Западной Европы.¹⁵ Но соотношение частей сосудов, их форма и детали (звериные ручки) говорят против сближения их с бронзовыми ситулами гальштатта.

Мало общего (кроме техники заклепки) имеют наши сосуды и с бронзовыми котлами киммерийской культуры.¹⁶

В последние годы было убедительно доказано именно кавказское происхождение всех этих сосудов с звериными ручками.¹⁷ Но вместе с тем была проявлена и тенденция ограничивать районы производства подобных ситул и кружек только западным Закавказьем и в первую очередь «областью Лечхумских и Рачинских месторождений меди».¹⁸

Сейчас в свете новых данных приходится пересмотреть этот тезис.

Нами было установлено, что наиболее характерными элементами этих сосудов являются звероподобные ручки и днища-чашечки, кованные из «красной меди». Просмотрев под этим углом зрения соответствующие предметы из кавказских коллекций ГИМ и других музеев, можно сказать, что больше всего подобных вещей происходит из районов Северного Кавказа и особенно с территории Северной Осетии (Дигории) и Кабарды.

Так, вне Кавказа, с территории Украины, известны 4 предмета из 3 пунктов; из 7 мест Закавказья — 10 экземпляров, а с территории Северного Кавказа с 11 пунктов известно уже 35 предметов. Таким образом, именно горные районы центральной части Северного Кавказа представляются областью наибольшего распространения бронзовых сосудов с звериными ручками.

Повидимому, все горные районы центрального Кавказа, по ту и другую сторону хребта, богатые меднорудными месторождениями, и являлись основной областью производства этих специфически кавказских сосудов. Отсюда, путем обмена и всяких сношений, они и попадали и в Армению, и на Кубань, и даже на Украину.

Датировка Жемталинского клада довольно легко определяется уже приведенными аналогами. Как известно, обломки бронзовых сосудов из колумбария с. Малаклю датируются встреченными там урартскими печатями VIII—VII вв. до н. э.¹⁹ Келермесский курган № 2, давший бронзовый сосуд с двумя ручками, судя по бронзовым наконечникам скифских стрел, относится к самому началу VI в. до н. э.²⁰ Все другие находки из 49 аналогичных предметов вполне укладываются в двухвековой отрезок времени, охватываемый этими крайними датами.

Полное отсутствие в составе клада скифских элементов и наличие предметов кобанской культуры позволяют датировать Жемталинский клад VIII в. до н. э.

Это обстоятельство лишний раз указывает на более поздний период бытования кобанской культуры, чем это многим казалось ранее.

Состав Жемталинского клада и технические особенности предметов свидетельствуют о высоком мастерстве металлообработки у насельников горного Кавказа и наглядно доказывают, что древние племена Северного Кавказа также активно участвовали в культурном творчестве народов Кавказа в I тысячелетии до н. э.

¹⁵ ESA, V, 1930.

¹⁶ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 54, рис. 8.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский. Скифы и Закавказье, Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1940, стр. 89—90; его же, История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 321.

¹⁸ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 42—43.

¹⁹ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 27.

²⁰ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 45.

Из памятников раннего средневековья заслуживает внимания впервые открытый экспедицией 1947 г. новый грунтовой могильник близ с. Советское (бывш. Кашкатау). Могильник дал интересные комплексы керамики и оружия, характерные для алано-хазарского периода местной истории (VII — X вв. н. э.).

Были обследованы и памятники позднего средневековья. Наиболее важным для истории народов Северного Кавказа является городище Джулат на Тереке.²¹

Из истории известно, что под стенами этого города в 1397 г. произошла битва Тимура с Тохтамышем. Обследованием этого объекта установлена толщина культурного слоя, достигающая 3 м. Здесь же был найден фрагмент арабской надписи на камне XIV в. На городище сохранилось кубическое основание сторожевой башни, сложенное из квадратных кирпичей. Эта башня во всех деталях повторяет все особенности известного Татарпутского минарета (Сев. Осетия) и вместе с руинами в Маджарах (на р. Куме) доказывает существование на Северном Кавказе третьего средневекового города Золото-Ордынской эпохи.

Раскопки курганов XIV — XV вв. дали материалы, важные для выяснения вопроса формирования культуры кабардинского народа.

ГРОЗНЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

В Грозненской области экспедиция продолжала впервые предпринятое в 1946 г. археологическое обследование северных, ныне почти безжизненных, полупустынных районов области от р. Кумы до границ Ставрополя и Астраханщины. Здесь вновь были зафиксированы многочисленные, отличной сохранности курганы, достигающие 8—10 и даже 13—14 м высоты, как Уч-Тюбе, Кара-Тюбе и Би-Тюбе.

Произведенными раскопками группы невысоких курганов у с. Ачикулак вскрыты погребения эпохи бронзы (рис. 8, 8), впускные погребения скифского времени и могилы разных стадий средневековья. Впервые здесь было выявлено захоронение с типичнейшим для скифской культуры погребальным обрядом (вытянутость, западная ориентировка) и могильным инвентарем (железный акинак, наконечник стрелы и пр.).

В выдувах Божиганских песков был собран большой подъемный материал, распределяющийся во времени от энеолита до позднего средневековья (кремневые резцы, скребки, проколки, микролитические орудия, наконечники стрел, вкладыши, бронзовое и железное оружие, песты, зернотерки и фрагменты керамики). Всё это — жалкие остатки некогда засыпанных песками, а затем развеянных мест поселений, могильников и курганных насыпей различных эпох. Их множественностью доказывается, что в прошлом эта территория являлась довольно густо заселенным цветущим краем. Только наступление песков, изменение направления рек (бассейна р. Кумы) и периодически повторявшиеся трансгрессии Каспия способствовали прекращению здесь жизни и превращению цветущих районов в безжизненные песчаные пространства огромного Божигано-Терекского массива.

Добытый здесь материал и наличие столь хорошо сохранившихся огромных курганов типа Би-Тюбе (царский курган) рисуют заманчивые перспективы для изучения этих неизведанных районов. Ряд данных (керамика, образцы каменной индустрии — стрелы и пр.) указывает на прямые связи этих мест с Поволжьем, Подоньем, Прикубаньем и даже с Закав-

²¹ Записки Сев.-Кавк. краевед. н.-и. ин-та, т. II. Ростов/Дон, 1929.

Рис. 8а. Инвентарь Таркинского могильника.

1 — серьга; 2 — пряжка; 3 — 4 — фибулы; 5 — зеркало (бронза, погребение № 11, н. в.); 6 — бронзовый браслет (погребение № 10, н. в.); 7 — глиняная чаша (погребение № 13).

казьем. Дальнейшие исследования столь хорошо сохранившихся курганов безусловно обогатят науку новыми данными по древней истории пока еще слабо изученного Северо-восточного Кавказа.

ДАГЕСТАНСКАЯ АССР

В Дагестане работы были произведены только на могильнике близ с. Тарки, недалеко от г. Махач-Кала.

9

8

10

Рис. 86. Инвентарь Таркинского могильника.

8—сосуд из кургана у с. Ачикулак Грозн. обл. Погребение эпохи бронзы (3/4 н. в.); 9 — рифленая глиняная чашка из погребения № 13 Таркинского могильника (4/5 н. в.); 10—сосуд из погребения № 4 Таркинского могильника (3/4 н. в.).

Ранее этот могильник был известен лишь каменными гробницами каякентско-хорочоевской культуры, синхронной кобанской. Экспедицией были вскрыты лишь остатки нескольких гробниц и установлено, что древнейший погребальный слой могильника почти весь исчерпан.

Но полной неожиданностью для экспедиции было вскрытие на могильнике грунтовых погребений с инвентарем, типичным для культур Нижнего Поволжья и Кубани сарматского периода. Почти все костяки лежали вытянуто на спине, прямо в грунте. Могильный инвентарь составляли различные украшения, как бронзовые браслеты, фибулы арбалетного типа, зеркало с ушком, серебряные и бронзовые колечки, пряжки и бусы: стеклянные, коралловые, гешировые и из египетской пасты в виде кисти руки (рис. 8а, 1—6). Особый интерес представляет разнообразная по формам посуда (рис. 8а, 7 и рис. 8б, 10). Резко выделяются — небольшая чаша (фиала) с рифленой поверхностью и углублением в округлом дне (рис. 8б, 9) и курильница-погремушка, украшенная геометрическим орнаментом. Рифленая чаша несомненно сделана в подражание металлической посуде Закавказья²² и несет черты глубокой традиции ахеменидской эпохи. Известные аналоги всем этим предметам из памятников Поволжья и Северного Кавказа позволяют датировать эти погребения II — III вв. н. э.²³

В Дагестане, да еще в приморском районе предгорий, элементы сарматской культуры встречены впервые. Вероятно, могильный инвентарь этих погребений характеризует культуру местного населения Кавказской Албании периода ее расцвета. Известно, что границы Албании доходили до Северного Дагестана.²⁴

Вместе с тем новый таркинский материал значительно расширяет наши возможности для более широкого изучения и освещения сарматского периода в истории юго-востока нашей страны. Он выдвигает новый аспект в изучении сарматской проблемы в целом, с обязательным использованием и восточно-кавказского материала. Дальнейшие исследования Таркинского могильника значительно расширят наши представления о характере взаимосвязей сарматского мира с Кавказом, что давно уже намечалось по лингвистическим данным.²⁵

²² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. 1944 г. Тбилиси, стр. 36, табл. VII, VIII.

²³ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 185.

²⁴ С. В. Юшков. О границах древней Албании. Исторические записки. Изд. АН СССР, т. 1, 1937, стр. 131.

²⁵ И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. ВДИ, № 4, 1939, стр. 48; Л. А. Мадзулевич. Аланская проблема и этногенез Ср. Азии. Сов. Этнография, т. VI—VII, 1947, стр. 130.

Т. Н. КНИПОВИЧ

ОЛЬВИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Работы Ольвийской экспедиции¹ производились в 1947 г. по двум главным линиям. Во-первых, продолжались раскопки районов, систематически и длительно исследовавшихся в предшествующие годы. Во-вторых, шло расследование новых участков, остававшихся до самого последнего времени неизвестными. В настоящей предварительной публикации мне неизбежно придется ограничиться лишь изложением основных итогов проведенных работ. Начну со второго намеченного мною раздела, т. е. с работ на новых участках.

Между двумя районами, подвергавшимися систематическим раскопкам, — южной половиной городища и участком, примыкающим к так называемому «Зевсову кургану», — лежит обширное пространство, до последнего времени остававшееся совсем нерасследованным. Здесь были заложены два раскопа — раскоп *К* у западной границы городища и раскоп *Е* — у восточной границы верхнего плато.

Раскоп *К* расположен у ограничивающей город с запада «Заячьей балки», к северо-западу от «Второй Поперечной балки». По направлению с запада на восток здесь было расследовано три квадрата 5×5 м, в процессе работ частично (это особенно относится к крайнему западному квадрату) подвергавшихся расширению. Везде, где это оказалось возможным, углубление было доведено до материка.

Во всех трех расследованных участках был обнаружен культурный слой, насыщенный довольно обильными остатками, главным образом керамическими, и содержащий также и некоторые части строительных сооружений.

Вещественные остатки свидетельствуют о том, что данный участок был заселен в течение почти всего до-гетского периода существования Ольвии, с конца VI до начала I в. до н. э. Менее уверенно можно говорить о заселенности расследованного участка в первые века нашей эры. Обнаруженные здесь немногочисленные находки римского времени не дают возмож-

¹ Как и в предыдущие годы экспедиция была организована Ольвийским заповедником при Академии Наук СССР под руководством Л. М. Славина. В работах принимали участие и украинские и ленинградские работники. Из шести раскопов, заложенных на городище, двумя руководили украинские научные работники Б. М. Рабичкин и Ф. М. Штителман, четырьмя — сотрудники ЛОИИМК: А. Н. Карасев, С. И. Капошина, Е. И. Леви и Т. Н. Книпович (начальник Ленинградского отряда и заместитель начальника экспедиции). От Гос. Эрмитажа в работах экспедиции участвовали А. П. Манцевич (начальник отряда, проводившего разведочные работы по исследованию поселений прилегающего к Ольвии района) и А. И. Вошинина. В состав практикантов и сотрудников экспедиции входили как студенты, аспиранты и научные сотрудники Киевского университета и Института археологии, так и студенты Ленинградского гос. университета.

ности установить существование соответствующего этому времени слоя — такой материал мог попасть сюда из соседнего южного района, уже бесспорно входившего в состав территории, восстановленной после гетского разгрома Ольвии.

Далее, целый ряд строительных остатков — каменных кладок, вымосток, сырцовых стен и глинобитных массивов — свидетельствует о довольно значительной застроенности этой части города. Открытые части слишком фрагментарны, чтобы было возможно по ним характеризовать находившиеся здесь сооружения. Особо следует отметить только обнаруженные у самого склона в балку остатки мощной (толщ. 3.5 м) городской оборонительной стены IV в. до н. э. Сохранилась служившая ее основанием субструкция, самая же стена представлена незначительными остатками. В этой же части раскопа сохранился и направленный в балку водосток. К западу от остатков стены был прослежен ступенчатый спуск материка в балку.

Расследование раскопа Е было начато в 1946 г. Он расположен у восточной границы центральной части верхнего плато, к югу от Зевсова кургана. В 1946 г. работы производились частью на склоне к нижнему городу, частью на верхнем плато. В 1947 г. расследованию подвергался только верхний участок, давший особенно интересные результаты.

Уже при начале работ было обращено внимание на особый характер данной территории. Культурный слой оказался здесь очень тонким. Материк в некоторых местах был обнаружен на глубине, не превышавшей 1 м, — явление для Ольвии вообще редкое и особенно бросившееся в глаза при сравнении данного участка с ближайшим к нему районом у Зевсова кургана, где культурный слой отличается значительной мощностью и большой насыщенностью, свидетельствуя о длительной жизни и тесной застроенности. Расследуемая часть города оказывалась заселенной очень слабо.

На этой территории был открыт строительный комплекс, состоящий из шести помещений, впущенных в материк, смежных и не сообщающихся друг с другом. Помещения следовали одно за другим в направлении с севера на юг, образуя узкую и длинную постройку общей протяженностью в 32 м (рис. 9). Не подлежит сомнению, что мы имеем здесь дело с подвальным этажом строения, верхний этаж которого не сохранился. Внешние стены, ограничивающие открытый комплекс с севера, востока, юга и запада, облицованы все только с внутренней стороны, наружная же сторона облицовки не имеет; пространство между обрезом материка и наружной стороной стены везде забутовано. Между тем внутренние стены, отделяющие помещения друг от друга, везде имеют облицовку с двух сторон.

Стены сложены все впереплет, все имеют сходную кладку из известняковых плит средней величины; сложены на глине, но отдельные камни пригнаны друг к другу плотно. Полы везде глинобитные.

О том, что расследуемое здание имело верхний этаж, свидетельствует уже мощность стен, особенно выраженная у двух помещений южной половины. О том же говорят и некоторые остатки, обнаруженные в южной части раскопа, в верхнем горизонте. Здесь оказалось большое скопление крупных кусков штукатурки двух цветов, красной и белой; здесь же встречались и отдельные камни, впрочем, слишком еще незначительные для окончательного суждения о наличии здесь стены: необходимо дальнейшее расследование этой части участка. Верхнему этажу принадлежали, очевидно, и некоторые архитектурные остатки, обнаруженные в перекрывавшем южные помещения завале. О них мы еще будем говорить особо.

Необычный характер описываемого комплекса ярко отразился и в сделанных при его исследовании находках. Свойственные жилым домам остатки встречались здесь в небольшом количестве, а в некоторых помещениях и совсем отсутствовали: преобладал материал совершенно иного характера. Обращает внимание прежде всего исключительное обилие монет: они

встречались и в наслоениях верхних горизонтов, заполнявших помещения, а особенно в большом количестве бывали всегда находимы на полу и вблизи пола. В одном из центральных помещений, наряду с особым обилием монет, оказалось также значительное количество глиняных плоских кружочков; из них многие имеют отверстие в центре. Найден был также целый ряд костяных амулетов исключительно тонкой работы в виде мухи, астрагала, раковины, руки со сжатым кулаком и др. (рис. 10). При незначительном количестве простой обиходной керамики не могли не при-

Рис. 9. Раскоп *Е*. Общий вид с севера на юг.

влекать внимания повторные находки керамики двух групп. Это, с одной стороны, чернолаковые чаши и килики с остатками находившейся в них красной краски (куски последней были обнаружены также и рядом, на полу), с другой — сероглиняные сосуды простой выделки, имеющие по большей части форму глубоких чашек и снабженные совсем необычными для такой керамики рельефными клеймами с негативными надписями *ΑΠΑΤΟΥΡΙΟ* — 'Απατούριο (6 экземпляров), а также *ΑΓΡΩΤΟΣ* — 'Αγρῶτος и *ΕΥΠΟΛΙΟΣ* — 'Ευπόλιος. В необычном для остатков жилых домов виде были обнаружены и кости животных — они всегда встречались значительными скоплениями. Так, в одном помещении встретилось большое скопление мелких птичьих костей, в других — кости мелкого рогатого скота.

Все указанные находки принадлежат IV и III вв. до н. э.

Выяснить характер открытого комплекса помогают данные, полученные, с одной стороны, при углублении ниже уровня пола помещений, с другой, — при расследовании завала, перекрывавшего южные помещения.

При углублении ниже уровня пола оказалось, что местами пол лежит непосредственно на материке, местами под полом имеется слой с остатками классического периода, очень тонкий и слабо выраженный. При за-

чистке материка на всем протяжении открытого строения были обнаружены вырытые в материке ямы. За одним только исключением, о котором речь впереди, все это — ямы небольшого размера и неглубокие; они однородны и по содержанию — в каждой оказывались монеты (в большинстве — по одному медному ассу, иногда встречались также медные дельфинчики) вместе с обломками керамики, терракотовых статуэток, костей животных и т. д. Особый интерес представляют две ямы. Из них одна (яма Л) была в верхней части выложена расположенными в форме венца рогами крупного животного, близкого туру. Среди обнаруженного в ней материала заслуживают особого упоминания обломок (часть торса) женской терракотовой статуэтки с прекрасно сохранившимися красками — яркой голубой, покрывавшей одежду, и желтой, очевидно, имитирующей золото: желтой краской окрашена кайма одежды и украшения (бляшки?).

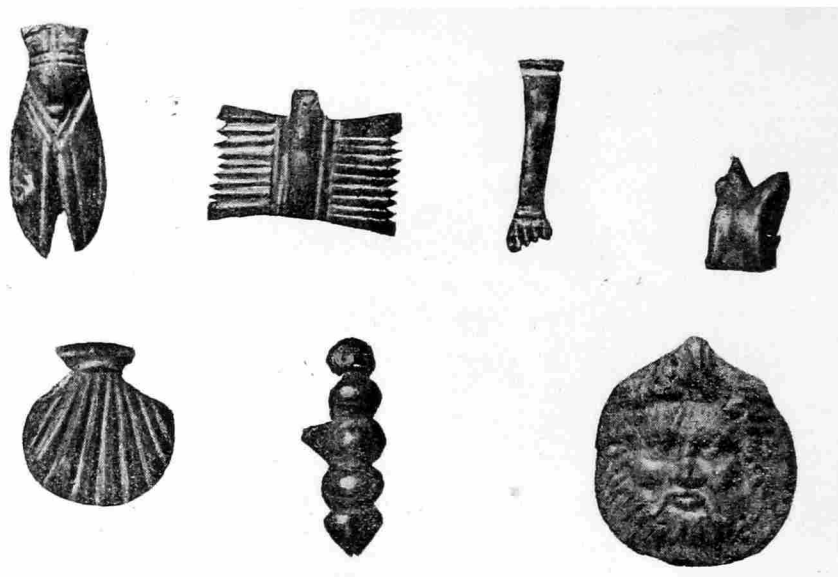

Рис. 10. Амулеты (раскоп Е).

Вторая из упомянутых ям (яма Р) отличается, прежде всего, значительными размерами (диаметр 1.45 м, глубина 1.90 м). Вся нижняя часть ямы была заполнена амфорами, уложенными в три ряда; кроме амфор, яма содержала обильный и разнообразный материал — крупные куски угля, серы, много медных дельфинчиков и большое количество различных экземпляров керамики и терракот, среди которых особенно интересно обилие светильников архаического типа. Культовый характер всех этих ям не подлежит сомнению. Несомненна также принадлежность их более раннему времени, чем находки, сделанные выше уровня пола помещений: весь найденный в ямах материал принадлежит VI и V вв. до н. э.

Как уже было указано, южная часть открытого комплекса была перекрыта завалом. Этот завал дал яркую картину разрушения, очевидно умышленного. Ясно выражены следы пожарища: зола, уголь, горелая земля были перемешаны с многочисленными кусками обработанного мрамора и различными архитектурными обломками (например капители колонн). Специальный интерес имеют два найденные здесь предмета. Из них один — фрагмент мраморной статуи архаического стиля, несомненно культовой: для северного Причерноморья это — экземпляр совершенно исключительный. Вторую находку представляет обломок мраморной плиты с греческой посвятельной надписью Πολυμήδης καὶ.... ὑπὲρ τοῦ ἁδελφ[οῦ] — Полимед и кто-то еще посвятили за брата.

Материал завала дает вместе с тем представление о верхнем этаже. Он имел несомненно более парадное оформление, чем сохранившийся подваль-

ный, о чем свидетельствуют находки архитектурных деталей и различных кусков обработанного мрамора, а также ранее упоминавшиеся скопления штукатурки двух цветов.

Все упомянутые находки, принадлежавшие тому же времени (V—III вв. до н. э.), что и материал, обнаруженный при расследовании подвального этажа, встречались здесь вместе с отдельными более поздними предметами конца III и II вв. до н. э.: последние предметы устанавливают, очевидно, дату разрушения данного сооружения.

С запада к исследованному строению примыкала улица или площадь, о чем говорят обнаруженные в южной части раскопа напластования вымостки, черепяной и плитяной; выяснение характера этой вымостки явится одной из задач раскопок следующего сезона.

В итоге проведенных работ уже и сейчас, до специальной обработки найденного материала, могут быть сделаны некоторые обобщения.

Во-первых, самое нахождение исследуемого строения на незаселенной или малозаселенной территории и вместе с тем незначительное количество встречавшихся в нем предметов повседневного быта делает несомненным, что оно не представляло собой обычного жилого дома.

Во-вторых, целый ряд моментов свидетельствует о его культовом характере. В первую очередь здесь следует иметь в виду ряд особенно показательных находок — таких, как обломок мраморной культовой статуи, обломок мраморной плиты с посвятительной надписью, культовые терракоты, амулеты, а также скопления красной краски, серы, угля и т. п. Не менее показательны ямы в материке, культовый характер которых не подлежит сомнению.

Описанный комплекс представляет безусловный интерес. Впервые мы встречаемся с целым культовым сооружением, содержащим очень обильные и показательные находки. Предстоящее в 1948 г. расследование прилегающей к открытому комплексу территории, а также производящаяся в настоящее время специальная обработка собранного материала даст нам, несомненно, возможность лучше понять значение и отдельных групп находок, и всего комплекса в целом.²

Все остальные работы, проводившиеся на территории Ольвии в 1947 г., представляли дальнейшее расследование участков, раскопки которых идут уже давно.

Раскоп *И* в северо-восточной части верхнего плато представляет участок, работы на котором являются одним из главных достижений раскопок Ольвии в советский период; этот участок лучше других освещен и в нашей литературе.³ Как известно, работы здесь состояли, с одной стороны, в раскопках наслоений эллинистического периода, с другой, — в расследовании погребений, принадлежавших архаическому некрополю, находившемуся на данной территории до ее заселения, и некрополю, относящемуся к первым векам нашей эры, когда этот участок оказался вновь за чертой населенного города. По обеим намеченным линиям шли работы и в отчетном году. Остановлюсь на основных результатах.

В 1947 г. работы на раскопе *И* производились в юго-западной части участка. Уже во время работ последних перед войной экспедиций выяснился особый характер строений этой части: здесь было открыто большое

² Исследование открытого комплекса составляет специальную тему, над которой работает руководившая раскопками этого участка Е. И. Леви: ей принадлежат и основные приведенные здесь соображения о характере данного участка. Собранные на раскопе *Е* обильные монетные находки исследует Л. П. Харко.

³ О работах на участке *И* см. Л. М. Славин. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. Ольвия, т. I, Киев, 1940; Л. М. Славин. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части верхнего города. СА, VII, стр. 292 и след. О некрополе на *И* см. статьи Т. Н. Книпович в СА, вып. VI, и КС ИИМК, вып. VI и X

количество сооружений хозяйственного характера — подвалов и глубоких ям-погребов, содержимое которых не вызывало сомнений относительно их назначения. В этом отношении оказались интересными и работы отчетного года. В восточной части исследованной территории была обнаружена вырытая в материке выемка, состоящая из двух соединенных между собой ям, заполненных засыпью с обильным вещественным материалом, в том числе частями крупных сосудов с остатками пищевых запасов. На дне выемки оказалось закрытое каменной плитой устье ямы-погреба, содержащей 59 пустых, тщательно уложенных амфор (рис. 11а и 11б). Почти все они имели на горлышках клейма — большинство энглифические, гераклеийские, несколько — фасосские. Не говоря о большом значении данной на-

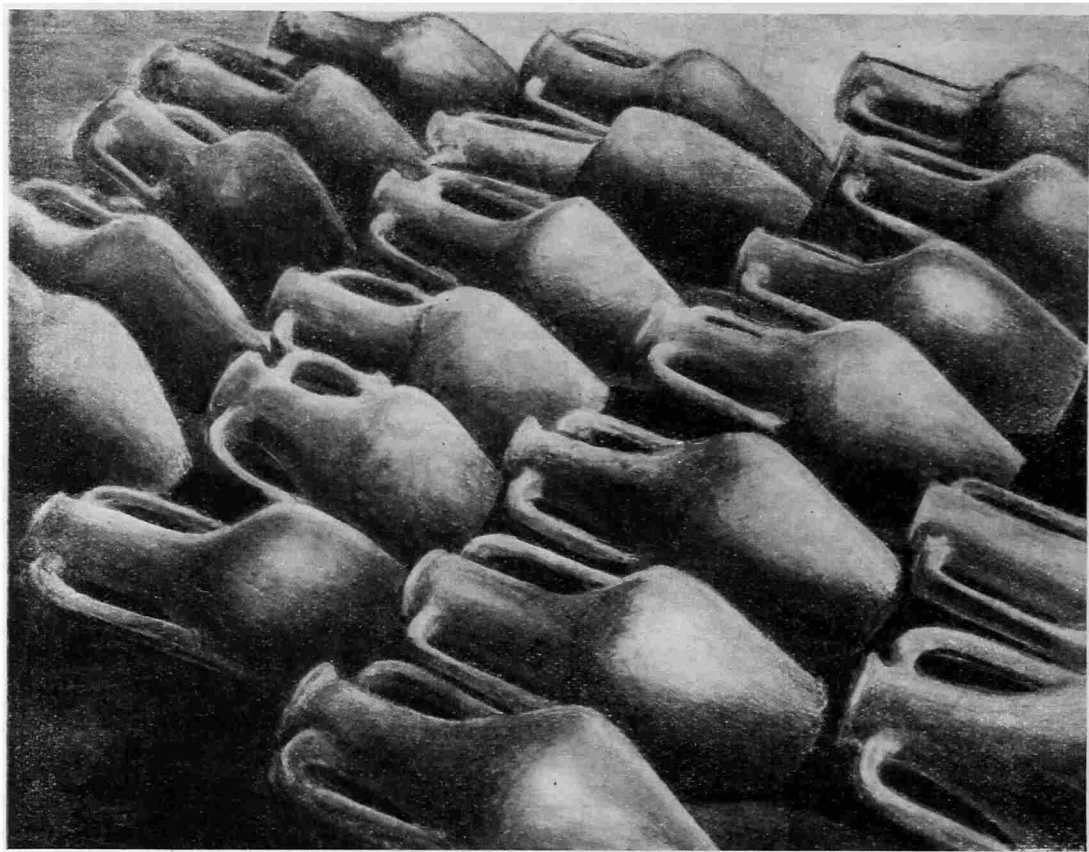

Рис. 11а. Амфоры из ямы-погреба

ходки в деле выяснения хозяйственной жизни Ольвии эллинистического периода, она имеет и специальный интерес для изучения так называемой керамической эпиграфики. Выемка, внутри которой находилась яма с амфорами, вырыта в принадлежащем IV в. до н. э. слое; засыпь этой выемки содержала исключительно однородный хронологически материал именно данного слоя.

В западной части раскопа 1947 г. открыто принадлежащее большому дому подвальное помещение с хорошо сохранившимися стенами и прекрасно оцементированным полом. В юго-западном углу подвала была обнаружена громадная, в 7 м глубины с нижним диаметром в 3.20 м, цистерна с каменной горловиной и оцементированными стенками (рис. 11в); горловина состоит из двух плит, скрепленных свинцовыми пиронами. Осадок красновато-бурого цвета на стенках не допускает сомнений в том, что мы имеем дело с цистерной для хранения вина. Подвал, а вместе с ним и

⁴ По раскопкам 1947 г. (раскоп И).

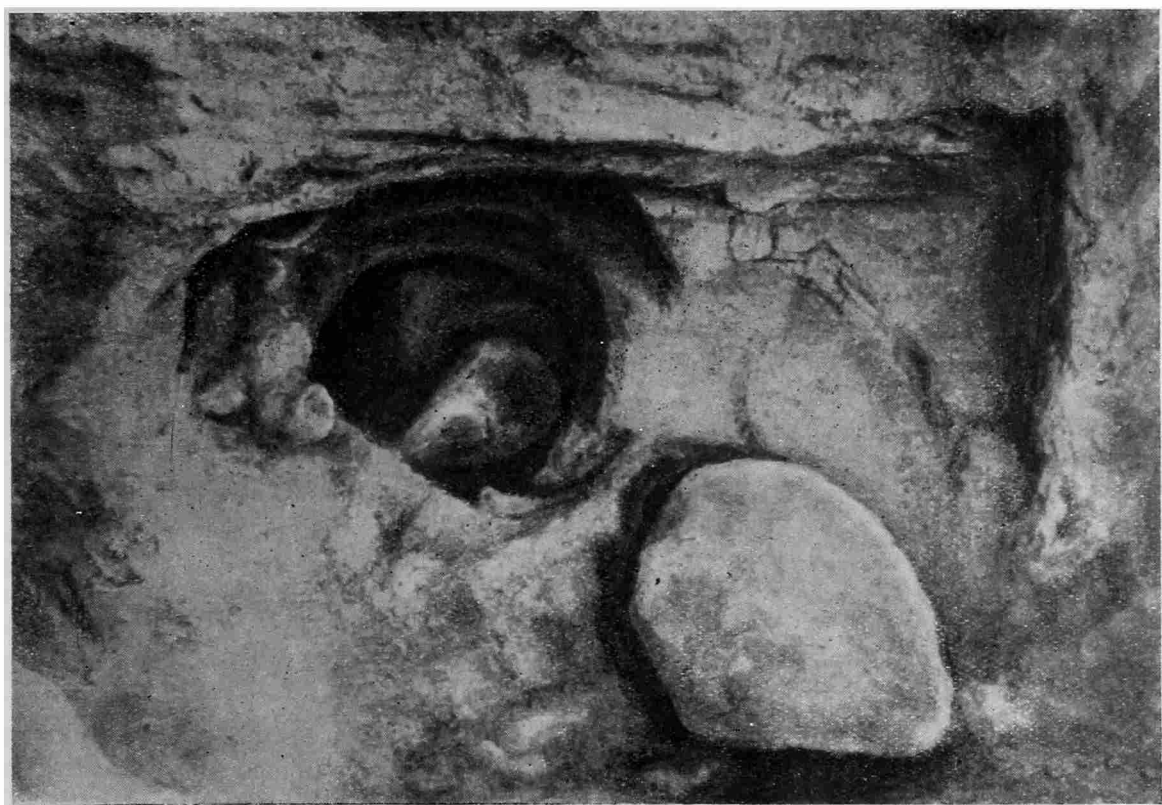

Рис. 116. Яма-погреб.

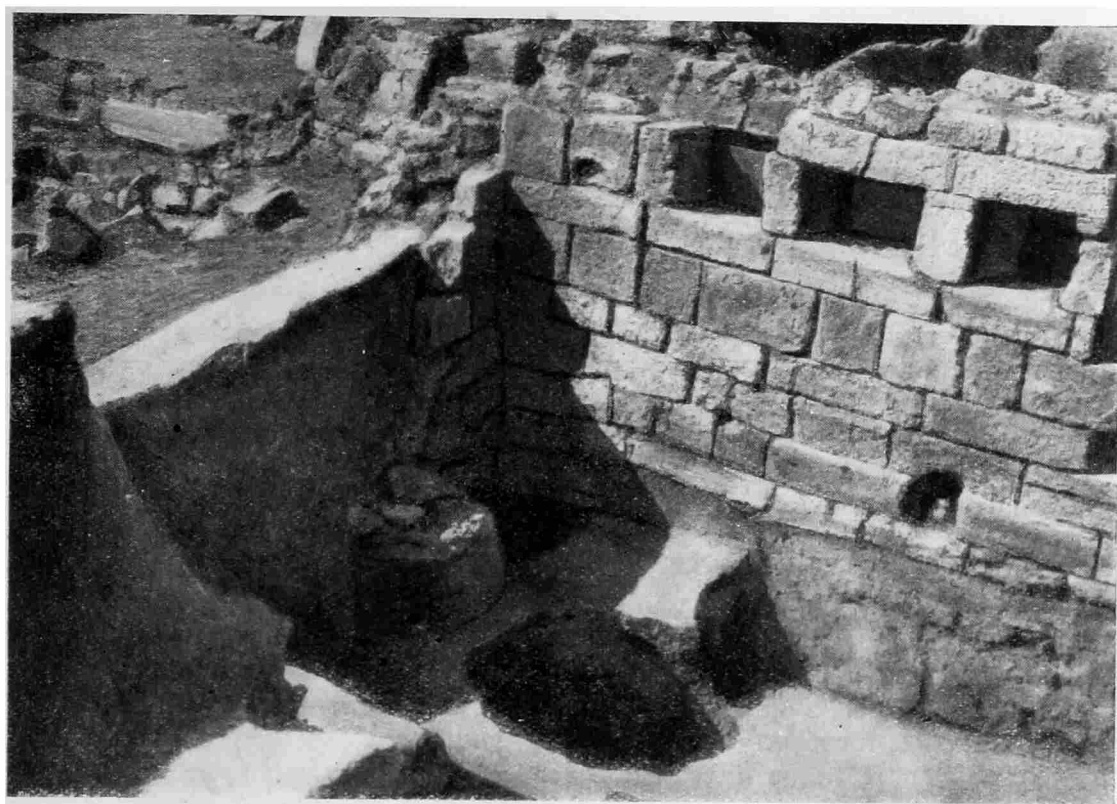

Рис. 11в. Подвал с цистерной (раскоп И).

цистерна относятся, судя по материалу засыпи, к III в. до н. э.; найденные при зачистке пола монеты позволят проверить правильность этой датировки.

Два раскопа — *А* и *Д* — имели целью дальнейшее расследование центральной части верхнего плато. Раскоп *А*, в районе Зевсова кургана, представляет, как известно, один из участков, расследование которых началось в 1902 г. Многократно производились раскопки данного участка и в дальнейшем, в частности, в самое последнее время. Как и во время предыдущих работ, раскоп оказался насыщен строительными остатками. Значение производящихся в настоящее время исследований состоит прежде всего в том, что результатом их является открытие уже не отдельных сооружений, а целого квартала центральной части Ольвии, ограниченного

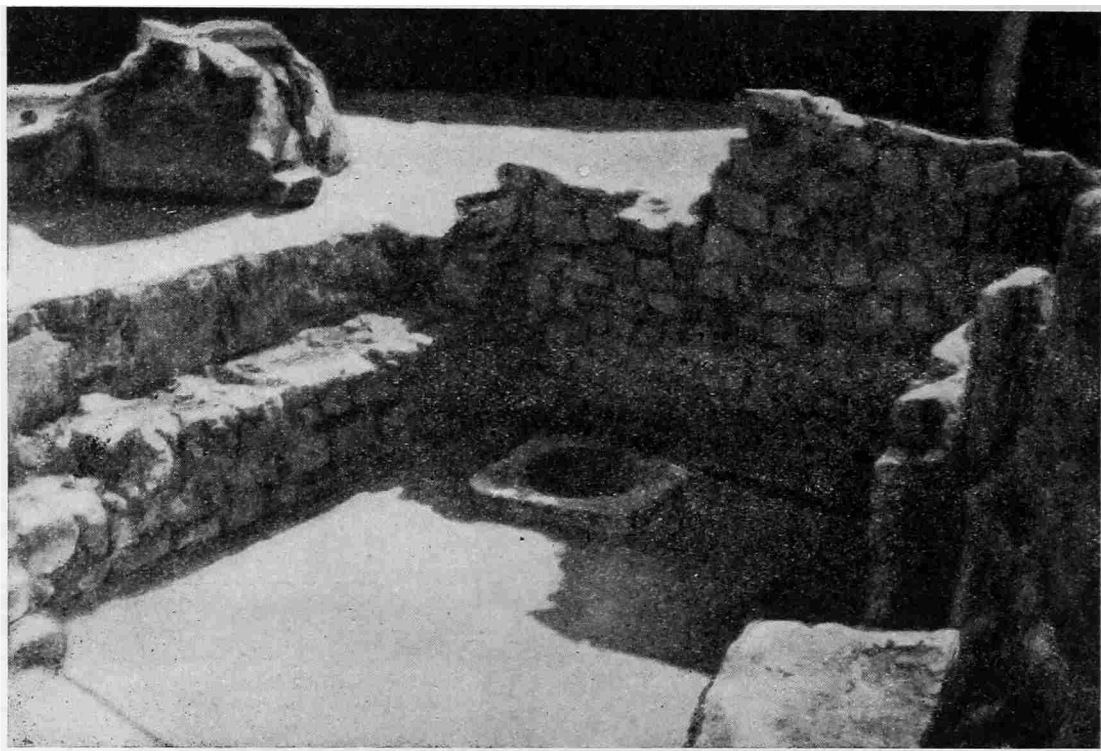

Рис. 11г. Подвальное помещение в доме, открытом к югу от улицы.

большой главной улицей, проходящей с запада от расследовавшегося участка, в направлении с юга на север, и параллельной ей улицей, наметившейся с востока от раскопанного участка. Создается, таким образом, представление о центральной части города вообще, его планировке, его уличной сети.

На раскопанном в 1947 г. участке наметилась узенькая улица с общим направлением с востока на запад и два больших дома, к северу и югу от улицы. Интересно здание, расположенное на север от улицы и состоящее из ряда помещений, с подвалом. Сохранившиеся нижние части его стен имеют прекрасную кладку, выполненную в классической технике. Относясь в главной части к эллинистическому времени, здание пережило ряд строительных периодов. С южной стороны открыта часть второго строительного комплекса, где особого внимания заслуживает хорошо сохранившееся и прекрасно оформленное подвальное помещение с нишами (рис. 11г).

На расположенном к западу от раскопа *А* раскопе *Д* также шло расследование городских наслоений; большая часть открытых здесь строительных остатков принадлежала эллинистическому времени. Особый инте-

рес представляет обнаружение в некоторых местах архаического слоя, сохранившего обильный вещественный, в частности керамический материал. Большая часть этих находок датируется второй половиной VI в. до н. э., но есть отдельные и более ранние предметы. Отметим далее открытую также на этом участке цистерну того же типа, что и на раскопе И, но менее глубокую и хуже сохранившуюся; может быть, не случайно, что и здесь вблизи цистерны оказались глубокие погребения с большим количеством амфор.

На территории нижнего города производились работы на раскопе НГФ: это — тот участок, где в годы 1909—1910 был открыт Б. В. Фармаковским известный дом с алтарем и мозаикой. Расследование этого участка носит особый характер. Ольвийским заповедником проводятся в последнее время большие реставрационно-восстановительные работы, имеющие целью, прежде всего, приведение старых раскопок в экспозиционный вид. На данном участке восстановление открытого комплекса сопровождается его исследованием: работы ведутся на территории дома, открытого Б. В. Фармаковским в 1909—1910 гг., и в ближайшем его окружении. Результатом явилось, с одной стороны, исследование упомянутого дома и открытие новых его частей, с другой, — выяснение некоторых принципиально новых моментов в строительстве и планировке Ольвии.

К числу таких новых частей относится расследованный в 1947 г. в северо-восточной части дома небольшой хозяйственный подвал с нишами. Вместе с тем, внесен ряд поправок в прежние представления о строительстве на данном участке, а тем самым и в Ольвии вообще. Выяснилось существование не только отдельных хозяйственных подвалов, но и развитого подвального этажа. Далее, изучение кладок вместе с обнаруженным обильным и показательным вещественным материалом дало возможность перенести дату возникновения дома со II в III в. до н. э. Затем удалось открыть остатки классического периода — обнаружены кладки, частично использованные позже как стены подвальных помещений; открыта булыжная мостовая; определены восточная и северная границы здания.

Что касается работ в ближайшем к дому окружении, то здесь очень важным является обнаружение второй, средней террасы, на которой располагались кварталы города наряду с нижним городом и верхним плато. Существование средней террасы предполагалось и раньше, но проследить ее не удавалось. В 1947 г., к западу от расследуемого дома, на значительно более высоком уровне была открыта мостовая, в основании которой оказались между прочим вторично использованные барабаны очень больших колонн.

Здесь сообщается лишь о самых основных итогах очень больших и плодотворных работ, проведенных на территории Ольвии в 1947 г. Работы эти дали также и очень ценные вещественные находки. Большое значение имеет прежде всего значительное количество материала архаического времени, встречавшегося в особом обилии на раскопе Д, а также на раскопе К и отчасти на раскопе А. В большей своей части этот материал датируется второй половиной VI в. до н. э.; но имеются и единичные экземпляры, принадлежащие более раннему времени, во всяком случае, еще первой по-

Рис. 12. Терракотовая головка конца V в. до н. э. (раскоп Д).

ловине VI в. до н. э. Очень показательны также находки эллинистического времени, сделанные при исследовании открытого Б. В. Фармаковским дома в нижнем городе: помимо специального значения этого материала для пересмотра вопроса о времени возникновения дома, он интересен наличием прекрасных экземпляров эллинистической малоазийской керамики, подобных которым еще не встречалось в Ольвии. Наконец, отмечу совершенно уникальную находку на раскопе Д терракотовой головки, по стилистическим особенностям приближающейся к лучшим образцам скульптуры конца V в. до н. э. (рис. 12).

Остается упомянуть осуществленное в 1947 г. продолжение работ по изучению поселений района Ольвии. В истекшем году эти работы имели очень небольшие масштабы — они свелись к самой общей разведке, охватившей ряд городищ на левом берегу лимана р. Буг. Но важно еще раз подчеркнуть значение этих работ. Только зная ту область, где была основана и где просуществовала около 1000 лет Ольвия, можно настоящим образом понять и все специфические черты этого города, основанного греками на скифской земле.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ

(1947 г.)

Раскопки Пантикапея в 1947 г. производились экспедицией, организованной Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР и Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Задачей экспедиции было продолжение работ 1945—1946 гг.,¹ предпринятых с целью планомерного исследования истории города, его археологической топографии и характера культурных напластований.

Эспланадный раскоп 1945—1946 гг. был продолжен с целью выяснить время сооружения и характер кладки № 38, сложенной из больших каменных глыб, которая частично была открыта в 1946 г. (рис. 13). В ходе этих работ вставал и решался ряд других вопросов. Была вскрыта площадь около 250 м², примыкавшая с юго-востока к раскопу прежних лет. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине от 3 до 5 м.

Всего было вскрыто восемь культурных напластований, относящихся по времени от VI—III вв. до н. э. до IV в. н. э. В I слое, датируемом VI—III вв. до н. э., не было обнаружено каких-либо фундаментов, восток или иных остатков построек. Даже обломки черепицы почти не встречались; преобладали черепки остродонных амфор и чернолаковых сосудов классического и позднеархаического времени. Эти находки подтвердили прежнее предположение, что в доэллинистическое время участок Эспланадного раскопа представлял собою пустырь, находившийся скорее всего вне городской черты.

Слой II, датируемый III—II вв. до н. э., заключал остатки монументальных сооружений. К ним относится солидная квадратная кладка № 46, сложенная насухо из очень больших блоков. Кладка тянется с юга на север. Открыта она в длину на 5,65 м; ширина ее равна 0,80 м, высота 0,75 м, глубина подошвы 3,12—3,15 м. Возможно, что верхняя часть этой стены была возведена из сырца; к западу от нее, примерно на том же

¹ В. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. «Советский Крым», 1946, № 2, стр. 117—126. КС ИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 105—115; его же. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг., Памятники Искусства, Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 10—15; М. М. Кобылина. Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ. Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 16 и сл., рис. 6 и 8.

В тезисы доклада В. Д. Блаватского «Раскопки в Керчи», напечатанные в КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 91—92, по независимым от автора обстоятельствам вкрались досадные неточности. Помещенный на странице 91 рисунок 29 к тезисам отношения не имеет и принадлежит к следующей статье «Террасы Пантикапея» (стр. 93—95).

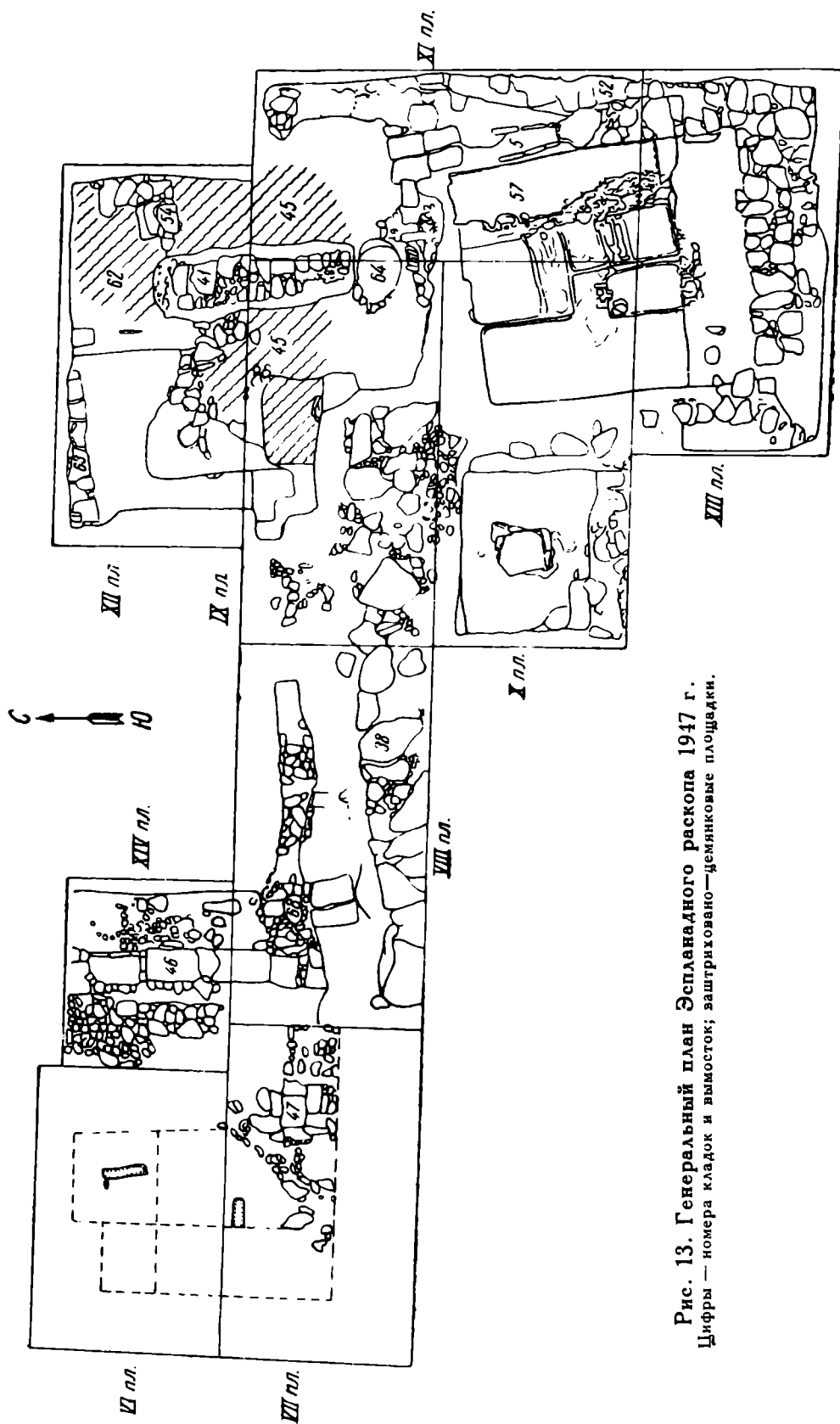

Рис. 13. Генеральный план Эспланадного раскопа 1947 г.
 Цифры — номера кладок и вымосток; заштриховано — цементные площадки.

горизонте, были обнаружены значительные куски сырцового кирпича (длина одного из них 0.92 м, толщина 0.115 м, ширина сохранилась на 0.24 м). К тому же слою относятся также вымостка № 47, выложенная из довольно крупных известняковых плит, и сброс камней № 53; три плиты имеют правильную форму ($0.63 \times 0.25 \times 0.20$; $0.70 \times 0.22 \times 0.16$; $0.29 \times 0.24 \times 0.14$ м). На блоках видны четкие следы тесла шириною 0.07 м. К II слою принадлежит еще хорошо сохранившаяся кладка № 63, сложенная из массивных грубо отесанных известняковых блоков, более или менее близких по форме квадратам. Длина ее (с востока на запад) достигает 3.75 м, ширина (выявлена не полностью) не менее 0.60 м, высота 1.60 м, глубина подошвы 2.70 м. Вещевые находки слоя состояли преимущественно из обломков остродонных амфор III—II вв. до н. э., чернолаковых сосудов IV—III вв. до н. э., «мегарских» чаш и кусков штукатурки, покрытой красной краской.

Находки II слоя свидетельствуют о том, что в III—II вв. до н. э. исследованный участок не только входил в городскую черту, но несомненно был местом интенсивной строительной деятельности. Что представляли собой солидные здания, незначительные части которых были вскрыты, сказать трудно, возможно, что это были богатые жилые дома.

Однако этот расцвет не был продолжительным. Следующий, III слой — I в. до н. э. — свидетельствует о том, что на месте богатых домов, разрушенных, вероятно, во время военных бурь конца II в. до н. э., появляются цементажные винодельческие площадки, покрытые непрочным известковым раствором белого цвета. Такова площадка № 45, обнаруженная на глубине 1.45 м и выявленная в длину примерно на 5 м, а в ширину на 3.20 м. Несколько ниже площадки № 45 находилась площадка № 62, с которой ее соединяла небольшая крутая лестница № 56 с трех ступеней, сложенная из хорошо отесанных блоков. Возможно, что с винодельческими площадками была связана яма № 64, служившая, судя по наличию внутри нее сильно гуммированной земли, для свалки отходов винодельного производства. Из других остатков сооружений упомянем фундамент стены № 69.

Вещевые находки описываемого слоя очень разнообразны. Отметим обломки черепицы: боспорской и, реже, синопской; среди них фрагмент гераклеяского калиптера с клеймом ΑΘΑΝΟΛΩΡΟ, обломки сосудов, покрытых черным и эллинистическим лаком, а также местных тонкостенных.

Напластования эллинистического времени сравнительно однородны по характеру. Совершенно иную картину представляют IV и V слои раннеримской эпохи (I—II вв. н. э.). Вскрытая площадь резко делится на два участка: юго-восточный, занятый «обычными» городскими напластованиями, и северо-западный, покрытый мощным почти двухметровым пластом мусорной свалки. Свалка раннеримского времени является частью свалки, раскапывавшейся в 1946 г., и не отличается от последней. Это мусорная насыпь сероватого цвета с большой примесью золы, прослойками раковин (мидий) и весьма значительным числом находок, особенно обломков керамики, в том числе эллинистического и более раннего времени. Дата нижнего пласта свалки устанавливается (по наиболее поздним находкам) — I в. н. э., верхнего — II в. н. э. Среди находок упомянем: обломок формы для изготовления ювелирной поделки, куски керамического и железного шлака — выброшенные на свалку отходы пантикапейских мастерских, а также кости животных со следами обработки. Особо отметим среди черепков глиняной посуды обломки ранее не встречающихся типов керамики местной работы: обломок плеч большого сосуда с частью рельефного орнамента в виде гирлянды, стянутой тройной перевязью (вероятно раскрашенного). Не менее интересна верхняя часть закрытого широкогорлого сосуда с двумя двойными витыми ручками. Сосуд был расписан исполнен-

ными белой краской по красному фону изображениями побегов с виноградными гроздьями.¹ В юго-восточной части раскопа к слою I в. н. э. принадлежит цемянковая площадка № 43, обнаруженная на глубине 0.92—0.96 м над упоминавшейся выше площадкой № 45. К тому же времени, вероятно, относится и очажная яма № 61 (глубина ее 0.80 м, длина 0.63, ширина 0.58 м), наполненная золой, в которой найдены обломки керамики, кости животных и рыб.

Рис. 14. Общий вид винодельни.

Наиболее значительным сооружением V слоя (II в. н. э.) является винодельческая мастерская (рис. 14), дошедшая до нас в хорошей сохранности, чему способствовало более высокое качество смешанного с шамотом розоватого облицовочного раствора римского времени по сравнению с менее прочным белым эллинистическим раствором. Винодельня имела в плане форму широкого прямоугольника (8.60×7.40 м), вытянутого в направлении с севера на юг. Внутри здания винодельни находились две хорошо сохранившиеся цементированные давяльные площадки: восточная (№ 57) и западная (№ 44), сильно поврежденная средняя площадка, а также цистерна для сусла (№ 65). Восточная площадка залегает на глубине 1.40 м, западная — 1.50 м; обе площадки имели тщательно выровненную, но не горизонтальную поверхность, а с наклоном, способствовавшим стоку сусла. Цистерна имеет прямоугольную в плане форму (2.20×1.40 м), тонкая перегородка разделяет ее на два отсека; над северным бортом западного отсека нависает каменный слив, подвергавшийся в древности ремонту. Стенки цистерны сложены из рваного камня и облицованы розоватым раствором. Жалкие остатки цемянковых площа-

¹ Сравни. ОАК 1908, стр. 124 и сл., рис. 176.

док, открытые в 1945—1946 гг., позволяли лишь предполагать в Пантикапее распространение виноделия; теперь, после работ 1947 г., познакомивших нас с хорошо сохранившейся винодельней римского времени, вопрос о производстве вина в Пантикапее стал твердо установленным фактом.

Описанная винодельня, возникшая во II в. н. э., нужно думать, интенсивно эксплуатировалась, что привело к неоднократным ремонтам боковых площадок, покрытых многослойными облицовками известкового раствора. Здание винодельни, по всей видимости, продолжало существовать и в последующий период VI слоя (т. е. уже в III в. н. э.). Однако назначение его в это время изменилось. В обоих отсеках цистерны были сооружены лестницы, материалом для которых, возможно, послужили плиты средней площадки (для рычажного пресса). Появление этих лестниц показывает, что цистерна больше не использовалась по прямому назначению, а скорее всего служила погребом. При наличии подобных небрежно сложенных лестниц стало решительно невозможно поддерживать необходимую чистоту в винодельческой цистерне.

Таким образом, наша постройка, возникшая еще в раннеримское время в качестве винодельни, продолжала свое существование в позднеримскую эпоху. В каменном завале, лежавшем над западной площадкой № 44, среди многочисленных обломков черепиц были обнаружены вместе с более ранними находками также и обломки керамики позднеримского времени (фрагменты реберчатых сосудов). Равным образом, и внутри цистерн встречались в большом числе черепки поздних боспорских и реберчатых амфор. Так, последний период существования здания винодельни вводит нас в позднеримскую эпоху (III—IV вв. н. э.).

В 1947 г., как и при раскопках 1945—1946 гг., было обнаружено три напластования этого времени. Все три слоя (VI, VII и VIII) довольно близки один другому по характеру находок. Только черепки рифленых сосудов преимущественно попадались в верхнем горизонте насыпи, между тем как реберчатая керамика часто встречалась в нижних и в верхних штыках. Типичной чертой находок в слоях III—IV вв. н. э. является сравнительно небольшое число обломков более древнего времени, что заметно отличает их хотя бы от мусорной свалки I—II вв. н. э., изобилующей обломками предметов классического и особенно эллинистического времени. Среди разнообразных находок в поздних слоях отметим обломки оконного стекла и фрагменты солена с большим круглым световым отверстием, обрамленным высоким бортиком. Продолжавшее существовать в эпоху VI слоя здание винодельни, вероятно, было связано с большим хозяйственным комплексом, с многочисленными зерновыми ямами открытыми во время раскопок 1945—1946 гг. (в одной из них были обнаружены зерна пшеницы, сорниковой ржи и ячменя).

К VI слою относится кладка № 38 — самая грандиозная из открытых на Экспланадном раскопе. Она тянется с запада на восток (отклонения к юго-западу и северо-востоку) примерно на 13 м в длину. Ширина ее 1.20 м. Подошва кладки лежит на глубине 1.12—1.32 м, а высота ее достигает 1.40 м (местами она выступала над поверхностью земли). Кладка исполнена из громадных грубовыломанных каменных глыб, между которыми проложены более мелкие камни. Размеры глыб: $1.14 \times 0.58 \times 0.60$, $0.98 \times 0.45 \times 0.80$, $0.70 \times 0.90 \times 0.76$ м.

Строительные остатки VII слоя менее солидны и дошли до нас в худшей сохранности. К ним принадлежит вымостка № 40, лежащая на глубине от 0.45—0.60 (подошва) до 0.35—0.45 м (верхняя поверхность).

К VIII слою относится развал вымостки № 39, небрежно сложенной из рваных известковых камней средней и малой величины; не исключена, впрочем, возможность, что это просто россыпь разбросанных камней, по-

крывавших свободное пространство запущенной части города в районе зерновых ям. Глубина подошвы камней достигала 0.25 м, а верхней поверхности — от 0.10 до 0.20 м.

Общий характер находок позднеримского времени свидетельствует о заметном обеднении исследованного участка и запущенном состоянии последнего. Участок, ранее занятый богатым кварталом, стал теперь сельскохозяйственной окраиной города. После прекращения жизни на нем, в позднеантичную эпоху, исследуемый район превратился в пустырь и оставался таковым до наших дней. Раскопки 1947 г. показали, что в средневековое время на этом участке, так же как на иных частях Митридатовой горы, хоронили покойников: была обнаружена разграбленная плитовая гробница № 5, врезавшаяся в восточную стену винодельни.

На Босфорском раскопе работы производились для проверки и уточнения данных 1946 г. о времени включения исследуемого участка в городскую черту, а равно и установления (или опровержения) наметившегося вывода о террасной структуре этой части Пантикапея. Вскрыта площадь 90 м² к югу от раскопа 1946 г. Материк обнаружен на глубине 6.75 м и ниже.

В I слое — IV — III вв. до н. э. — мощностью около 2 м обнаружена стоящая на материке солидная подпорная стена № 38, тянущаяся с востока на запад (отклонение к северо-востоку и юго-западу). Лицо стены обращено к югу. Высота достигает 1.50 м. Верхняя часть стены разрушена и представляет собою мощный развал больших камней. К тому же слою, но к более позднему строительному периоду, относится вымостка № 40, лежащая не на материке, а на пласте насыпи около 0.50 м толщиной. Еще позднее (3-й строительный период) возник солидный контрфорс, приставленный впритык к стене № 38. Подошва контрфорса значительно выше верхней поверхности вымостки № 40: пласт лежащей под ним насыпи достигает 0.75 м. К тому же горизонту, что и контрфорс, относится небольшая выгребная яма № 39, обнаруженная в самом конце работ и полностью недоследованная. Это небольшая постройка 0.80 м высотой, шестиугольная в плане. Облицовывающие яму ряды камней постепенно надвигаются, образуя свод наподобие микенских склепов. Яму покрывает тщательно обтесанная плита, состоящая из двух частей. В ней прорезано створение овальной формы.

Таким образом, вскрытие I слоя полностью подтвердило, что исследуемый участок находился в пределах городской черты в IV — III вв., до н. э., а равно и показало, что уже тогда этот район имел террасную планировку, для чего и была сооружена подпорная стена. К ней, нужно думать, примыкала задняя часть усадьбы, стоявшей на нижней террасе, что объясняет наличие здесь выгребной ямы.

К II слою относится 2-метровый пласт насыпи, лежащий над подпорной стеной. Вероятно, это насыпь террасы, сооруженной во II в. до н. э. В верхнем горизонте слоя обнаружена монументальная кладка № 37, состоящая из двух прекрасно отесанных квадров. Ширина ее 0.35, высота 0.30 м, раскопана в длину на 2.25 м. Около кладки, на том же уровне, лежала дорийская капитель, высеченная из известняка и покрытая тонким слоем штукатурки. Эти остатки свидетельствуют, что в эпоху эллинизма на исследуемом участке сооружались богатые здания.

Выше залегала насыпь III слоя, относящаяся к I в. до н. э. Она аналогична насыпям, обнаруженным в 1946 г. на Босфорском раскопе и в 1945 г. на восточном склоне горы Митридат. Мы уже неоднократно отмечали связь этих насыпей с восстановительными работами в Пантикапее после разрушений в конце II в. до н. э.

Над насыпью I в. до н. э. обнаружены незначительные остатки IV слоя — I — II вв. н. э. К ним относится глинобитный очаг № 23. Более

значительны остатки III — IV вв. н. э. К V слою относится открытая в 1947 г. часть дома, примыкающего с юга к перекрестку улицы и переулка (раскопок 1946 г.). Обнаружен развал вымостки № 33, вероятно внутреннего двора, и части кладок №№ 34, 31 и 32. Наконец, VI слой был представлен только остатками вымостки № 30.

Подводя итоги работам на Босфорском раскопе, мы можем сказать, что исследование классических и эллинистических слоев внесло много нового в историю изучаемого участка, а наблюдения над слоями римского времени подтвердили заключения, сделанные на основе раскопок 1946 г.

Третий раскоп был разбит к востоку от скалистого выступа, расположенного восточнее второго Кресла Митридата. Вскрыта площадь около 42 м². Материк обнаружен на глубине от 2.55 до 4.10 м. Результаты раскопок значительно пополняют данные разведок, производившихся здесь в 1945 г., и позволяют наметить следующие выводы. Исследованный участок был включен в городскую черту в III — II вв. до н. э. К этому времени относятся развалины монументального сооружения, назначение которого пока не может быть установлено. Стены его — № 5 и 6, сложенные из больших хорошо отесанных блоков, вряд ли могли принадлежать частному жилому дому. Эпоха эллинизма, видимо, была временем расцвета строительства на данном участке. В последующий, римский, период уровень его значительно снизился. К II слою, I—II вв. н. э., относятся развалины здания, погибшего от пожара. Невысоким уровнем строительной техники отличается принадлежащая ему плохая кладка № 4 из рваного камня с не горизонтальной, а наклонно выведенной постелью фундамента. Не лучше и качество построек III — IV вв. н. э. Позднее наш участок пришел в полное запустение и оказался вне городской черты, как показывает впущенная в позднеимперский слой средневековая плитовая гробница № 4, от которой сохранился только разоренный каменный ящик.

Последний раскоп был разбит недалеко от Приморского бульвара, к ВЮВ от первого Кресла Митридата. Первая площадь² его находилась во дворе разрушенного дома по улице Р. Люксембург, в 77 м от угла с улицей К. Либкнехта. На этой площади (30 м²) материк обнаружен на глубине 2.45 м. Раскопаны четыре слоя, относящиеся по времени: первый к IV — III вв. до н. э., второй к II — I вв. до н. э., третий к I — II вв. н. э. и четвертый к III — IV вв. н. э. Эти напластования позволяют думать, что в указанное время исследуемый район находился в пределах городской черты.

Помимо раскопочных работ, экспедицией 1947 г. было произведено обследование Золотого кургана и обмеры развалин его крепиды.

Подводя общие итоги работ 1947 г., следует признать, что все основные выводы экспедиций 1945—1946 гг. о стратиграфии древнего города получили полное подтверждение. Особо отметим, что в 1947 г. впервые за последнее время обнаружены значительные остатки древних напластований эпохи Спартокидов. Остатки монументальных построек и террасная планировка свидетельствуют о высоком культурном уровне Пантикапея в эту эпоху. Ранее предполагавшееся наличие виноделия в Пантикапее только в 1947 г. получило бесспорное подтверждение. Новую страницу в истории города открывает циклопическая кладка № 38, свидетельствующая о большом сдвиге в строительной технике и во всем культурном укладе Пантикапея в III в. н. э.

² Вторая площадь, также 30 м², была разбита по той же улице во дворе одного из домов, в 108 м от угла улицы К. Либкнехта.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

БОСПОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

В 1947 г. Боспорская археологическая экспедиция продолжала изучение городов Боспорского царства на Керченском полуострове. В состав экспедиции 1947 г. входили три отряда, из которых два — тиритацкий и мирмекийский — продолжали раскопки двух боспорских городищ — в Камыш-буруне и у мыса Карантинного; третий же отряд, вновь организованный, предпринял разведочные исследования на античном городище у деревни Ивановки, на расстоянии 17 км к юго-западу от Керчи.

В Тиритаке раскопки велись на участке XV с северо-восточной стороны обширного дома-усадьбы III — IV вв. н. э., исследование которого было закончено в 1946 г.

Последовательно и настойчиво в течение десяти лет проводившиеся Боспорской экспедицией раскопки Тиритаки обогатили нас весьма интересными и важными фактическими данными, характеризующими этот пункт как укрепленное боспорское поселение с исключительно ярко выраженными промыслово-хозяйственными функциями.

По обилию превосходно сохранившихся остатков производственно-хозяйственных сооружений, связанных прежде всего с виноделием и рыбопромышленным делом, Тиритака безусловно занимает совершенно особое место, представляя собой крайне своеобразный и в известном смысле уникальный тип промыслового античного поселения в Северном Причерноморье. Однако при исключительном обилии ценнейших остатков материального производства эллинистическо-римского времени, открытых в Тиритаке в ходе многолетних раскопок, мы имеем там сравнительно немного расследованных остатков жилых кварталов. Правда, такие замечательные тиритацкие комплексы, как архаический дом (раскопки 1938 г.)² и позднеримский дом-усадьба (раскопки 1939—1940 и 1946 гг.),³ ярко осветили черты быта и культуры, но этого все еще недостаточно.

Раскопанная в 1947 г. площадь городища составила 275 м², с максимальной глубиной культурных отложений 4.5 м. На исследованном в от-

¹ Боспорская экспедиция в 1947 г. была организована ЛО ИИМК АН СССР совместно с Ленинградским гос. Ордена Ленина университетом и Керченским археологическим музеем. Экспедицией руководил В. Ф. Гайдукевич; в составе экспедиции работали — от ИИМК: М. А. Наливкина, Е. Г. Кастанаян, М. М. Кубланов; от Керченского музея: В. И. Юдин и А. П. Иванова. В экспедиции проходили практику полевых археологических работ студенты Ленингр. гос. университета, специализирующиеся по античной археологии: Л. Е. Ковалевская, Г. С. Плетнева, Э. Д. Рабинович, В. М. Брабич, М. Л. Иоффе, Л. И. Тарасюк, Л. А. Неменко и Я. Даманский, а также группа студентов Ленингр. пед. института им. Герцена и Моск. пед. института им. Ленина.

² ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 306—308; 1947, № 3, стр. 191—192.

³ ВДИ, 1947, № 3, стр. 195—200.

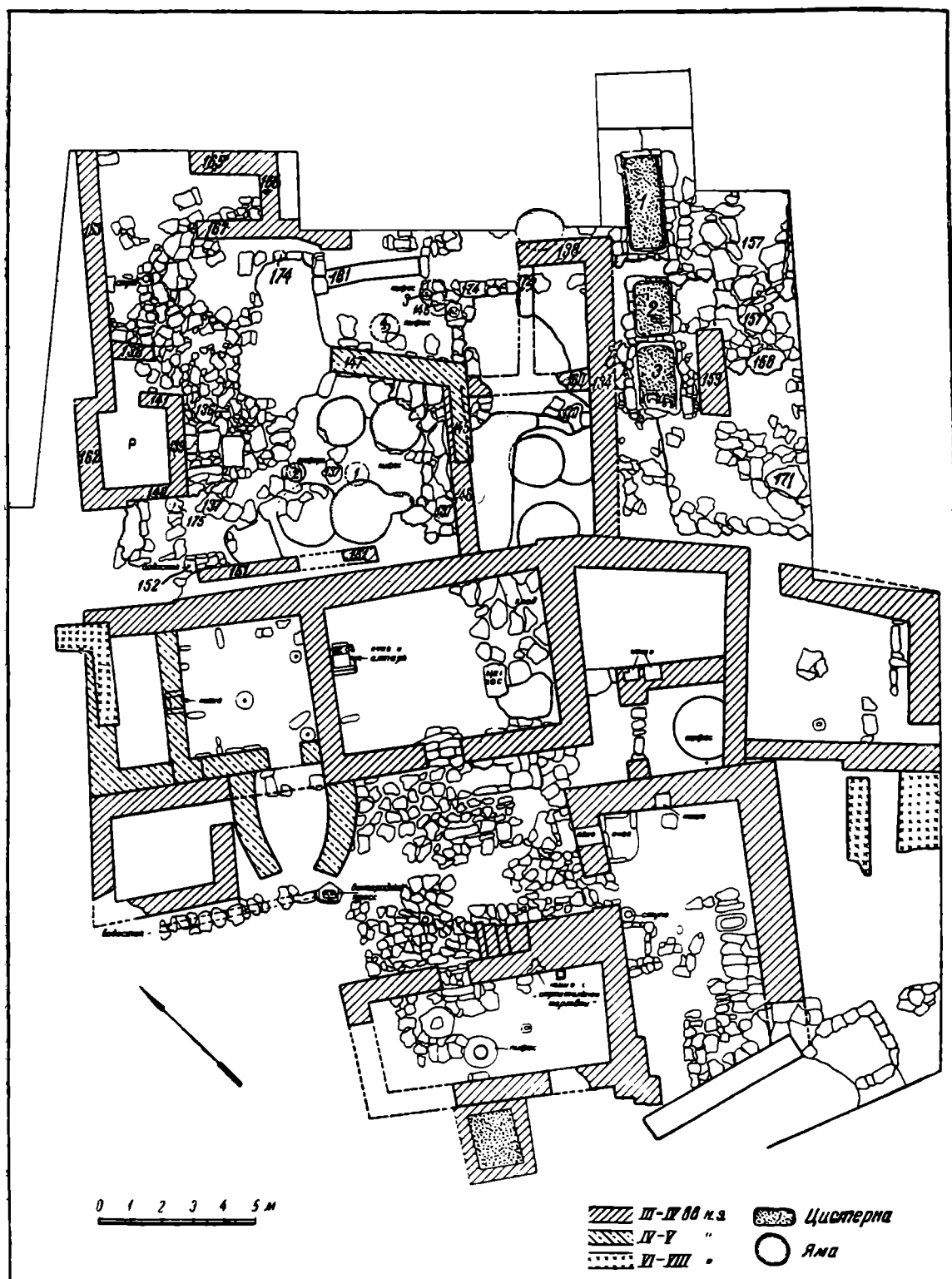

Рис. 15. Схематический план раскопок на участке XIV (Тиритака).

четном году участке (рис. 15) оказались представленными культурные наслоения всех периодов существования Тиритаки, начиная с последних десятилетий VI в. до н. э. и кончая ранним средневековьем. Но далеко не все периоды жизни города отражены здесь в виде строительных остатков. Последние относятся главным образом к римской эпохе и к раннему средневековью. Объясняется это тем, что более позднее городское строительство, очень интенсивно протекавшее в Тиритаке в римский период, велось путем очень широкого использования на строительные нужды всех старых сооружений города.⁴ Характерной в этой связи представляется находка вторично использованной в качестве строительного материала плиты с фронтоном и зубчатым карнизом (рис. 16), служившей, повидимому, перекрытием дверного проема в каком-то сооружении эллинистического вре-

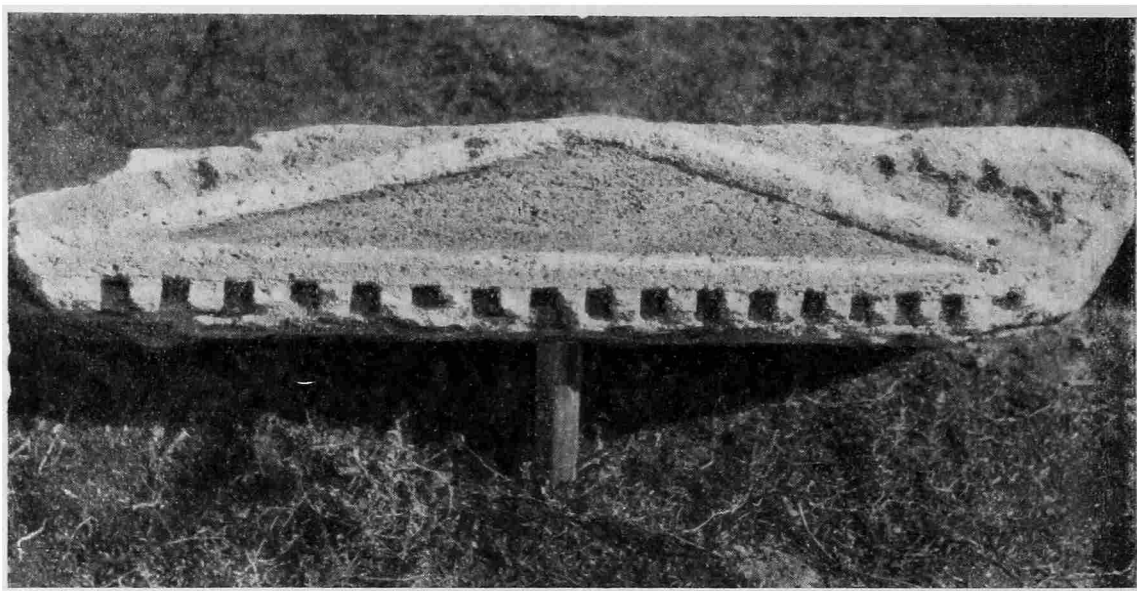

Рис. 16. Плита с фронтоном и зубчатым карнизом.

мени. Размеры плиты: длина 95, высота 17, ширина 33 см. Использованной в качестве строительного материала оказалась фрагментированная надгробная стела I в. н. э., украшенная скульптурным рельефом и снабженная надписью с именем погребенного. Рельеф представляет всадника, обращенного вправо, и сидящую перед ним в кресле женщину; под всадником, между передними и задними ногами лошади, изображена собака. Позади всадника был изображен, повидимому, его слуга, но от фигуры последнего уцелели только ноги. Это не первый случай, когда в тиритакских постройках римского времени обнаруживаются надгробия, употребленные в качестве строительного материала.⁵

Архаическая расписная керамика (обломки клазоменских амфор с чешуйчатым орнаментом, аттических мелкофигурных чаш) встречена в нескольких местах — или в виде случайных включений в более поздние культурные отложения, или как содержимое ранних культурных напластований, уцелевших кое-где совершенно незначительными «островками» между более поздними, преимущественно римскими сооружениями. Так, например, некоторые фрагменты позднеархаической керамики, а вместе с тем и хорошо стратифицированные культурные отложения классической эпохи уцелели в небольшом промежутке между двумя комплексами цистерн

⁴ На схематическом плане участка XV нумерацией обозначены лишь те строительные остатки, которые открыты в 1947 г.

⁵ Ср.: МИА, № 4, стр. 46; ВДИ, 1947, № 3, стр. 197; рис. 5 на стр. 198.

позднеримского времени (т. е. между группами цистерн № 1—2 и 3), обнаруженных в юго-восточной части раскопа на возвышенной террасе. При сооружении указанных цистерн в специально вырытых для этой цели котлованах наслоения доримского времени здесь были на значительной площади изъяты. Они сохранились ненарушенными только в отмеченном выше промежутке между цистернами, не затронутом земляными работами. Показательно, что в культурном слое под каменными вымостками, прилегающими с востока к этим позднеримским цистернам, обнаружен хронологически смешанный вещевой материал — наряду с позднеримской керамикой тут оказались фрагменты амфор и хорошие образцы аттической черно-лаковой керамики V—IV вв. до н. э. (в том числе дно килика конца V в., украшенного очень тонким тисненым орнаментом и покрытого превосходным по качеству лаком). Смешанность материала под вымостками — результат тех же поздних строительных работ, во время которых перекапывались значительные массы грунта с ранними культурными отложениями. Также лишь местами обнаружены незначительные остатки отложений эллинистического времени, сохранившиеся в виде неповрежденного слоя. Они содержали в себе достаточно характерный для этого периода материал: обломки «мегарских» чаш, несколько родосских клейменных амфорных ручек, боспорские черепицы (на одном калиптере оказалось клеймо с надписью: βασιλίδος).

В числе вещевых находок времени эллинизма имеется несколько интересных терракот. На глубине 3.30 м найдена боспорской работы статуэтка III в. до н. э., изображающая богиню на троне: в правой руке она держит чашу, на груди ее изображен, повидимому, горгонейон.

Вторая статуэтка, очевидно, также боспорского происхождения, представляет собой женскую полуфигуру, скорее всего культового характера — возможно, изображение Деметры. В другом месте раскопа найдена очень тонкой работы головка смеющегося ребенка — часть хорошей эллинистической терракоты. Повидимому, к эллинистическому времени должен быть отнесен и глиняный штемпель (рис. 17, 1), хотя он и найден в римском слое. Штемпель сделан из обломка круглой в сечении амфорной ручки (длина 5.8 см, диаметр 3 см), на одной из плоских торцовых частей которой вырезана монограмма, состоящая по крайней мере из двух связанных между собою букв (Π Α); имеющаяся сверху дужка, может быть, обозначает включение в монограмму буквы Ρ. По своему внешнему облику штемпель этот очень напоминает найденный на пантикапейском горо-

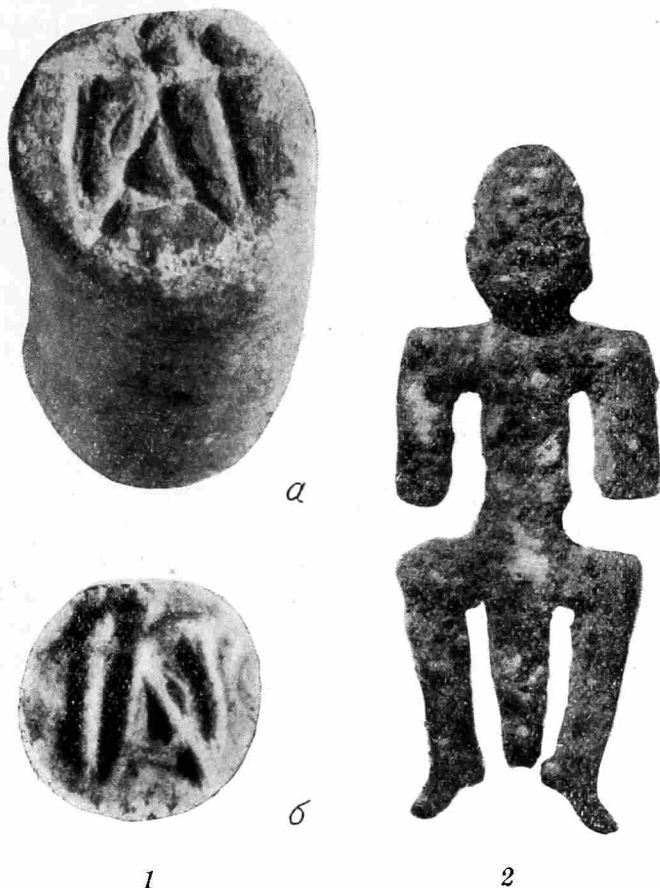

Рис. 17. Находки из раскопок в Тиритаке.
1 — глиняный штемпель; 2 — бронзовая подвеска-амулет.

дище в 1946 г. аналогичный штемпель с почти такими же, но более тщательно вырезанными буквами.⁶ Л. Ельницкий высказал предположение, что пантикапейский штемпель предназначался для клеймения амфор.⁷ По аналогии такое объяснение можно было бы распространить и на тиритакский штемпель. Но это потребовало бы в свою очередь допущения, что в Тиритаке существовало производство боспорских клейменных амфор. Подкрепить такое заключение достаточно вескими доказательствами мы пока не можем, поэтому нельзя считать исключенной возможность какого-либо иного назначения тиритакского штемпеля.

Преобладающий массив расследованных культурных наслоений и связанных с ними строительных остатков падает на первые века нашей эры, при этом особенно обильны материальные остатки позднеримского времени, III—IV вв. Это свидетельствует о весьма интенсивной жизни Тиритаки в римский период, когда данное поселение стало одним из самых крупных рыбопромышленных пунктов Боспора. Вместе с тем раскопки 1947 г. еще раз подтвердили, что Тиритака, хотя и пострадала во второй половине IV в. н. э. в результате гуннского вторжения, но своего существования не прекратила. Наряду с массовым керамическим материалом IV—VI вв. были найдены некоторые вещи этого времени, заслуживающие особого внимания. Интересна бронзовая подвеска-амулет IV в. н. э. в виде итифаллической мужской фигурки (выс. 5,5 см), переданной условными геометризованными формами (рис. 17, 2). Аналогичные фигурки известны на Кубани⁸ и Кавказе.⁹ Оттуда они очевидно и проникли через алао-сарматскую среду на европейскую сторону Боспора в период, когда последний испытывал особенно сильное сарматское культурное воздействие.

Из памятников раннего средневековья должен быть отмечен древнехристианский круглый глиняный сосуд (сохранилась только часть его) своеобразной формы: одна сторона сосуда плоская и совершенно гладкая, другая — выпуклая, полусферическая, украшена углубленными концентрическими кругами, промежутки между которыми заполнены также резным орнаментом в виде вертикальных штрихов, зигзагов и перекрещивающихся линий; в центре, на самой возвышенной части сосуда, внутри круга изображен крест, прочерченный еще двумя концентрическими кругами. Сосуд имел, вероятно, форму так называемой выючной фляги. Горло не сохранилось. На плоской стороне имеется процарапанная греческая надпись с именем Феодора.

Наиболее важным результатом работ в отчетном году на XV участке было выяснение некоторых существенных особенностей планировки данной части поселения. Юго-восточная часть раскопа занята каменными плитовыми вымостками (№ 157, 158 и 171), залегающими на трех разных горизонтах и последовательно перекрывающими одна другую. Вымостки прилегают к трем прямоугольным в плане цистернам, предназначавшимся, вероятно, для соления рыбы; из них две (№ 1 и 2) построены рядом, а третья несколько поодаль, но на том же уровне и на одной линии с предыдущими.¹⁰ Цистерна № 1 сохранилась не полностью. Глубина цистерн в древности достигала примерно 1 м. Стены их сложены из плит и отчасти из бута, внутри цистерны покрыты обычной многослойной штукатуркой, содержащей цемянку. На верхней вымостке № 157 найдены фраг-

⁶ В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 14.

⁷ Л. Ельницкий. Эпиграфические новинки из Керчи. ВДИ, 1947, № 3, стр. 207—208.

⁸ М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА. I, стр. 164—165.

⁹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, III, стр. 115, рис. 120.

¹⁰ С открытием данной группы цистерн общее количество открытых за все годы раскопок Тиритаки цистерн, применявшихся в римское время для рыбопромышленных целей в качестве засолочных ванн, достигло 59.

менты амфор позднеримского времени и обломки блюд, украшенных тисненым изображением христианского креста в центре дна. Очевидно, цистерны эксплуатировались еще в самом конце IV в. н. э.

Терраса, на которой расположены цистерны и вымостки, обрамлена стеной № 134—170 (сохранившаяся высота 1.80 м), прилегающей значительной частью своей тыльной стороны к материке; ее верхние уцелевшие ряды кладки соответствуют уровню оснований цистерн. Указанная стена, следовательно, была подпорной по отношению к верхней террасе. Все строительные остатки, расположенные к западу и северо-западу от стены № 134—170, лежат значительно ниже цистерн и смежных с ними вымосток.

Таким образом, перед нами с полной ясностью выступает террасообразный характер распланировки. Восточная периферийная полоса поселения, занятая в римское время почти исключительно хозяйственно-промысловыми сооружениями, лежала выше, нежели срединная жилая часть поселения, расположенная вдоль основной уличной магистрали, шедшей в направлении с юга на север. Расследованный в 1947 г. участок был отделен от улицы небольшим помещением *P* и тянувшейся на северо-восток стеной № 163, которая служила, возможно, оградой, каменным забором. За ним находится обширный мощеный двор (№ 136), IV—V вв. н. э. Несколько ниже мостовой двора № 136 — восточная вымостка № 137, III—IV вв. На уровень последней выходит своими горловинами ряд грунтовых хозяйственных ям позднеримского времени. Вымостка № 137 и стена № 148, равно как и упомянутые ямы, одновременны с домом-усадьбой, расположенной юго-западнее. Несколько ям выявилось и в промежутке между стенами № 148 и № 170, из них две ямы до-римского времени. Как уже выше отмечалось, значительными остатками представлен на данном участке период IV—V вв. К этому времени относятся, в частности, кладки № 145—147, образующие угол дома с заключенным в нем очагом. На уровне названных строительных остатков (между кладкой № 145—147 и помещением *P*) найдено очень большое количество обломков оконных стекол.¹¹ Обнаружены еще четыре больших глиняных пифоса и одна крупная вкопанная в землю амфора, предназначавшиеся для хранения продуктов — рыбы и зерна.

Кроме раскопок на участке XV, в 1947 г. было произведено на участке XVII исследование винодельни № 5 римского времени, открытой в 1946 г. и представляющей собою наилучше сохранившееся сооружение этого рода среди всех открытых до сих пор античных виноделен Боспора.¹² Было детально изучено устройство прессовой площадки и специальных субструкций под нею, а также выявлена вся система распределения сусла, поступавшего с давящих площадок в различные резервуары, в зависимости от того, какую стадию проходил процесс переработки винограда.

В Мирмекии основные раскопки были попрежнему сосредоточены в центральной части городища на участке И, исследование которого начато в 1938 г. и возобновлено в 1946 г.¹³ Участок этот особенно интересен своими весьма мощными культурными отложениями эпохи эллинизма при почти полном отсутствии перекрывающих наслоений римского времени. Характерно, что все монеты, найденные на участке И в течение трех раскопочных сезонов, принадлежат времени, начиная со второй половины IV в. до н. э., кончая первыми десятилетиями II в. до н. э. От дневной поверхности и до глубины в 3 м залегают культурные напластования

¹¹ Применение оконных стекол на Боспоре в позднеантичное время отмечалось в моей работе о боспорских обжигательных керамических печах. Изв. ГАИМК, вып. 80, стр. 86—87.

¹² Краткое описание этой винодельни дано мною в ВДИ, 1947, № 3, стр. 193.

¹³ Основные итоги работ на участке И за 1938 и 1946 гг. были мною охарактеризованы в ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 304, и ВДИ, 1947, № 3, стр. 203—204.

III — начала II вв. до н. э., обильно насыщенные вещами, главным образом керамическим материалом, в котором очень хорошо представлена местная боспорская продукция эллинистического времени. В культурном слое здесь погребены развалины большого здания, построенного в III в. до н. э. (рис. 18). Оно раскрыто еще только частично. Полностью раскопано лишь одно прямоугольное в плане помещение (длина 7.25 м, ширина 5.20 м), в котором на глинобитном полу (глубина 2.70 м от поверхности городища) у южной стены сохранился кухонный очаг. На уровне пола

Рис. 18. Общий вид раскопок здания III в. до н. э. (Мирмекий, участок II).

обнаружен типичный эллинистический вещевой материал: клейменные амфорные ручки (синопские, родосские, изредка кносские — двуствольные); боспорские черепицы характерных для времени Спартокидов типов; сосуды, покрытые тусклым черным лаком, большие чаши со сливом («лутерии»); круглодонные кухонные котлы с двумя ручками и крышкой (κυτρά); узкогорлые глиняные бальзамарии и т. д. Следует особо заметить, что каждый раскопочный сезон на участке II сопровождается находками керамических клейм, исчисляемых сотнями. Для изучения боспорской материальной культуры эпохи эллинизма, участок II дает очень богатый, разносторонний и показательный материал. Что касается полного выявления остатков обширного мирмекийского дома-усады эллинистического времени, открытого только частично, то для этого понадобится еще довольно значительное расширение площади раскопа, прежде всего в южном направлении.

В 1947 г. был заложен еще и новый небольшой разведочный раскоп Л на мирмекийском «акрополе» в прибрежной его части, восточнее того пункта, где расположены вырубленные в скале склепы, в которых в 1834 г. были найдены остатки разграбленных богатых погребений II в. н. э. в мраморных саркофагах.¹⁴

¹⁴ МИА, № 4, стр. 140—146.

Разведкой прослежена свита культурных наслоений, охватывающих время с конца VI в. до н. э. и до первых веков н. э. Особенно обильными и притом содержащими высококачественный керамический материал оказались отложения IV в. до н. э. Большой интерес вызывает открытие в культурном слое II—III вв. н. э. огромного скопления остатков винограда в виде виноградных косточек очень хорошей сохранности. Причины, вызвавшие это скопление в данном месте, еще неясны. Но очевидна исключительная важность этой находки для истории боспорской агрикультуры, так как она, повидимому, позволит определить сорта винограда, культивировавшегося в восточном Крыму на Боспоре в античную эпоху.

Третий отряд экспедиции в 1947 г. развернул работы на городище, лежащем у деревни Ивановки к северу от Чурубашского озера.¹⁵ В 20-х годах прошлого века городище это (Кермеш-Келечик) было подробно обследовано Дюбрюксом.¹⁶ Впоследствии оно не привлекало к себе внимания исследователей, хотя в старой литературе его нередко отождествляли и притом совершенно необоснованно — с древней Тиритакой.¹⁷

Боспорская экспедиция неоднократно (начиная с 1933 г.) производила обследование этого городища, представляющего собою остатки прежде всего сильной крепости, возможно, упоминаемой Птоломеем под именем Илурат. В 1947 г. удалось произвести в нескольких местах городища небольшие разведочные раскопки, которые дали следующие результаты. Время возникновения этого поселения окончательно еще не выяснено, но зато вполне определилась несомненно большая интенсивность жизни в римский период (I—III вв.). Разведки показали исключительно хорошую сохранность оборонительных стен, образующих мощную прямоугольную в плане цитадель, расположенную на возвышенной местности, ограниченной с двух сторон крутыми склонами. Основное значение этого пункта в системе поселений европейской стороны Боспора обусловлено в первую очередь его военно-стратегическими функциями в качестве перворазрядной крепости.

Пробные раскопки выявили мощную двойную стену, ограничивавшую крепость с юго-восточной стороны. К оборонительной стене примыкают впритык стены внутригородских построек, также отличающиеся хорошей сохранностью. Обилие лепной варварской керамики убеждает в том, что основная масса жителей принадлежала к местному коренному составу населения восточного Крыма и не была греческой. Вне крепости раскопками установлено, что каменные кольцеобразные кладки-круги, рассеянные по обширной территории к югу и юго-востоку, лежат на культурных отложениях (выкиды очажной золы и жилого мусора) позднеримского времени. На некрополе, расположенном к югу, раскопаны склеп, тщательно сложенный из тесаных плит (был покрыт полуцилиндрическим сводом), и катакомба с тремя лежанками, высеченная в скале. Это дало представление об устройстве гробниц южного некрополя данного поселения; погребения в обоих случаях оказались полностью разграбленными. Однако, в дромосе катакомбы сохранилось захоронение лошади. Как выяснилось, основной массовый некрополь населения находится к северо-западу от городища, непосредственно на месте дер. Ивановки. Разведки 1947 г. на городище у дер. Ивановки окончательно убеждают в необходимости организации здесь широко поставленных, планомерных, рассчитанных на ряд лет археологических исследований, начало которых Боспорская экспедиция наметила на 1948 г.

¹⁵ Отряд состоял из группы студентов Ленингр. пед. института им. Герцена, руководителем его был М. М. Кубланов. Все работы, включая и земляные, выполнялись студентами.

¹⁶ Обнаруженные нами в архивах ИИМК и Гос. Эрмитажа чертежи Дюбрюкса с планами этого городища, считавшиеся утраченными, будут вскоре опубликованы. Описание городища, составленное Дюбрюксом и опубликованное без планов, см. в ЗООИД, IV, стр. 12 сл.

¹⁷ Подробнее об этом см. МИА, № 4, стр. 86 сл.

М. М. КОБЫЛИНА

ФАНАГОРИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Летом 1947 г. были возобновлены раскопки Фанагории. Экспедиция в Фанагорию была организована Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и Гос. музеем изобразительных искусств им. Пушкина, под руководством старшего научного сотрудника М. М. Кобылиной.¹

План работ был тесно связан с исследованиями 1936—1940 гг., ведущимися ГИМ и ГМИИ им. Пушкина.² Пользуемся возможностью принести глубокую благодарность В. Д. Блаватскому, специально приезжавшему в Фанагорию для передачи своих работ и увязки плана.

С целью уточнения восточной границы античного города были продолжены работы по береговому песку. Место берегового раскопа было выбрано еще в 1940 г. против так называемого «мола», который по предположению В. Д. Блаватского представлял собой остатки городской стены, сохранившейся под водою и выбранной на суше.

Раскопки 1947 г. подтвердили эту гипотезу: на линии «мола» с севера и небольшой балки с юга была обнаружена широкая яма (14 м ширины), наполненная черным перегноем и античным и позднейшим мусором. Яма продолжалась на север в сторону мола и на юг, в сторону балки. И яма, и балка, вероятно, образовались в результате выборки камня стены. С запада к яме примыкала черепяно-каменная вымостка, сохранившаяся вдоль берега на протяжении 20 м и уходящая на юг, в борт раскапываемой площади.

Вымостка имеет прочную конструкцию и состоит из битых камней и небольших булыжников, крупных и мелких обломков черепицы и простых сосудов типа амфор, уложенных плотным слоем (0.08—0.10 м толщиной), который наложен на слой чистого песка, толщиной до 0.30—0.35 м; культурный слой под песком (толщины 0.05—0.10 м) датирует вымостку I—II вв., т. е. римским временем.

Так была выяснена восточная граница античной Фанагории на нижнем плато городища. Если протяжение города на верхней террасе с запада на восток по данным раскопок 1939—1940 гг. равняется 900 м, то его протяжение на нижней террасе, по данным 1947 г., около 750 м.

Одновременно экспедиция продолжала исследование района, лежащего

¹ В состав отряда входили: научные сотрудники И. Д. Марченко, Н. А. Сидорова (ГМИИ), Н. В. Анфимов (Археолого-историч. музей Краснодар), студенты Моск. Город. пед. института В. С. Суров и П. А. Поздняков; в работах принимали участие директор Краснодарского музея Ф. В. Навозова и студенты Краснодарского пед. института.

² В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936—1938 гг. Труды ГИМ, М., 1941; его же. Отчет о раскопках в Фанагории в 1939—1940 гг., ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 295, и 1941, № 1, стр. 221.

к югу от городища. «Южный» раскоп 1940 г. обнаружил к югу от городища загородный мало насыщенный слой, тризну классического времени и ряд погребений без вещей.

Экспедиция 1947 г. произвела раскопки к западу от «южного» раскопа 1940 г., на нижних склонах грязевого вулкана (называвшегося «Блевака», ныне «Майская гора»), где на поверхности было множество обломков античной керамики, особенно в овражках, образовавшихся вследствие размывов почвы.

Все три раскопа дают ту же картину, что и «южный» раскоп 1940 г. — загородный район и некрополь, и исключают возможность наличия здесь городских мусорных свалок или продолжения города, как это предполагалось ранее.

Наиболее интересен второй раскоп на Майской горе (площадь 60 кв. м). Здесь были открыты 2 площадки. Одна — IV в. до н. э., с остатками костра и осколками битой посуды — чернолаковой и простой типа амфор, носик открытого светильника, собачий клык, обломок пряслица, кости птицы и рыбы; была обнаружена амфора, врытая в материк (под углом 30°) на расстоянии 40 см от костра, а также чернолаковый светильник IV в. до н. э. Амфора была положена на куски битой посуды; наполнена на $\frac{1}{3}$ пеплом и золой, в которых обнаружены кости птиц и рыб и обломок сосуда, типа лагиноса, с белой облицовкой и росписью; около амфоры найден астрагал и рыбьи кости. Другое кострище обнаружено на 18 см выше первого, от костра сохранилась груда обгорелых и закопченных обломков керамики эллинистического времени.

К югу от площадок кострищ открыт колодец, судя по находкам в нем, еще классического времени. Водоносный слой колодца находится на глубине 3.25 м от поверхности земли, глубина колодца 1.80 м. Уже в римское время колодец не функционировал, ибо заполнен до верха мусором римского времени. Колодец когда-то имел круглую форму, но теперь деформирован. Он сложен из каменных блоков довольно правильной формы.

В эллинистический слой впушены погребения (на площади второго раскопа на Майской горе их открыто четырнадцать). Они находились на разной глубине, некоторые очень близко к поверхности земли, более поздние погребения в некоторых случаях разрушили более ранние. Вследствие особенностей грунта, представлявшего собою плотную слежавшуюся вулканическую брекчию, форму могил определить было невозможно. Ориентация сохранившихся костяков различна: один из них, головою на север, датируется монетой римского времени; другие погребения вещей не имеют; семь погребений ориентированы головой на северо-запад; среди них одно скорченное; одно погребение — головой на юго-запад. Эти могилы представляют собой очевидно некрополь бедного местного населения, относящийся к античному и средневековому времени.

Кроме вышеописанных работ, связанных с выяснением топографии античной Фанагории, экспедицией были произведены раскопки в двух пунктах, в связи со сделанными в этих местах находками.

При обследовании выемки, образовавшейся в 1942 г. в результате выемки земли для сооружения железнодорожной насыпи (размеры выемки 100 × 20 м, глубина 0.45 м), где, по рассказу колхозника В. К. Тимошенко, им во время этих работ было найдено много изломанных терракотовых статуэток, экспедицией было обнаружено скопление фрагментов терракот, что и заставило подвергнуть это место исследованию. Здесь была раскопана небольшая площадь (30 кв. м) и открыт комплекс терракот (до 80 фрагментов), единый по времени, стилю и технике исполнения. По всей вероятности, терракоты являются выбросом местной мастерской; это подтверждается и расположением места находки недалеко (ок. 50 м к Ю.-В.) от

керамической печи.³ Большинство терракот повторяет в нескольких вариантах тип женской стоящей фигуры, одетой в хитон и гиматий; целиком сохранилась лишь одна статуэтка. Она имеет высокий головной убор, напоминающий изображения Афродиты-Апатуры или богини-матери.⁴ По аналогии со статуями муз Филиска и терракотами Мирины, комплекс женских фигур можно датировать II в. до н. э. Терракоты оригинальны по технике исполнения: они сплошные, передняя сторона их оттиснута в фор-

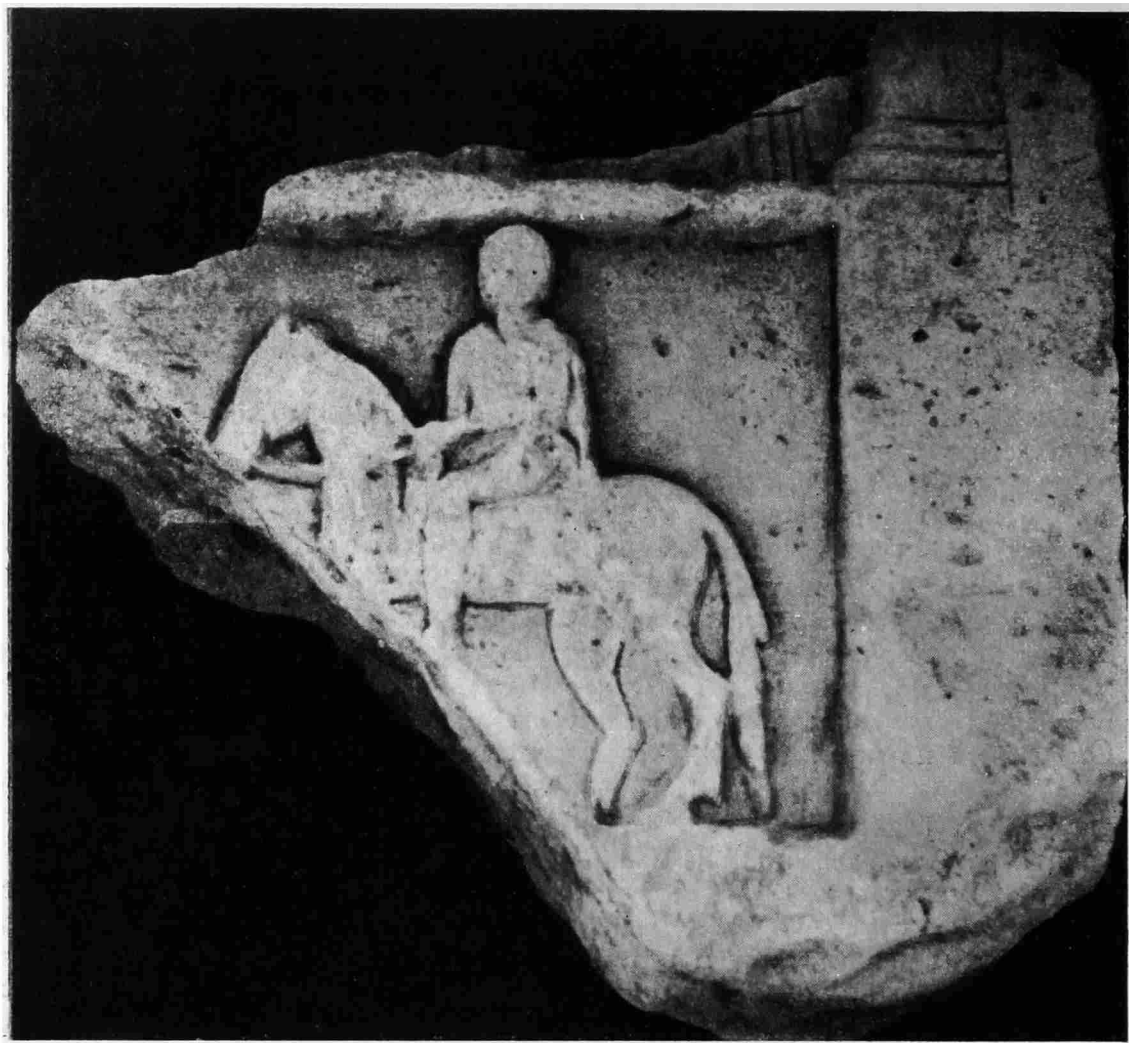

Рис. 19а. Фрагмент плиты из Фанагории с изображением всадника.

ме, обратная же и бока — отделаны от руки. Они представляют собой как бы миниатюрные статуи на постаментах. Они свидетельствуют о наличии и чисто греческого направления в сложном искусстве Фанагории во II — I вв. до н. э. и высоком мастерстве местных коропластов. Возможно, что изготовление многих из них связано с культом местной богини Афродиты-Апатуры.

В канаве, окаймляющей верхнее плато с севера, были обнаружены могилы (№ 1—7). Только одна из них сохранилась полностью, другие перерезаны или же совсем разрушены при копке канавы. Погребенья были

³ В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные керамические печи Северного Причерноморья, Изв. ИИМК, 1933.

⁴ ИАК. вып. 49, табл. IV, 10; A. Conze und P. Schazmann, Mamurt-Kaleh. «Ein Tempel der Göttermutter umseit Pergamon». Berlin, 1911, табл. XII, 6, 9.

Рис. 196. Плита из Фанагории с изображением всадников.

зачищены, раскопаны и зафиксированы. Они были впущены в римский слой и относятся к средневековому периоду существования Фанагории. Могилы представляли собой разновидность каменных ящиков со стенками из вертикально поставленных плит, перекрытых несколькими плитами. Одна была покрыта плитами и черепицей. В них обнаружены хорошо сохранившиеся костяки, ориентированные головой на запад, лежащие на земле на подстилке из камки и прикрытые камкой. Только при одном погребении (№ 7) были найдены вещи: слева от таза — железное кресало, два кремня, круглая плоская костяная пуговица с отверстием, две костяные пластинки, справа от кисти правой руки — железный нож. По определению А. П. Смирнова, эти вещи датируют погребение XII — XIII вв.

Нахождение средневекового некрополя в крайней западной части античного городища свидетельствует о том, что на верхнем плато граница средневековой Фанагории не совпадала с античной и была сдвинута к востоку.

Экспедицией был собран ряд случайных находок с территории Фанагории: на поверхности верхнего плато найдены — плечо мраморной женской статуи, обломок большого мраморного лютерия; к югу от края верхнего плато в яме выборки земли для насыпи железной дороги — часть архитектурной детали с растительным средневековым орнаментом; в траншее верхнего плато к юго-востоку от «северного» раскопа 1940 г. — постамент статуи и нижняя часть рельефной плиты с изображением всадника (рис. 19а и 196).⁵ Рабочими экспедиции были доставлены две монеты, по их словам, с городища Фанагории — золотой статер с портретами Августа и Агриппы и электронная монета с портретами Савромата II и Септимия Севера (монеты определены Л. П. Харко).

Колхозом им. Кирова были переданы экспедиции две рельефные плиты, вырытые в Фанагории во время копки канав. Одна из них заполнена изображениями всадников (одного над другим) в местном костюме, сидящих на степных лошадях того типа, который встречается на керченских стелах I в.⁶

Другая плита с изображениями на обеих сторонах и десятистрочной греческой надписью оказалась исключительно интересным историческим документом. Надпись, прочитанная и изученная Т. В. Блаватской,⁷ говорит о том, что стела поставлена сыном в честь отца: оба они из знатного рода, члены которого занимали крупные должности, впервые упоминающиеся не только в Фанагории, но и на Боспоре. На одной стороне плиты представлено: вверху сцена пира, внизу два всадника, один против другого; на оборотной стороне — два всадника, один против другого, под ногами лошади левого всадника неясные изображения животных. Под изображениями следы счищенной надписи. Следует отметить оригинальность скульптуры, ее ярко выраженный местный характер: около возлежащего мужчины изображена статуя сидящей богини в остроконечном головном уборе, подобно богине на пластинке из Карагодеуашха; сочные формы лиц, лошадей, исполненных реалистически, сочетаются с деталями, схематично и плоскомерно нанесенными, как это наблюдается на другом замечательном произведении боспорского искусства — статуе из Анапы.⁸ Памятник заслуживает специального исследования.

⁵ Изображение всадника близко изображению на надгробии I в. из Керченского музея. Kieseritzky—Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, XLVIII, 675.

⁶ Kieseritzky—Watzinger. Ук. соч., табл. XLVI, 635; XLV, 763; XLIII, 618.

⁷ Т. В. Блаватская. «Надпись Агафа из Фанагории», ВДИ, 1938, вып. 4, стр. 77.

⁸ М. М. Кобылина. «Новый памятник боспорского искусства. Стела Агафа», ВДИ, 1948, вып. 4, стр. 85.

При исследовании Фанагории, в западной части городища, к югу от площади раскопок Гос. Историч. музея 1936—1937 гг. (раскоп город А) было открыто семь погребений в каменных ящиках, в значительной мере разрушенных. Каменные ящики располагались в среднем на глубине около 50 см и представлены двумя разновидностями: прямоугольными и трапециевидными, несколько расширенными к голове. Ящики составлены из разномерных плит, хорошо обтесанных с внутренней стороны и плохо с наружной. Плиты поставлены в грунт, впритык одна к другой, без связующего вещества. Покрытие составляют также нерегулярной кладки плиты числом от 4 до 8 или солены (ящик № 7). Ящики оказались заполненными гуммированным сутлинком с культурными остатками древнего городища. Все могилы ориентированы по линии запад-восток. На дне их лежали костяки вытянуто на спине, головой на запад, с руками, сложенными в области живота. Вещей при костяках не оказалось, за исключением погребения № 7. Там у пояса, с левой стороны лежали: железное кресало, два кремня, круглая костяная пуговица и два обломка костей. Справа от костяка лежал железный нож. Найденные вещи весьма не характерны и встречаются на протяжении значительного времени. Таковы нож, кремни и пуговицы. Пуговица круглая, плоская с одной стороны, выпуклая с другой. В центре имеется отверстие, опоясанное двумя концентрическими кругами. Значительно интересней кресало калачевидной формы, несколько удлиненных пропорций. Отличительной чертой его является тяжелая — довольно широкая нижняя часть, служащая для высекания огня. Этой особенности нет у кресал времени X—XIII вв. С другой стороны, калачевидные кресала времени XVI—XVII вв. обладают более изощренной формой верхних завитков, чем у найденного в могиле. Эти соображения являются единственными, позволяющими датировать открытые погребения условно временем XIV—XV вв. н. э.

Исследованные могилы представляют большой интерес, замыкая длинный ряд погребений в каменных ящиках, существующих здесь с глубокой древности. Несколько древнее исследованных каменные ящики, открытые к юго-востоку от горы Блеваки в 1864 г. Они оказались сложенными из небольших известковых камней и покрыты такими же плитами. В ящиках лежали костяки, головой на запад, и при них вещи: серебряная пряжка и монеты византийских императоров Василия II и Константина IX, позволяющие отнести могилы к XI в. н. э. Продолжая идти вглубь, можно указать аналогичные погребения эпохи первых веков н. э. в могильнике близ мыса Тузлы, датированные керамикой и римскими фибулами, и еще более ранние эллинистического и классического времени. Все эти погребения восходят к прототипу бронзовой эпохи и характеризуют исконное местное население. По обряду захоронения они аналогичны Борисовскому могильнику, относимому к одному из адыгейских племен. Впервые эти племена упоминаются античными авторами под именем керкетов, судя по обряду погребения, родственных мэотам и синдам. С этими племенами и следует связать погребения, открытые в Фанагории в 1947 г.

И. Б. ЗЕЕСТ

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В КИММЕРИКЕ

Разведка в Киммерике производилась летом 1947 г.¹ Исследование этого города впервые включено в план Сектора античной археологии ИИМК АН СССР.

Киммерик расположен в 50 км к югу от Керчи на берегу Черного моря. Локализация этого городища на основании древних источников была сделана еще первыми исследователями Киммерика — Дюбрюксом² и Бла-рамбергом,³ а в 1928 г. здесь производила разведочные работы экспедиция Керченского музея под руководством Ю. Ю. Марти.⁴

Городище расположено на верхней террасе берега моря. С запада от него находится соленое озеро Элькен, которое в древности, вероятно, представляло собой залив с гаванью Киммерика. К востоку от городища — гора Опук, наиболее возвышенная часть которой (180 м над ур. моря) представляет собой ровное плато, на котором сохранились крепостные сооружения.

Разведочные работы 1947 г. начались с обследования территории городища, где была произведена топографическая съемка.

Первый от моря скалистый холм, который был принят Ю. Ю. Марти за акрополь Киммерика, получил наименование Змеиного холма. Здесь на вершине обнаружены подтески скал, служившие основанием фундаментов архитектурных сооружений.

Зачистки грунтовых обрезаов, произведенные на Змеином холме, и общий характер находок свидетельствуют о жизни этого загородного участка, начиная с IV в. до н. э. — до III — IV вв. н. э.

Здесь были встречены в основном фрагменты остродонных амфор эллинистического и римского времени, включая поздние типы III — IV вв. н. э. Привозной художественной керамики очень мало: фрагмент чернолакового сосуда IV в. до н. э., несколько фрагментов сероглиняных и тонкостенных эллинистических сосудов.

Зачистка у южного склона второго от моря холма, названного Большим холмом, установила наличие более мощного культурного напластования. На глубине 2 м обнаружен слабо насыщенный культурный слой, содержащий несколько стенок греческих остродонных амфор, выше — слой римского времени I — II вв. н. э. с зольной ямой, перекрытый слоем на-

¹ Работы велись ИИМК АН СССР, совместно с ГМИИ и Керченским музеем. Участники разведочной экспедиции: И. Б. Зеест (нач. экспед.), И. Т. Кругликова, Д. Б. Шелов, А. К. Коровина и Е. М. Линде.

² ЗООИД, IV.

³ ЗООИД, II.

⁴ Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства к югу от Керчи. Киммерик, Китей, Акра. Таврич. общ. ист., археол. и этногр., т. II, 59. Симферополь, 1928.

носного образования, содержащим фрагменты керамики эллинистического и римского периодов, а также обломки местной лепной посуды.

Значительная толщина культурного слоя и наличие зольной ямы позволили заключить о непосредственной близости обследованного участка к городской черте.

Дальнейшее обследование территории Большого холма подтвердило это предположение.

Здесь были прослежены остатки городских стен, направление которых точно совпадает с направлением стен, нанесенных на план Бларамберга.

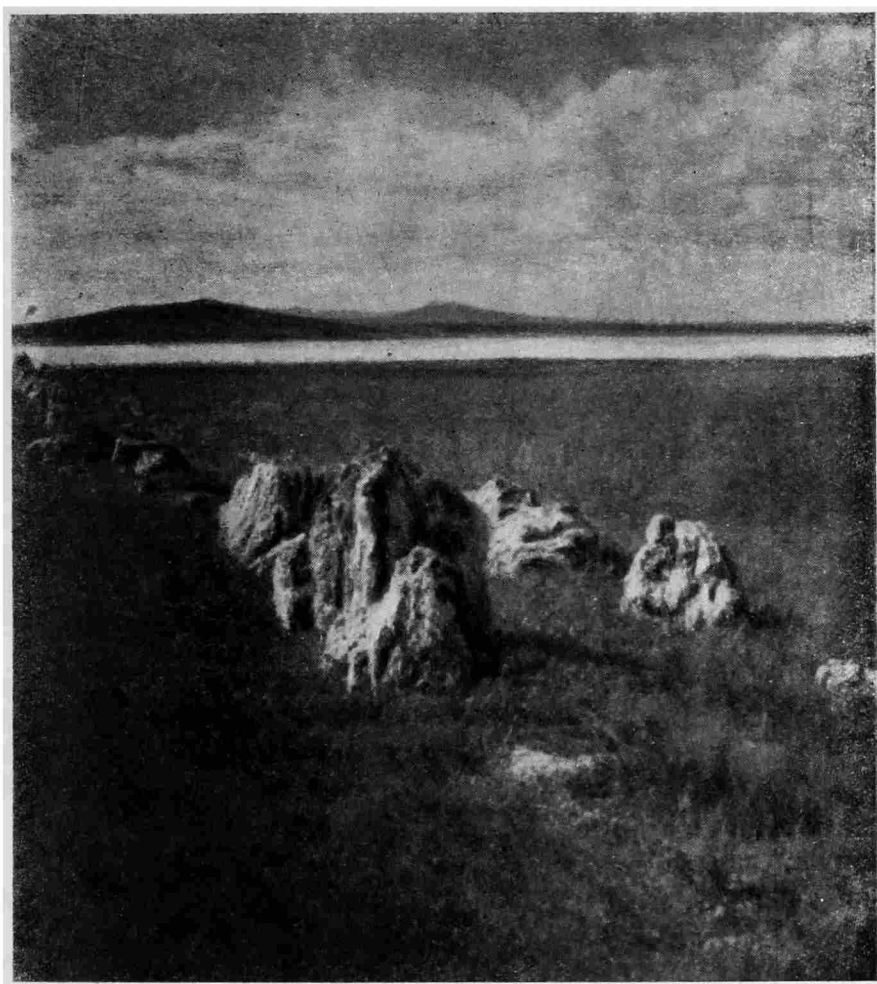

Рис. 20. Общий вид Большого холма с остатками стен.

Таким образом, является бесспорным, что единственный, обозначенный на плане Бларамберга, холм тождественен с Большим холмом и является местом акрополя Киммерика.

Стена прослеживается на поверхности отдельными участками. Она опоясывает холм с южной, западной и северной сторон. Далее она прослеживается к востоку, пересекает ложину и подходит вплотную к горному массиву. Северо-восточный участок стены выложен из больших необработанных камней, образующих два мощных панцыря, пространство между которыми забутовано рваным камнем. Этот участок стены укреплен пятью башнями, от которых сохранились незначительные остатки и подтески скалы на склоне горного массива Опука.

В расстоянии примерно 1 км к северу прослежен участок другой сте-

ны, по кладке сходной с городской стеной и являющейся, повидимому, внешней оборонительной стеной города.

В западном направлении от города тянется длинная оборонительная стена, доходящая до берега соленого озера. Вся восточная часть стены, примыкавшая непосредственно к стенам города, не сохранилась: она разрушена в результате строительных и земляных работ, производившихся здесь в начале XX столетия.

Длина сохранившейся на поверхности части стены достигает 250 м. Толщина ее до 2.5 м (рис. 20).

Подобно городской стене, «западная» стена имеет два панцыря, выложенных из дикарных или грубо отесанных огромных камней. Кладка стены отличается той же строительной техникой, что и городские стены: при-

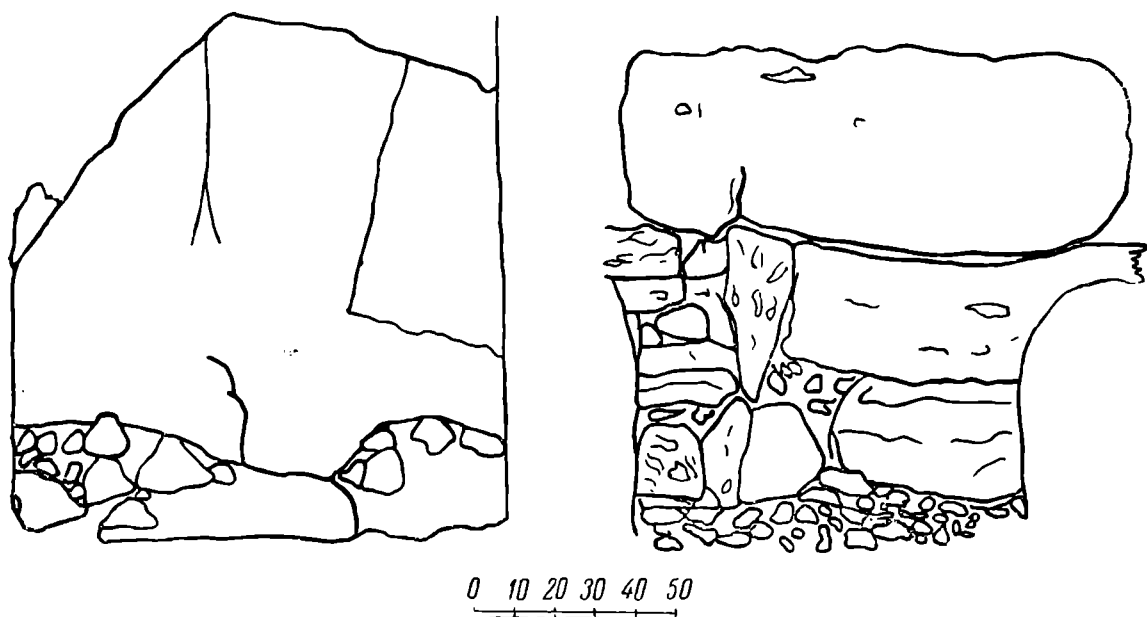

Рис. 21. Схема кладки крепостных стен на плато горы Опук.

менение мелкого бутового камня и щебня при укладке насухо крупных необработанных камней.

Находки в грунте при зачистке стен в основном относятся к римскому времени.

Среди них были встречены фрагменты стенок местной лепной керамики и обломки остродонных амфор. Профилированные ручки этих амфор относятся к I—II вв. н. э. Наиболее поздние типы принадлежат амфорам с реберчатыми стенками III—IV в. н. э.

Эти данные позволяют сделать предварительное заключение об одновременности сооружения всех оборонительных стен и отнести их к I—IV вв. нашей эры.

Дальнейшие работы были перенесены на плато горы Опук. Плато неприступно со всех сторон, кроме восточного склона. Этот склон защищен длинной стеной (144 м), толщина которой равна 3.0 м. В северной части стена оканчивается крепостным сооружением, мощность стен которого достигает 5 м толщины. На всем протяжении стена укреплена тремя башнями, примыкающими к стене с внутренней стороны плато.

Башня у южного конца стены, сохранившаяся лучше других, квадратная в плане (4×4 м), сложена, как и стена, из больших необработанных или грубо отесанных камней, примерно в форме блока.

Исследование кладки на отдельных участках стен показало, что здесь,

как и в кладках городских стен, применялась та же строительная техника. Представление о ней дают чертежи зачисток стен (рис. 21). Кроме щебня и мелкого камня, заполняющего пустые пространства и неровности поверхности крупных камней, часто применяется подсыпка из крупной и мелкой гальки.

При зачистке стен установлено, что материал относится в основном к римскому времени I—IV вв. н. э. Единичные фрагменты могут быть отнесены к более раннему времени: например, фрагмент сероглиняного сосуда, покрытого черным «лаком», и обломок краснолаковой чашки I в. до н. э.—I в. н. э.

От плато к берегу моря проходит укрепленная башнями оборонительная стена общей протяженностью до 500 м, по характеру кладки напоминающая Западную стену города. Под защитой этой стены, названной «Восточной» стеной, находился южный склон горы Опук, по которому проходила дорога, соединяющая крепость с городом, а также въезд на плато.

В этом районе встречено большое количество кольцеобразных сооружений, сложенных из больших необработанных камней. Кольца эти различной величины — от 4—5 до 40 м в поперечнике. Назначение этих сооружений подлежит дальнейшему выяснению. Интересно, что подобные кольца встречены на одном из соседних с Киммериком городищ, близ с. Ивановки (раскопки В. Ф. Гайдукевича, 1947).

Разведочные работы на Киммерике дают основание сделать следующие выводы. Наиболее ранние из обнаруженных культурных остатков, связанных с жизнью города, относятся к IV в. до н. э. Акрополь города находился на Большом холме, а порт, вероятно, на месте соленого озера.

Около I в. н. э. город был сильно укреплен системой оборонительных сооружений. К тому же времени относится постройка на плато крепости, служившей в то же время убежищем для населения города.

Разведочные работы 1947 г. подготовили дальнейшие полевые исследования этого интересного объекта. Сложная система оборонительных укреплений этого города и его крепости придает Киммерику значение одного из сильно укрепленных пунктов на западной периферии Боспора. Его изучение дает новые сведения о культуре Боспора в эпоху ее интенсивной сарматизации.

П. Н. ШУЛЬЦ

ТАВРО-СКИФСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1. Задачи экспедиции

В 1947 г., как и в прошлые годы,¹ Тавро-скифская экспедиция ставила своей задачей обнаружение новых данных о развитии скифского государства в Крыму и о культуре поздних скифов в их взаимосвязях с таврами и сарматами, с одной стороны, с греками и римлянами,— с другой.

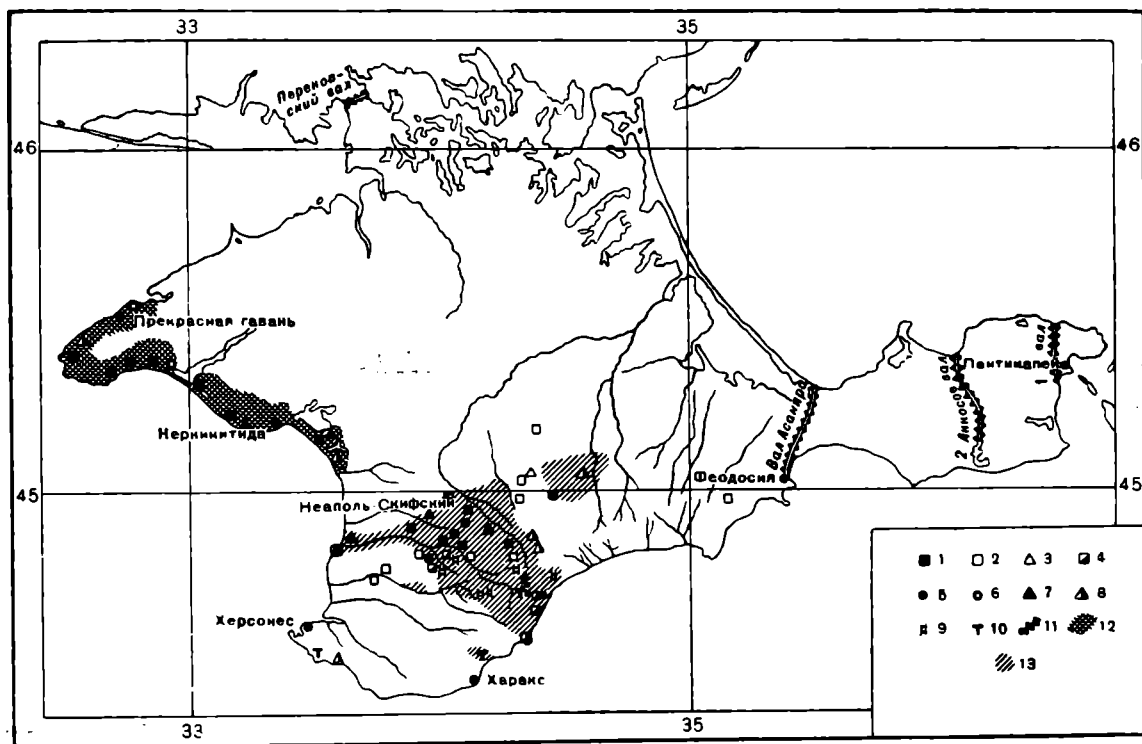

Рис. 22. Карта расположения скифских и таврских поселений и могильников Крыма.

1 — скифские городища, исследованные евпаторийской и тавро-скифскими экспедициями; 2 — скифские городища, обнаруженные и обследованные Центральным музеем Крыма; 3 — скифские селища, обнаруженные Центральным музеем Крыма; 4 — таврские городища и убежища; 5 — древнегреческие города; 6 — древнегреческие укрепленные пункты; 7 — скифские селища, обнаруженные евпаторийской и тавро-скифской экспедициями; 8 — таврские селища, обследованные евпаторийской и тавро-скифской экспедициями; 9 — каменные ящики, обследованные тавро-скифской экспедицией; 10 — таврские святилища; 11 — стены и валы античного времени; 12 — территория, обследованная евпаторийской экспедицией; 13 — территория, обследованная тавро-скифской экспедицией.

Экспедиция проводилась, как и прежде, Институтом истории материальной культуры АН СССР и Гос. музеем изобразительных искусств

¹ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, т. IV, вып. 3, 1947.

им. А. С. Пушкина при участии Крымского областного краеведческого музея (Симферопольский отряд), Музея пещерных городов, Алуштинского краеведческого музея, Крымского Госзаповедника (Горный бахчисарайский отряд) и Института археологии АН УССР (Белогорский отряд). Исследование антропологического материала осуществлялось Музеем антропологии МГУ.

Симферопольский отряд (руководитель А. Н. Карасев) имел задачей продолжение исследования Неаполя Скифского, городища и некрополя. Бахчисарайский отряд (руководитель Е. В. Веймарн) исследовал главным образом памятники тавров в горном Крыму и на южном побережье. Белогорский отряд (руководитель П. Н. Шульц) имел задачей обследование памятников Белогорского района киммерийской и скифо-сарматской эпох и произвел на окраине гор. Белогорска раскопку Скифского кургана с каменным склепом (рис. 22).

2. Раскопки Неаполя Скифского (симферопольский отряд)

Раскопки городища. В Неаполе Скифском продолжалась раскопка участков, начатая в предшествующие годы² в жилых кварталах (рас-

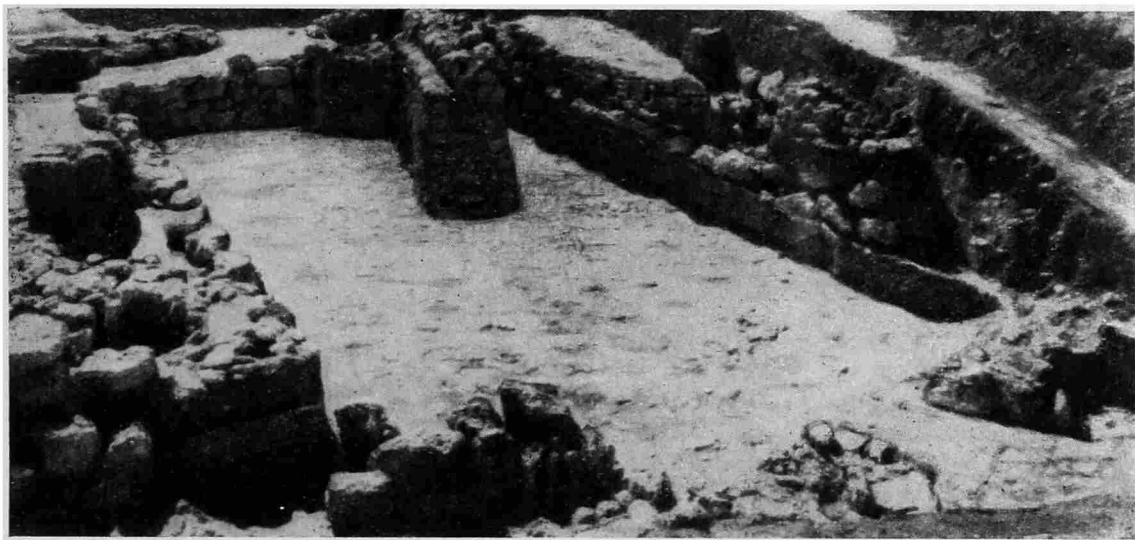

Рис. 23а. Вид на здание с подвалом с севера (раскоп Б).

коп Б), у городской стены (раскоп А) и в районе мавзолея (раскоп А₁).

На раскопе Б (В. А. Головкина и И. М. Дрябкин) было завершено исследование здания с полуподвалом (рис. 23а), построенного в III в. до н. э. Как показали раскопки, оно не являлось самостоятельным сооружением, но частью какого-то крупного архитектурного комплекса, остатки кладок которого уходят в северный и западный борта раскопа. Подвал был предназначен для хранения вина, что подтверждается множеством найденных здесь остродонных амфор с родосскими, книдскими и кносскими клеймами.

Наряду с обломками амфор в полуподвале найден значительный костный материал, среди которого, как и раньше, преобладают кости коня, на втором месте кости крупного рогатого скота, затем мелкого рогатого скота, меньше костей свиньи и собаки и совсем мало костей диких животных.

² П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского в 1945—1946 гг. Доклады АН СССР. Новая серия, 1947, т. LVIII, № 1.

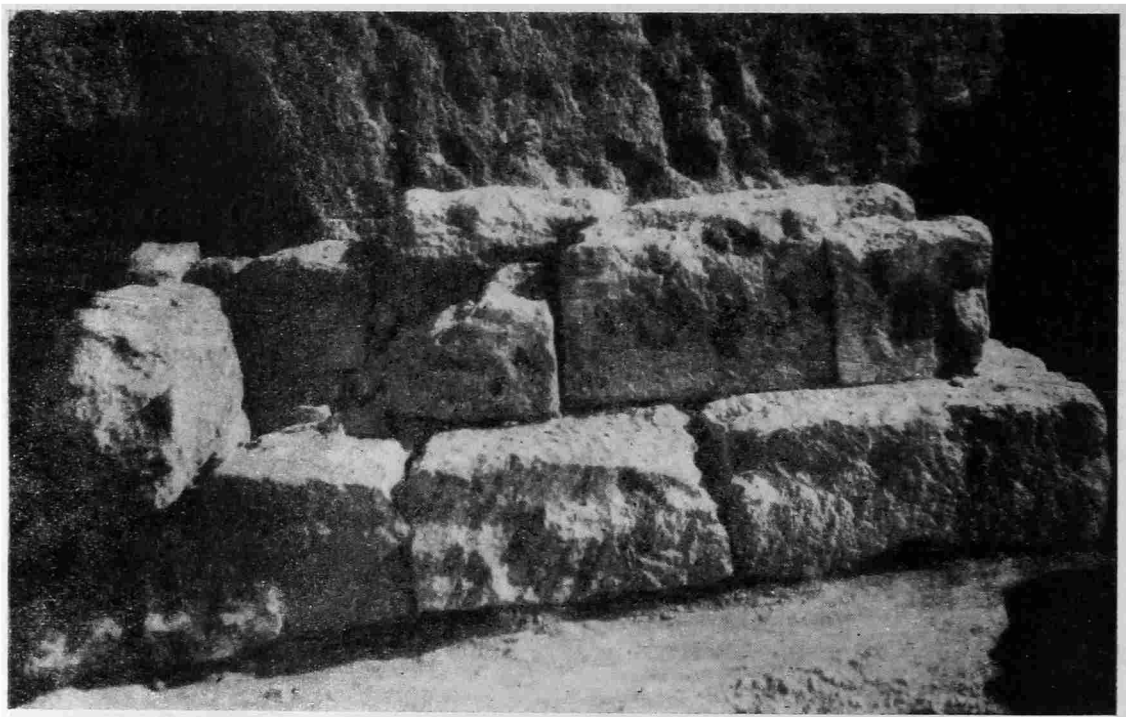

Рис. 236. Каменное сооружение у городской стены (раскоп А).

Рис. 23в. Камень с пятой в городских воротах Неаполя Скифского (раскоп А).

Размеры полуподвала, высеченного в скале, сравнительно большие: $12,40 \times 5,60 \times 0,60$ м. После разрушения здания на этом участке возникли небольшие каменные и сырцовые постройки первых веков нашей эры, резко отличающиеся по характеру кладки от монументальных стен здания с полуподвалом.

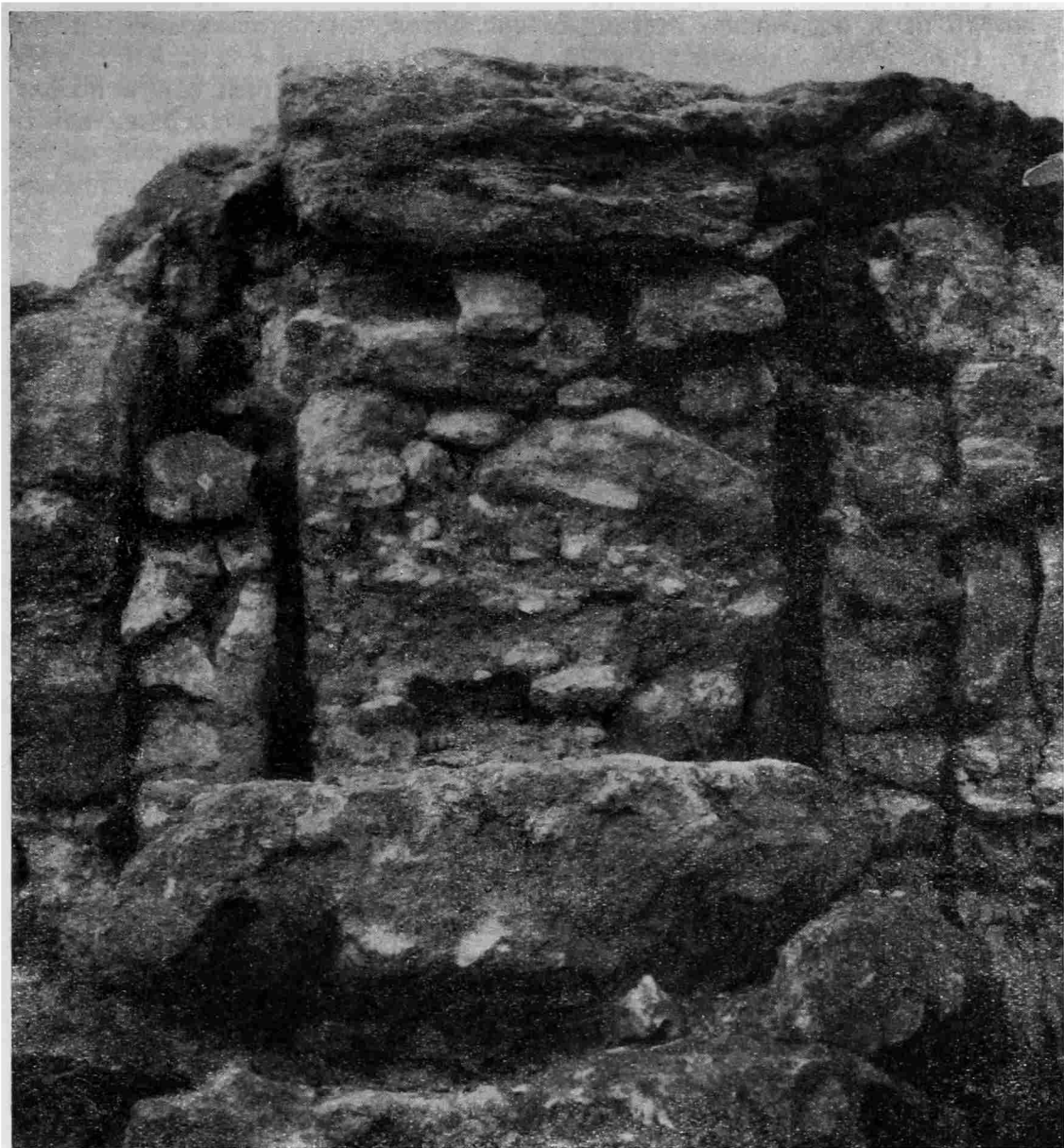

Рис. 24. Заклад дверного проема мавзолея Неаполя Скифского (раскоп А).

Верхние слои раскопа дают яркую картину насильственного разрушения города в IV в. н. э. Под развалинами стен обнаружены частью целые, частью раздавленные реберчатые амфоры (III — IV вв.), очаги с позднескифской лепной посудой, жаровни для выпечки лепешек и каменная прямоугольная печь.

Из находок этого года на раскопе Б обращают внимание миниатюрная резная костяная пластинка с орнаментом в виде жемчужной нити, украшавшая очевидно скифский ларец, обломки мраморного лутерия, терракотовая женская статуэтка, золотая круглая бляшка и множество разнообразной скифской лепной и лощеной посуды.

Задачей дальнейших раскопок на данном участке явится исследование

архитектурного комплекса, примыкающего к зданию с полуподвалом. Неподалеку именно от этого комплекса находится раскоп Бларамберга, где были найдены в 1827 г. скульптурные портреты скифских царей и надпись на пьедестале статуи царя Скилура.³

На раскопе А (Т. Я. Кобец и О. Д. Дашевская), у внутреннего панцыря городской стены, обнаружено прямоугольное сооружение III — II вв. до н. э. из хорошо отесанных квадратов, имеющее характер поста-мента (рис. 236). Здесь же находились 14 зерновых ям, в большинстве своем прекрасной сохранности. Комплекс ям ограничен с юга небольшой каменной стеной, быть может, предназначенной для поддержки навеса (рис. 236). Ямы колоколообразных форм вырублены своей нижней частью в скале, горловины выложены камнем и закрыты каменными крышками.

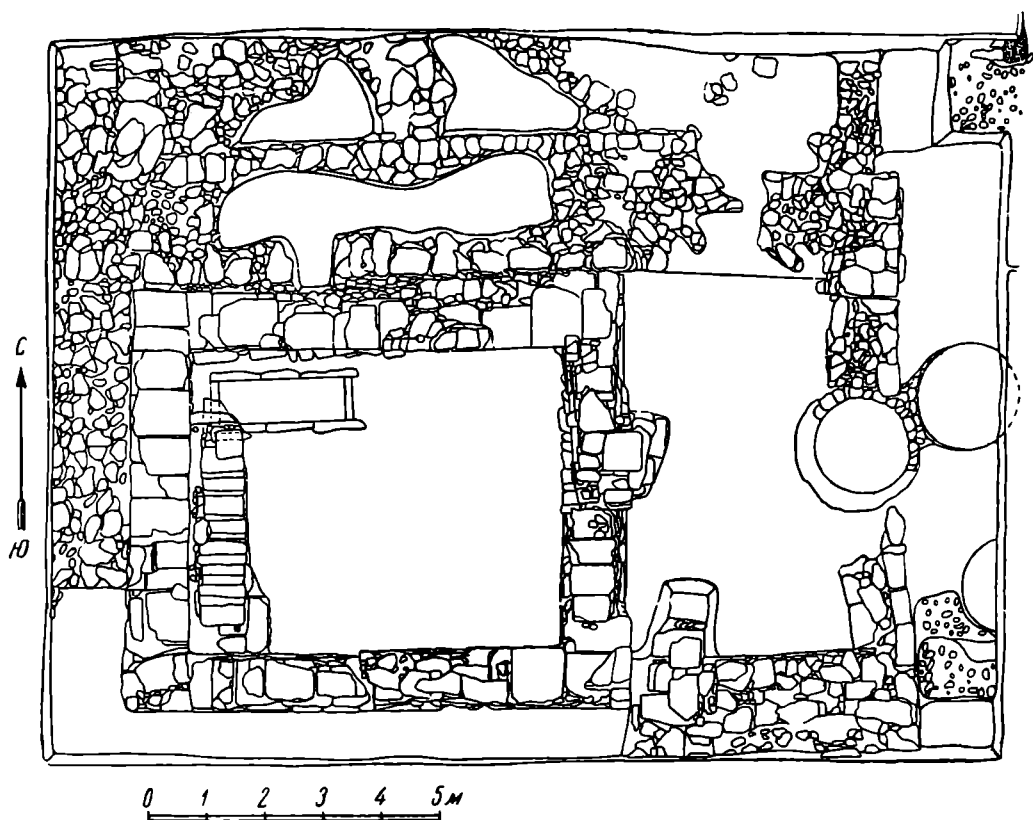

Рис. 25. План мавзолея Неаполя Скифского.

Стены ям обмазаны глиной, а в некоторых случаях оштукатурены. В среднем, в яму могло быть засыпано около тонны зерна (глубина ям от 1.30 до 1.85 м, диаметр от 1 до 1.68 м). К сожалению, следов зерна в ямах не обнаружено. Датируются ямы первыми веками нашей эры. Расположены они правильными рядами на площадке, вымощенной мелким камнем. Вероятно, они являются частью крупного государственного зернохранилища, находившегося у городских стен.

Главным достижением экспедиции в 1947 г. явилось открытие городских ворот, находившихся в центральной части южной линии оборонительной стены, на стыке раскопов А и А₁. Ширина ворот около 4 м,

³ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КС ИИМК, вып. XII, 1946.

протяженность проезда в раскопанном участке достигает 20 м. На уровне внешнего панциря стены обнаружен крупный отесанный камень с углублением — «подпятником» для укрепления двустворчатых дверей ворот (рис. 23в). За пределами линии стены проезд ворот обрамлен пилонами. Исследование разновременных вымосток в проходе показало, что ворота сооружены в эллинистическое время и продолжали свое существование до позднееримского времени. Вопрос об устройстве перекрытия ворот пока разрешить не удалось в силу их плохой сохранности, а также и потому, что раскопки ворот еще не закончены.

Центральные ворота Неаполя уточняют наши представления о характере скифской крепостной архитектуры. Протяженность их проезда значительно превышает длину проездов ворот Херсонеса и Ольвии.

Рис. 26. Голова барана (терракота). Найдена близ мавзолея.

Примыкающий к воротам участок городской стены с относительно хорошо сохранившимся внешним панцирем показал, что плоскость панциря имеет легкий наклон; это свидетельствует о том, что стены Неаполя кверху суживались подобно стенам Трои, Микен и Тиринфа. В этом заключается одно из существенных отличий устройства городских стен Неаполя от стен греческих городов Причерноморья.

На раскопе А₁ (Н. Н. Погребова) исследовались участки, примыкающие к мавзолею с востока и севера. Раскопки показали, что мавзолей был сооружен впритык к внешнему панцирю стены и что вход в него вел через дворик из проезда городских ворот. Мавзолей, таким образом, расположен у городской стены, близ центральных городских ворот, на запад от них. Дворик, находившийся перед входом в мавзолей, у дверного проема, посыпан белой известняковой крошкой. Справа от дверного проема во дворике было обнаружено детское погребение позднеэллинистического времени, с большим количеством пастовых бус.

В I в. до н. э. дверной проем в мавзолей был замурован крупными каменными плитами (рис. 24), а дворик засыпан землей и щебенкой. Позд-

нее в мавзолей для совершения погребений спускались по каменной лестнице (рис. 25).⁴

Из находок на раскопе А₁ наибольший интерес представляет глиняная голова барана (рис. 26), выполненная скифским мастером. Эта голова являлась, вероятно, ручкой глиняной жаровни. Здесь же была найдена терракотовая голова старухи (II—I вв. до н. э.). При дополнительных расчистках в мавзолее обнаружено 11 разнообразных золотых изделий (бляшки, пронизи).

Раскопки некрополя. Раскопки некрополя Неаполя Скифского (руководитель В. П. Бабенчиков) проводились на двух участках: в районе каменных склепов со стенной живописью и на средней террасе на склоне второй гряды Крымских гор к долине Салгира.

На первом участке был раскопан небольшой склеп (№ 10), высеченный в скале. Камера склепа, разграбленная в древности, имеет прямоугольные очертания; на стенах две ниши. Росписи не было. Найденные в склепе обломки посуды позволяют датировать его III в. н. э.

Рядом со склепом № 2, к югу от него обнаружена прямоугольная могила с погребением коня, высеченная в скале. Конь лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на север, в сторону склепа № 2.⁵ Найденные в могиле коня обломки керамики позволяют датировать ее II в. н. э.

На втором участке на средней террасе был открыт до сих пор остававшийся неизвестным некрополь с грунтовыми могилами рядовых граждан города.⁶ Здесь было раскопано 16 погребений, из них 13 подбойных могил и 3 земляных склепа. Склепы и подбойные могилы относятся к первым векам нашей эры. Земляные склепы имели дромосы, входные отверстия округлых очертаний и сводчатые погребальные камеры продолговатых форм. Входные отверстия закладывались крупными каменными плитами, дромос же засыпался камнями, количество которых иногда превышало 1000 (склеп № 16).

В склепе № 16 обнаружено парное погребение женщины и девочки-подростка. Оба костяка лежали в вытянутом положении, головы были обращены к входу, на северо-восток. В южном углу склепа в ногах подростка были сложены девять черепов, очевидно сдвинутых во время последнего погребения. Костей от предшествующих погребений, за ничтожными исключениями, в склепе не оказалось. Они очевидно были выброшены. На шее, на груди, на руках и на ногах погребенных было найдено большое количество разнообразных бус. На руках подростка были одеты бронзовые браслеты с уплощенными концами, с выгравированными на них изображениями змеиных головок. У правого плеча женщины — фибула, на пальцах перстень и кольцо. Склеп датируется I в. н. э.

Подбойные могилы имеют колодец и подбой обычно в западной стороне колодца. В отдельных случаях колодцы имели два подбоя — с западной и восточной сторон. Подбой закладывался крупными плитами, колодцы же засыпались камнем. Костяки были положены в подбоях в вытянутом положении, обычно головой на юго-восток. В отличие от склепов, в подбойных могилах, за исключением одного случая, погребения одиночные.

В инвентаре больше всего бус из стекла и пасты, много бронзовых фибул, браслетов, перстней, колец. Найден один короткий меч сарматского

⁴ Н. Н. Погребова. Мавзолей Неаполя Скифского, «Памятники искусства», Бюллетень ГМИИ, № 2, М., 1947.

⁵ Сходное погребение с остатками конских костей было обнаружено в 1946 г. рядом со склепом № 9, к югу от него. Характерно, что в росписи склепов № 2 и № 9 фигурирует изображение коня и всадника.

⁶ В. П. Бабенчиков. Грунтовой могильник Неаполя Скифского. ВДИ, 1949, № 1.

типа, железные удила с крупными кольцами, несколько железных ножей. Встречались бронзовые колокольчики, иглы, глиняные пряслица. Интересны геммы из сердолика с резными изображениями и подвески из египет-

Рис. 27. Ваза с рельефным изображением античных божеств (из могилы № 9).

ской пасты в виде лежащего льва. Среди посуды преобладают привозные вещи: краснолаковые чашки, херсонесские горшочки и кувшины, небольшая остродонная амфора. Встречены одна стеклянная чашка и фигурка птички из кости.

Характерно, что предметов скифского характера в подбойных могилах и земляных склепах не встречено, за исключением одной лощеной чашки. В инвентаре преобладают изделия сарматского типа. Быть может, данный участок некрополя принадлежал сарматской группе населения Неаполя Скифского или же перед нами погребения поздних скифов, подвергнувшихся в своем бытовом укладе сильнейшим сарматским влияниям.

В подбойной могиле № 9 обнаружена уникальная глиняная ваза с рельефными изображениями античных божеств. Сосуд своеобразен не

только по сюжету (синкретический характер божеств), но и по стилю, соединяющему в себе греческие, восточные и варварские элементы (рис. 27); сопровождающие находки позволяют датировать сосуд II в. н. э., скорее всего концом века.

Обмеры каменных склепов Неаполя были выполнены архитектором-художником Ф. Н. Пашенко. Е. А. Болотникова провела расчистку стеной живописи в склепе № 1; копировал росписи О. И. Домбровский.

Склеп № 1 является самым крупным склепом Неаполя Скифского. Он расписан в свободной декоративной манере в три цвета (красная и желтая охра и сажа). Изображенные в нем священные деревья чередуются с фигурами мужчин и женщин. Под центральной нишей воспроизведено солнце; на боковой северной стене — крылатый конь. Живопись склепа подтверждает разнообразие сюжетных и стилевых решений в росписях Неаполя Скифского.

3. Работа горного Бахчисарайского отряда

Бахчисарайский горный отряд (руководитель Е. В. Веймарн) имел целью уточнение следующих вопросов: 1) где проходили границы скифских и таврских владений в пределах Симферопольского района, 2) чем отличаются друг от друга скифские и таврские укрепления, 3) связаны ли укрепления тавров в горном Крыму и на южном побережье в единую стратегическую систему, 4) где проходила основная древняя дорога из Неаполя Скифского на южный берег.

Для уточнения этих вопросов понадобилось в первую очередь обследовать наименее изученный участок горного Крыма, на территории нынешнего Госзаповедника и южного побережья от Семидворья до Аю-Дага.

Работы отряда носили характер углубленной археологической разведки с небольшими раскопками. Разведка была начата от Неаполя Скифского вверх по левому берегу Салгира, где, вероятно, проходила древняя дорога от Неаполя на южное побережье. На этом пути было обследовано скифское селище близ селения Лозовое (Тахта-Джама) и небольшое укрепленное городище у дер. Добрая. В этом пункте, повидимому, древняя дорога поворачивала в сторону Палат-горы (Чатыр-Дага). В районе Краснолесья (Тавеля) и Мраморного (Биюк-Янкоя) наметилась граница между владениями скифов и тавров на грани предгорий и гор. Здесь заканчивается район распространения скифских курганов и начинаются таврские могильники — каменные ящики Палат-горы и таврские курганы с каменной насыпью.

На перевале, у подножья Палат-горы была обследована таврская каменная стена, пересекавшая проходивший здесь древний путь от Неаполя к южному берегу. Стена тянется на протяжении свыше 500 м от подножья Палат-горы до обрыва в сторону долины реки Альмы. Сложена стена из неотесанных каменных глыб и слегка суживается кверху. Ее толщина около 2 м. Ворота, носившие характер проезда, находятся в нижнем и верхнем участках стены. Раскопке подвергались нижние ворота у цитадели. На вершине Палат-горы обследована небольшая микrolитическая стоянка и ряд пещер, в частности пещера «тысячи голов», с большим количеством костяков. Уничтожение людей в пещере носило, повидимому, насильственный характер и было совершено в эпоху позднего средневековья.

На нижнем побережье обследованы таврские укрепленные пункты на вершинах гор Сераус и Кастель. Стены этих укреплений сложены из необработанного камня, насухо, и носят циклопический характер. Расположение укрепленных пунктов в этом районе (на вершинах Медведь-горы,

или Аю-Дага, Кастель и стена у Палат-горы), повидимому, образует единую стратегическую систему для защиты владений тавров как от греков, так и от степных кочевников.

В урочище Малаба, у склонов Демерджи над Семидворьем, а также на Церковном Бугре, в урочище Япалах были обследованы крупнейшие в этом районе таврские могильники с каменными ящиками. На Малабе насчитывается свыше 90 ящиков разных типов, на Церковном Бугре их свыше 80. Около Алушты были произведены разведочные раскопки кромлеха с каменным ящиком в центре, разграбленным еще в древности, исследованного В. Ф. Миллером в 1876 г.⁷

В дальнейшем намечается обследование южного побережья от Медведь-горы до Ай-Тодора и горных районов в юго-западной части заповедника, а также верховьев рек Альмы, Качи и Марты.

4. Работы Белогорского отряда

Белогорский отряд имел целью обследовать киммерийские, скифские и сарматские памятники в Крымских предгорьях, на пути от Неаполя Скифского к Пантикапею.

В этом районе, археологически почти не исследованном, находится громадное количество курганов. Скифские курганы достигают здесь большой высоты — до 10 м. В расположении их наблюдается ритмическая закономерность с правильным чередованием больших и малых курганов. На пути к Белогорску выделяется группа курганов близ дер. Ново-Александровка, в центре которой находится величественный Долгий курган (длина 112 м, ширина 57 м, высота 9,6 м). Не менее интересны курганы на вершине скал Ак-Кая.

Отрядом был раскопан скифский курган, на северо-западной окраине гор. Белогорска. Его высота 2,25 м, диаметр 10 м. В кургане обнаружен каменный склеп с дромосом и порталом, который вводит в погребальную камеру небольших размеров (длина 3,10 м, ширина 2 м, высота 1,50 м), сложенную из хорошо отесанных плит белого мергелистого известняка. Склеп перекрыт громадными продолговатыми плитами длиной до 4,15 м. Склеп был засыпан сначала камнем, а затем землей. В структуре и формах склепа ощущается воздействие боспорской архитектуры, но в его лапидарном, циклопическом перекрытии сказываются таврские традиции. В угловых камнях — «крюках», в форме буквы Г, проявились специфические особенности скифской кладки, прослеживаемые в скифском царском кургане близ Огуз⁸ и в мавзолее Неаполя Скифского. Погребение в склепе было разграблено еще в древности. Обрывки скифского чешуйчатого панциря, обломки аттического чернолакового канфара и гераклейской амфоры с клеймом на горле позволяют датировать курган III в. до н. э.

Белогорский курган знакомит нас с характером каменной погребальной архитектуры крымских скифов, предшествующей мавзолею Неаполя.

Отрядом было обследовано скифское городище близ дер. Аргин, округлое в плане, с двойной линией оборонительных стен, расположенное на высоком холме. В 1929 г. в Белогорском районе было обнаружено два скифских городища: близ дер. Тайган и дер. Чар-Даклы. Эта территория занимала, по всей вероятности, видное место в системе скифских укреплений предгорного Крыма.

⁷ В. Ф. Миллер. «Археологические разведки в Алуште». Труды Моск. Археологич. Общества, т. XII, стр. 11.

⁸ ОАК, 1894, стр. 78, рис. 110—111.

При обследовании Ак-Кая были обнаружены две пещеры с вырезанными на стенах сарматскими знаками. Одна из этих пещер в древности была окрашена красной охрой.

Южнее Белогорска, на левом берегу р. Кара-су, обнаружено поселение киммерийской эпохи с колоколообразными ямами, заполненными золой, костями животных и керамикой. Среди посуды преобладают крупные лепные простые и лощеные горшки и чашки. Шейки отдельных горшков опоясаны налепными рельефными валиками, с несомкнутыми концами, повидимому, изображающими змей. Здесь же найдены камни для растирания, костяные проколки.

Керамика Белогорского поселения носит протоскифский характер, оно по времени примыкает к последним этапам развития кизил-кобинской культуры.⁹ Предположительная датировка поселения — первая треть I тысячелетия до н. э. Не исключена возможность, что перед нами киммерийское поселение.

5. Основные выводы

Работы экспедиции 1947 г. подтвердили, что поздние скифы в Крыму создали культуру городского характера.¹⁰ Открытие городских ворот Неаполя Скифского вписывает новую страницу в исследование этого города и облегчает дальнейшее изучение его планировки. Комплекс зерновых ям у городских ворот свидетельствует о наличии в Неаполе государственного зернохранилища. Место нахождения мавзолея у городских стен и у ворот города подчеркивает его не только ритуальное, но и политическое, государственное назначение.

Открытие в 1947 г. подбойных могил и земляных склепов в сочетании с открытыми ранее каменными склепами и погребениями в мавзолее знакомят нас с погребальным обрядом различных слоев населения Неаполя Скифского, начиная от рядовой бедной могилы и кончая царской гробницей. Скифский курган с каменным склепом под Белогорском уточняет картину развития скифской погребальной архитектуры в Крыму.

Роспись склепа № 1 свидетельствует о многогранности стилевых и сюжетных решений живописи поздних скифов.

Работами Бахчисарайского отряда установлено наличие древней дороги от Неаполя к южному побережью, с перевалом у подножия Палат-горы, и уточнена граница владений скифов и тавров. Выявлены основные отличия укреплений горных тавров, являвшихся убежищами, от скифских укреплённых пунктов, соединявших в себе функции крепости и поселения. Намечается наличие связи между таврскими укреплениями на южном побережье и в горном Крыму. Повидимому, и здесь имела место единая стратегическая система. Уровень культуры тавров, следовательно, стоял на бо́льшей высоте, чем это принято считать.

Обнаружение поселения киммерийской эпохи под Белогорском открывает начало дальнейшим поискам киммерийских поселений в предгорном и степном Крыму и на Керченском полуострове. Проблема взаимосвязей киммерийцев, тавров, скифов, сарматов и алланов на почве Крыма поставлена работами экспедиции как первоочередная проблема истории аборигенного населения Крыма в древности.

⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Первобытная культура в Крыму 1926, вып. II, «Крым».

¹⁰ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. Общее Собрание АН СССР, 10—13 июня 1947 г. М.—Л., 1948, стр. 74.

И. И. ЛЯПУШКИН

ПОСЕЛЕНИЯ ЗОЛЬНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ «СКИФОВ-ПАХАРЕЙ»
В БАССЕЙНЕ СЕЙМА

Днепровская левобережная экспедиция, организованная Ленинградским отделением ИИМК совместно с Институтом археологии АН УССР, в 1947 г. продолжала изучение памятников эпохи железа на территории Левобережной Украины и в прилегающих к ней районах Курской области. В соответствии с поставленными задачами экспедиция провела разведочные работы по маршруту, общей протяженностью более 3000 км по линии рек Десна — Сейм — Оскол — С. Донец — Орель — левый берег р. Днепра от устья р. Орели до р. Десны. Не имея возможности полностью осветить результаты экспедиции, мы коснемся здесь лишь одной группы памятников, обследованных экспедицией в северной полосе лесостепи (бассейн р. Сейма), — поселений так называемой зольничной культуры (по терминологии В. А. Городцова), или «скифов-пахарей»¹ (по терминологии А. А. Спицына).

1

Поселения зольничной культуры до последних дней были известны преимущественно в южной и средней полосе лесостепи. При разведочных работах 1940, 1945 и 1946 гг. большая группа их была обнаружена нами в бассейне р. Ворсклы.² Изучение собранных материалов привело нас к выводу, что население, оставившее зольничную культуру, обитало в обследованной нами полосе в пределах от VII до рубежа III — II ст. до н. э. Следов более поздней жизни этого населения в Поворсклье не обнаружено. В те же хронологические рамки укладывается жизнь на поселениях зольничной культуры территории бассейна верхнего течения р. Сев. Донец.³ Большой интерес в отношении хронологических рамок бытования этой культуры в лесостепной полосе представляют выводы А. А. Спицына, сделанные им тридцать лет назад при изучении другого круга памятников — курганов. Он утверждал, что «курганы скифов-пахарей» исчезают

¹ Термином «скифы-пахари» мы пользуемся здесь, как и ниже, не в этническом смысле слова, а условно, поскольку в литературе он закрепился за населением исследуемой нами полосы, — VII — II вв. до н. э.

² И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. Кр. Сообщения ИИМК АН СССР, в. XVII; его же. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы, там же, в. XIX, 1948; его же. Поселения эпохи железа в бассейне р. Ворсклы, там же, вып. XXI, 1948.

³ Л. Славин. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период. ВДИ, 1940, № 1/10, стр. 24.

в III ст.⁴ Мы не касаемся сейчас вопроса, прав или не прав был А. А. Спицын в трактовке этнического облика населения, оставившего исследуемые им памятники; для нас сейчас важен установленный им факт исчезновения этой культуры в III ст., т. е. в то же самое время, когда наблюдается прекращение жизни и на поселениях, обследованных нами. Существенным является вопрос — что же случилось на рубеже III — II вв. до н. э. со «скифами-пахарями»? А. А. Спицын, повидимому, был прав, заявляя: «Нельзя допустить массового вымирания или уничтожения племени». Но есть ли основания согласиться с его предположением, что это население — «...вероятнее ...отчасти ушло в городскую жизнь, сплотясь в свои особые городки или же войдя в греческие, отчасти же было выведено или привлечено иначе в Боспорское царство, в сферу привычного земледельческого труда»?⁵ Это предположение А. А. Спицын ничем не обосновал. Изучение археологических материалов в музеях, по архивным данным и по литературе привело нас к выводу, что следы исчезнувших из южной полосы лесостепи «скифов-пахарей» следует искать в северной части лесостепи — на линии Путивль — Курск — Воронеж.⁶ Проверка сделанных нами предварительных выводов явилась одной из задач левобережной экспедиции 1947 г.

2

В бассейне р. Сейма от устья до впадения в нее р. Рать (20 км к востоку от Курска) экспедиция обнаружила большое число поселений, содержащих в основании культурного слоя отложения зольничной культуры (рис. 28). Подавляющее большинство этих поселений — городища, расположенные на высоких крутых мысах берегов рек, балок и оврагов. С напольной стороны площадки мысов в наиболее узких местах имеют искусственную защиту в виде рвов и валов. Высота последних достигает 10 м. Таким образом, форма городищ всецело определяется конфигурацией площадок мысов; в большинстве случаев она — овальная. Число селищ, содержащих отложения зольничной культуры, незначительно, и все они являются не самостоятельными поселениями, а связаны с городищами, непосредственно примыкая к ним. Географически (в смысле ландшафта) зольничные поселения в бассейнах рек Десны и Сейма не выходят за границы лесостепи. Наибольшее число обследованных нами зольничных поселений (10 из 15) расположено в излучине р. Сейма между г. Рыльском и устьем р. Клевень (правый приток Сейма).

Поселения имеют достаточно мощный культурный слой — от 0.4 до 2.5 м. Основную массу культурных остатков составляют черепки глиняной посуды, куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев, различные поделки из глины, кости животных и т. п. В составе культурного слоя много золы. Большинство поселений двуслойные: нижний слой — отложения зольничной культуры, верхний — славянской (роменской и великокняжеской). Только на поселении у с. Шебалиновка наряду с отложениями зольничной и славянской культур обнаружены элементы деснинской (юхновской) культуры, имеющей широкое распространение в лесной части бассейна р. Десны. Данных для суждения о взаимоотношении этих трех культур пока не имеется.

Комплекс вещей (преимущественно керамика), относящийся к зольничному слою, в основном аналогичен материалам зольничной культуры позднего периода (IV — II ст. до н. э.) южной полосы лесостепи (рис. 29).

⁴ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65.

⁵ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 119.

⁶ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КС ИИМК, вып. XIX, 1948, стр. 37.

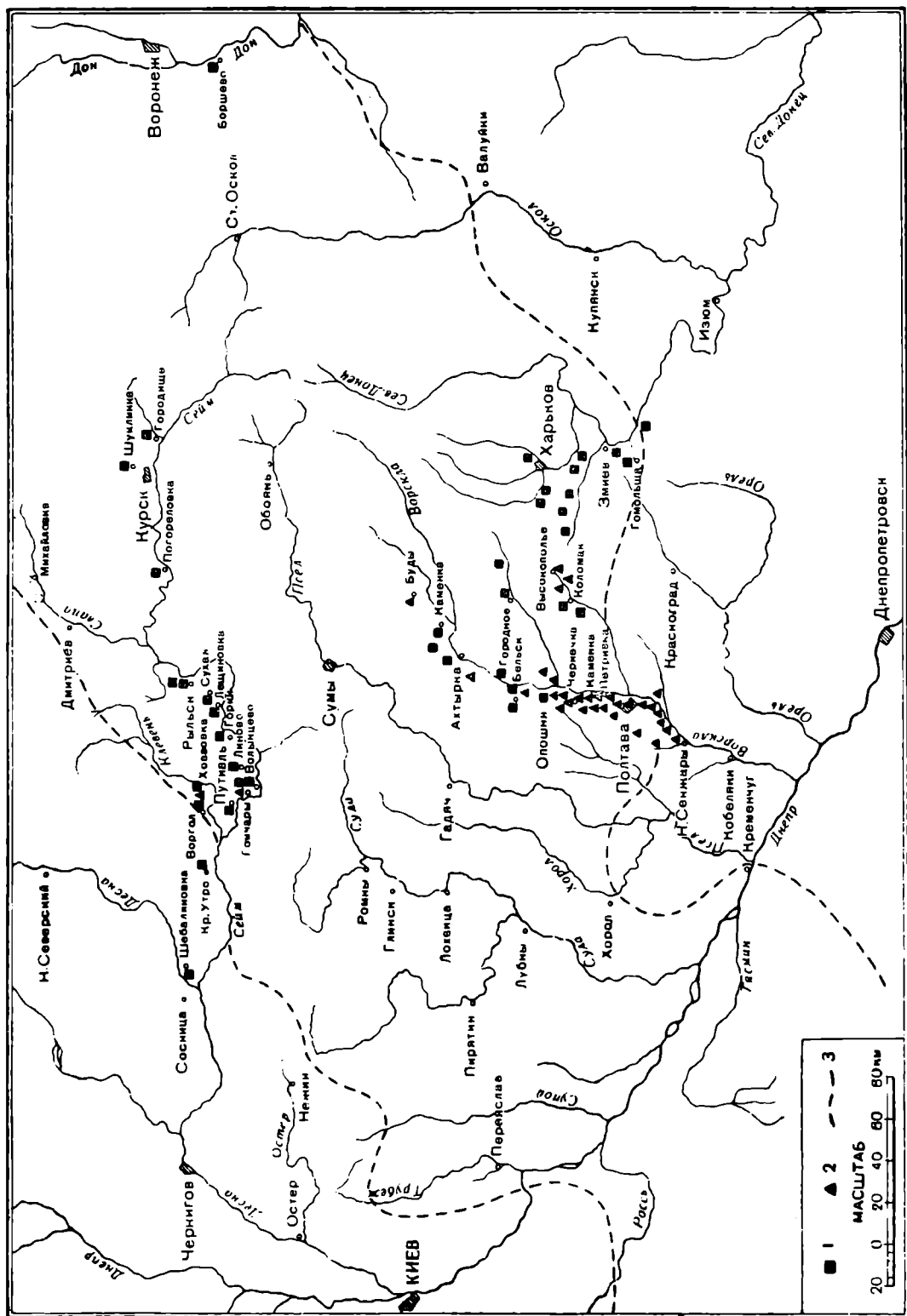

Рис. 28. Схематическая карта поселений зольничной культуры Днепровского лесостепного ленобережья.

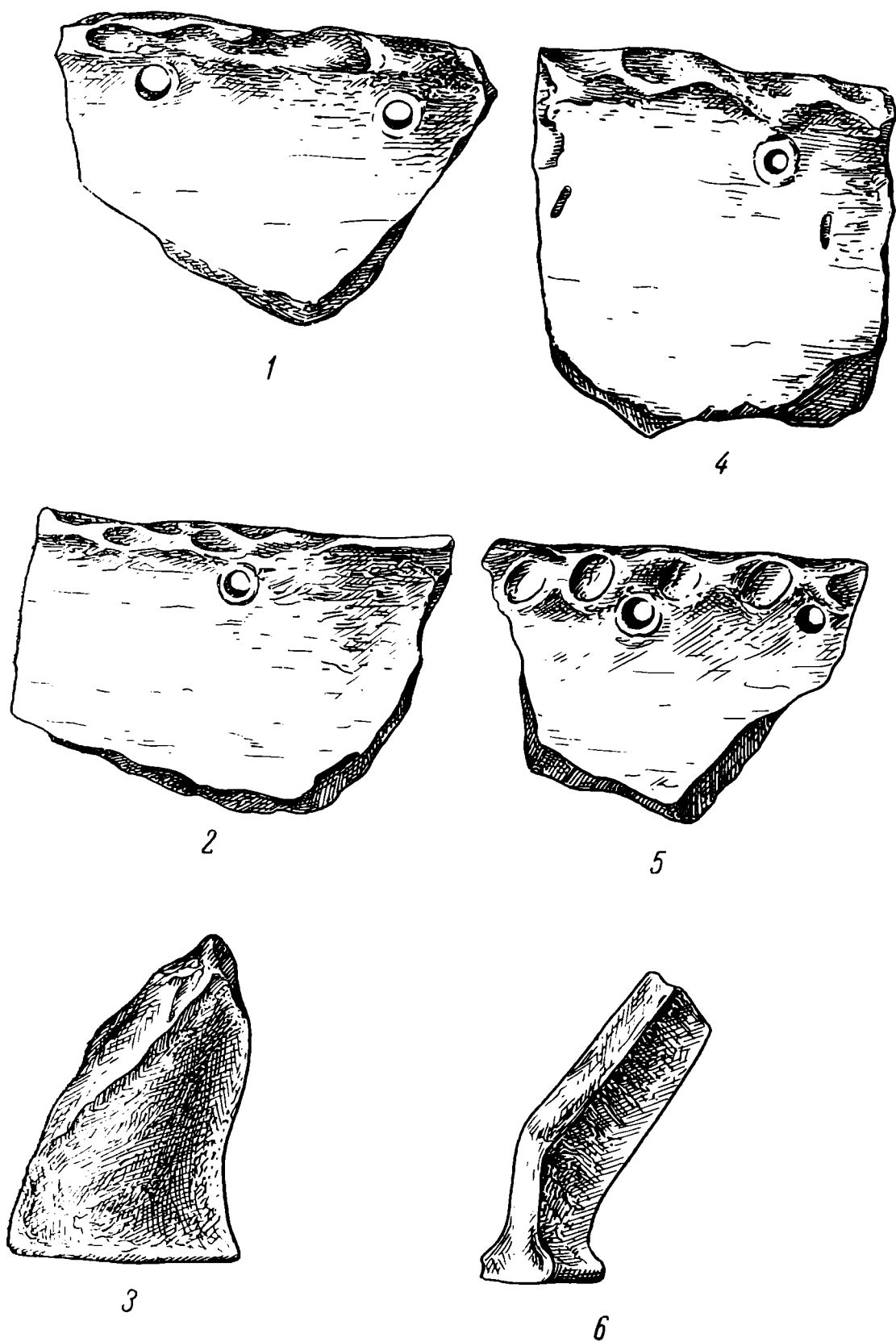

Рис. 29. Керамика позднезольничных поселений.

1 — 3 — с городища в с. Б. Гомольша Змиевского района Харьковской обл.; 4 — городище у с. Горки Путивльского района Сумской обл.; 5 — городище у с. Воргол Путивльского района Сумской обл.; 6 — городище у с. Погореловка Львовского района Курской обл.

Но есть кое-что и новое. Так, наряду с типичной южной позднезольничной кухонной посудой встречается и несколько отличная от нее как по технике изготовления, так и по орнаментации. Правда, посуда эта часто сохраняет одну из основных и характерных черт зольничной кухонной посуды — сквозные отверстия ниже края венчика.

На всех обследованных нами в северной полосе маршрута поселениях совершенно не обнаружено элементов раннезольничной культуры (VII—V ст. до н. э.): чернолощенной керамики как гладкой, так и с врезным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, кухонных горшков, орнаментированных налепными валиками и сквозными отверстиями ниже края венчика.⁷

В свете этих данных имеются все основания предполагать, что возникновение обследованных нами городищ следует связать со «скифами-пахарями» и притом с поздним этапом их истории — не ранее IV — III ст. до н. э., т. е. с тем периодом, когда на поселениях этой же культуры южной полосы жизнь начинает прекращаться.

Нельзя не сделать из этих двух удивительно совпадающих событий — прекращения жизни на поселениях южной полосы и возникновения поселений в северной, невольно напрашивающегося вывода, что заселение северной полосы произошло в результате передвижки «скифов-пахарей» именно из южной полосы.

Обследованные нами памятники северной полосы должны будут занять существенное место и при изучении вопроса о взаимоотношении «скифов-пахарей» и славянского населения Днепровского левобережья, поскольку большинство из поселений содержат отложения той и другой культур. Хотя данных для суждения о верхней хронологической границе жизни «скифов-пахарей» на этих поселениях мы пока что и не имеем, тем не менее нет никакого сомнения, что жизнь на них продолжалась в более позднее время, чем на южных. Это обстоятельство позволит при дальнейших полевых исследованиях если не решить, то, во всяком случае, значительно приблизить решение этого вопроса на конкретном археологическом материале.

⁷ И. И. Ляпушкин, Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КС ИИМК, вып. XIX, 1948.

М. А. ТИХАНОВА

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. В ЛУКЕ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ (ДНЕСТР)

Бассейн среднего течения Днестра в отношении изучения памятников первых веков нашей эры, так называемой культуры полей погребений — оставался до сих пор почти не исследованным. Между тем частичные обследования и случайные находки указывали на богатство района (наряду с памятниками энеолита) памятниками первых веков нашей эры. Исключительная значимость в плане изучения вопросов этногонии восточного славянства разрешения проблемы культуры полей погребений, до сих пор не только не разрешенной, но по существу даже научно не поставленной, — вызывает в первую очередь необходимость иметь отсутствующий до настоящего времени для Днепроовско-Днестровского бассейна полноценный исторический источник — достоверный археологический материал.

Одной из задач Среднеднестровской экспедиции Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, организованной совместно с Институтом археологии Украинской Академии Наук под руководством С. Н. Бибикова, и было исследование памятников культуры полей погребений и славянских памятников более поздней поры, путем разведок и раскопки обнаруженного С. Н. Бибиковым в 1945 г. поселения в с. Лука-Врублевецкая Каменец-Подольского района одноименной области.

Разведкой (под руководством П. И. Борисковского) за две полевых кампании 1946 и 1947 гг. выявлены по обоим берегам Днестра от г. Хотина до с. Старая Ушица остатки поселений (открытых селищ) с культурой полей погребений, густой сетью покрывающих оба берега реки.

В Луке-Врублевецкой в 1946 г. путем раскрытия небольшой площади и закладки контрольных шурфов удалось выяснить характер залегания культурного слоя полей погребений, собрать большой вещественный материал, раскрыть ряд хозяйственных сооружений (печи) и предварительно наметить границы поселения первых веков нашей эры, равно как и позднего славянского поселения великокняжеской поры, частично разрушившего своими сооружениями поселение первых веков.

Важнейшими результатами работ 1947 г. было открытие в поселении культуры полей погребений жилищ — полуземляночного типа и остатков наземных жилищ.

Открытое в 1947 г. в Луке-Врублевецкой на раскопе IV жилище полуземляночного типа (землянка № 1), размером 6.20 × 3.20 м, углублено в землю на 0.50 м, четырехугольное в плане, со слегка округленными углами и изломом западной стенки (повидимому, в результате обвала); оно ориентировано с севера на юг. Вход с юго-восточной стороны. В цен-

тре жилища очажное углубление, размером 1.50×1.20 м; в дальнем северо-западном углу разрушенная сводчатая печь подковообразной формы, за которой в глинобитном полу жилища было обнаружено небольшое углубление — «мусорная яма». Стены жилища забраны деревянными плахами и обмазаны глиной. О такой конструкции стен говорят сохранившиеся в нескольких местах западной и восточной стен отпечатки деревянных плах и следы дерева. Следы дерева прослеживаются и в нескольких местах на глинобитном полу в северной части жилища. Жилище было, очевидно, перекрыто деревянной кровлей, опиравшейся на центральный столб и столбы у южной и северной стенок. Назначение обнаруженных в полу жилища многочисленных углублений малого размера не всегда ясно.

В заполнении землянки — керамика, кости животных, в том числе череп собаки и передняя часть челюсти свиньи, а также немногочисленные предметы из металла. Основную массу керамики составляет типичная керамика культуры полей погребений Черняховской стадии, сделанная на гончарном круге, серая — лощеная и нелощеная — и черная «с покрытием», среди которой особого внимания заслуживает стоявшая на полу миска, сохранившаяся почти целиком. Относительно значителен процент лепной керамики, в том числе и несколько фрагментов так называемой «пшеворской» керамики. Импортная керамика из колоний представлена всего одним фрагментом красноглиняного лощеного кувшина.

Предметы из металла очень немногочисленны: бронзовая фибула с высоким держателем иглы (найдена на дне «мусорной ямы» за печью) и несколько обломанных ножей.

Кости животных, найденные в большом количестве, позволяют говорить о типичном для поселений культуры полей погребений составе стада: подавляющее большинство составляют кости домашних животных с заметным преобладанием костей свиньи и крупного рогатого скота.

Большой интерес представляет найденный в землянке костяной штамп из челюсти свиньи для нанесения на керамике двух- и трехрядного врезанного волнистого орнамента. Следует упомянуть и о находке пряслица и обломочка стеклянного сосуда, с напаянными нитями.

Керамика, в первую очередь выше упомянутая миска, в сочетании с фибулой хорошо датируют землянку временем не ранее второй половины III — начала IV в. н. э.

Землянка, открытая раскопками 1947 г., не единственная в данном поселении. К северо-западу от нее было обнаружено на глубине 1,10 м второе жилищное пятно. Остатками разрушенных полуземлянок являются и обнаруженные раскопками 1946 г. очажное углубление в раскопе II и печь-каменка в раскопе III.

Открытое в Луке-Врублевцевой жилище полуземляночного типа выступает как одно из звеньев в цепи развития жилищ на широких пространствах от верховьев Лабы (Эльбы) и Одера на западе до Днестра на востоке и Прикарпатья на юге. Не затрагивая всего вопроса о генезисе этого типа жилищ и путях его развития и ограничиваясь лишь ближайшим историческим временем, следует напомнить о жилищах в дакийских поселениях позднелатенского периода на территории современной Румынии и Чехии и жилищах первых веков н. э. — в селищах Румынии, Чехии, Словакии. Ближайшими по времени аналогиями выступают жилища в соседних западных областях Украины, а также в юго-восточной Польше. Этого же типа жилища известны и в Поднепровье (материалы В. В. Хвойко, разведки И. М. Фещенко 1940 г. на порожищем участке Днестра и др.). Несколько более поздней параллелью является жилище поселения IV—V вв. в Дедовщине Фастовского района Киевской обл., где были открыты жилища двоякого типа — землянка и наземная хата.

Сосуществование наземных и углубленных в землю жилищ, установленное в Луке-Врублевецкой, — явление, прослеживаемое на территории сложения славянских племен в лесостепи с глубокой древности до средневековья.

Значительный интерес представляет открытая раскопками 1947 г. к юго-востоку от вышеописанной землянки напольная печь, углубленная на 0.60 м, в форме перевернутой четырехгранной пирамиды со срезанной вершиной. Стенки печи сглажены. Наружные края сильно обожжены. Печь открытая. Вся она заполнена пережженным известняком и небольшим количеством костей животных в верхних горизонтах. Назначение печи остается пока не вполне ясным.

Контрольными шурфами, заложенными в отдалении от берега Днестра (на расстоянии около 150 м к северу), были обнаружены остатки средневекового славянского поселения — землянка с типичной гончарной керамикой великокняжеской поры, обломками стеклянных браслетов, наконечниками стрел и другими находками того же времени.

Основную массу находок в поселении первых веков составляет керамика, представленная фрагментами, среди которых несколько почти целых сосудов. Преобладает сероглиняная керамика, сделанная на гончарном круге, лощеная и нелощеная, из хорошо промешанного, прекрасно обожженного теста. Ведущие формы — различного профиля миски (5 типов), наряду с которыми встречаются в значительно меньшем числе кувшины, двуручные амфоры, жбаны. Особую группу составляют фрагменты сосудов с орнаментом, исполненным зубчатым колесиком. Вторая большая группа представлена керамикой, также сделанной на гончарном круге, но из плохо промешанного теста с сильной примесью крупнозернистого песка, с шероховатой поверхностью: горшки с довольно сильно раздутыми боками и сильно отогнутым венчиком, по форме и тесту близкие более поздней славянской керамике. В той же технике исполнена и многочисленная группа сосудов больших размеров (для хранения запасов) с широким плоским воротником, украшенных обычно по плоскому краю венчика или по плечикам орнаментом в виде многорядной волны. Лепная керамика в культурном слое полей погребений немногочисленна и представлена мало выразительными формами за исключением вышеупомянутых фрагментов лепной же, но великолепной выработки черной лощеной посуды пшеворского типа; фрагменты импортной керамики — их немного — весьма характерны: это обломки остродонных реберчатых амфор позднеримского времени.

Наиболее важную группу изделий из металла составляют фибулы. Всего было найдено 10 фибул: 8 бронзовых и 2 железных. Основную часть их составляют фибулы типа с обернутой ножкой, двухчастные позднего варианта (не ранее второй половины III в.), одна фибула с ромбической ножкой начала IV в. (ср. полную ее аналогию в погребении № 58 могильника Морахсентаны), одна, как указано, с высоким держателем иглы.

Следует, наконец, упомянуть о значительной группе глиняных пряслиц, в основном биконической формы.

Значение двухлетних работ в Каменеце-Подольском районе заключается прежде всего в самом выявлении раннеславянских памятников первой половины первого тысячелетия нашей эры. Немаловажным представляется и установление как в самой Луке-Врублевецкой, так и в ряде других пунктов наличия средневековых славянских поселений, в которых следует, очевидно, видеть остатки поселения упоминаемых в летописи улчей, памятники которых оставались до сих пор совершенно неизвестными.

Задачи ближайшего года: 1) продолжение раскопок поселения в Луке-Врублевецкой, в первую очередь к западу от современного селения, где в 1946 г. был обнаружен чистый слой культуры полей погребений и открыта сводчатая печь; 2) широкая разведка вниз по Днестру до Могилева-Подольского (по течению самого Днестра и по его притокам).

Посвящается памяти М. В. Воеводского

Б. А. РЫБАКОВ

НОВЫЙ СУДЖАНСКИЙ КЛАД АНТСКОГО ВРЕМЕНИ

В 1947 г. М. В. Воеводским был открыт для науки ценный клад антских вещей, выпавших в этом же году в окрестностях города Суджи, на низком берегу р. Суджи на невысоком острове.

Клад хранится в Курском музее. Половина вещей из клада была привезена М. В. Воеводским в Москву и любезно предоставлена мне для изучения.

Все вещи были найдены вместе компактной массой, что исключает погребение и заставляет говорить именно о кладе.

Некоторые вещи были утеряны или использованы находчиками. Уцелевшая часть клада состоит из следующих вещей:

Ф и б у л ы (рис. 30). Две парные, вполне однотипные фибулы. Они принадлежат к обычному для антских древностей типу пальчатых (лучевых) бронзовых фибул с пятью лучами. Длина фибулы 16 см, размах крайних лучей 7—8 см. Щиток полукруглый с приподнятыми краями: дужка двускатная изогнутая. Лучи фибулы выпуклые, ложковидные. Второй щиток украшен шестью боковыми выступами в тех местах, где на более ранних керченских фибулах полагаются выступающие гнезда для камней. Крайняя пара выступов обработана в виде стилизованных птичьих голов. Узкий конец фибулы представляет собой крайне упрощенную морду с двумя глазами, узким носом и заштрихованными щеками.

На оборотной стороне, на полукруглом щитке, имеются два выступа с отверстиями для оси пружины и обломанный крючок приемника иглы фибулы. Пружина была железной или стальной. Дужка и лучи с обратной стороны вогнуты, остальные части плоски. Вдоль узкого щитка идет выпуклая полоска.

Техника изготовления фибулы может быть прослежена хорошо. Можно даже установить последовательность технических операций:

1. Для отливки фибулы была изготовлена восковая модель; на обороте узкого щитка в левой стороне заметны отпечатки пальцев — пять изогнутых параллельных полосок. Щитки были изготовлены отдельно друг от друга.

2. К полукруглому щитку были приделаны выступы для пружины и обрезаны ножом. Начерно были вылеплены пять лучей в виде ложек с выпуклостью на лицевой стороне.

3. Узкий щиток был вылеплен из воска, по всей вероятности вместе с двускатной дужкой. Ввиду тонкости восковой пластинки этого щитка (2.5—3 мм) мастер для упрочнения ввел в воск продольный стерженек

длиной в 6 см и толщиной со спичку, расположив его вдоль щитка и укрепив его двумя комочками воска.

4. Обе части восковой модели были соединены, и модель была положена своей обратной стороной на мягкую глину, после чего началась отделка лицевой стороны.

5. Места присоединения пяти лучей были подрезаны ножом, был заглажен весь контур модели, заглажены места присоединения дужки к щитку.

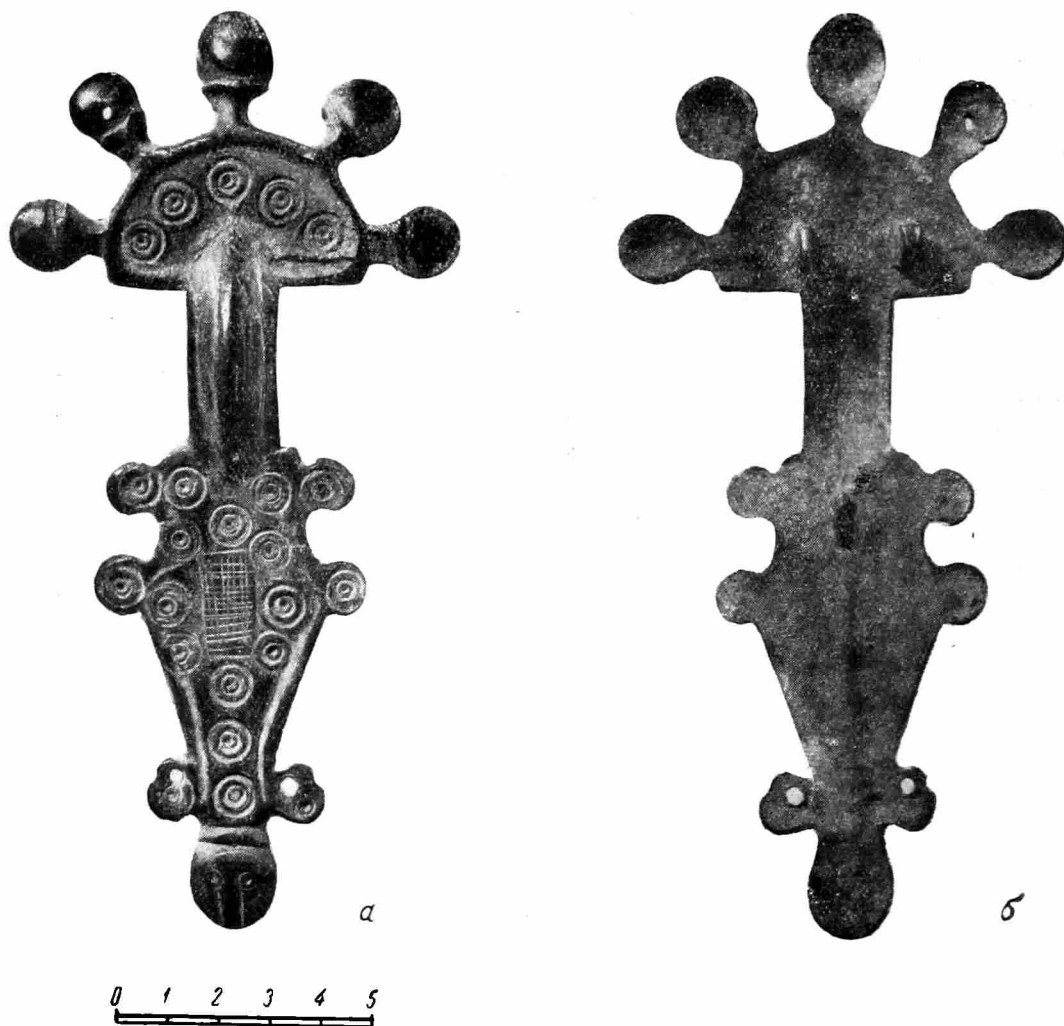

Рис. 30. Пальчатая фибула.
а — лицевая, б — оборотная стороны.

6. На узком щитке мастер первоначально провел по краю глубокие оскаймляющие бороздки, а затем расчертил в центре щитка прямоугольник, заштрихованный в клетку. Штриховка производилась небрежно, и некоторые линии заходили далеко за пределы прямоугольника.

Сначала велась продольная штриховка, а потом поперечная.

7. Самой последней операцией было орнаментирование фибулы узором из концентрических кругов. Этот характерный для фибул узор наносился не штампом, а пятизубчатым циркулем путем вращения. Возможно, что циркуль был металлический и слегка нагревался, так как круги сделаны довольно аккуратно. Диаметр кругов 8 мм. Средний зуб циркуля был длиннее других; поэтому центральная ямка всегда глубже кругов. В результате вращения получались два концентрических круга и коническая

ямка в центре. Каждому кругу на оборотной стороне соответствует вздутие воска, происходившее от нажима циркуля. Глаза птиц и чудовища на конце фибулы сделаны тем же циркулем, но внешний круг затерт.

Нанесение кругов производилось в последнюю очередь. Это явствует из того, что круги перекрывают все остальные линии (в том числе и неясные следы птичьих клювов, обращенных внутрь узкого щитка), определить которые возможно только при сопоставлении с другими фибулами этого типа.

8. Орнаментированная восковая модель фибулы слегка заглаживалась и затем заливалась глиной, после чего из просохшей формы вытапливался воск и наливался металл.

Металл — светлорозоватая бронза. Литье вообще хорошее, но в отдельных местах в металле есть скважины.

Сохранность фибулы довольно хорошая. Утрачены только пружина и крючок приемника.

Общий характер ее выделки грубоватый. Подражая какому-то образцу, мастер, лепивший восковую форму, наносил одни элементы узора, например птичьих клювы внутри щитка, а затем бессмысленно перекрывал их глазковым орнаментом, который должен был только дополнять первоначальный рисунок.

Височные кольца браслетообразные (рис. 31 и 32). В кладе найдено 8 очень больших височных колец из толстой серебряной проволоки.

Диаметр колец 14 см. Проволока не тянутая, а кованая, толщиной в 3—3.5 мм; концы колец утолщены, как на браслетах этой эпохи, и сомкнуты. Лишь у одного кольца концы заходящие, что объясняется большей длиной выкованной проволоки — 47 см, вместо обычных 41 см; чтобы сохранить единство диаметра всех колец, пришлось в этом случае нарушить принцип сомкнутости.

Диаметр утолщенной части 5 мм.

Кроме больших колец, есть 2 небольших колечка такого же типа. Диаметр 3.5 см, толщина серебряной проволоки 2 мм.

Спиральные височные кольца (рис. 31). Всего в кладе 12 спиральных височных колец и 4 обломка. В той половине клада, которая была в моем распоряжении, имеется 6 целых колец и 2 обломка. В дальнейшем буду описывать только эти, виденные мною, экземпляры. Двуспиральные подвески (напоминающие по своему виду пенсне) изготовлены из кованой серебряной проволоки, концы которой скатаны в плоские спирали, а середина образует петлю для подвешивания. К этой петле прикреплялась обойма из серебряной пластинки, скрепленная закрепкой. Спиралы могут свободно качаться в этой пластической петле.

Спиральные височные кольца распадаются на несколько групп, отличающихся размером, техникой изготовления и степенью изношенности.

а) Три двуспиральных височных кольца изготовлены каждое из куска проволоки длиной в 100—108 см. Спиралы образуют восемь витков. Диаметр спирали — 4.2 см; толщина проволоки в средней части 3 мм, а к концам — 1.5 мм.

Проволока на всем протяжении сохраняет поперечное сечение, близкое к кругу.

Серебряная обойма — ушко — сделано из пластинки длиной в 5.5 см и шириной в 1 см, сложенной вдвое, с заходом одного конца за другой. Пластинки орнаментированы продольными полосами, прочерченными по серебру. Все ушки сделаны из отрезков одной серебряной узкой ленты, заранее расчерченной вдоль.

Все три кольца этого варианта закреплены очень аккуратно небольшими точно отмеренными заклепками.

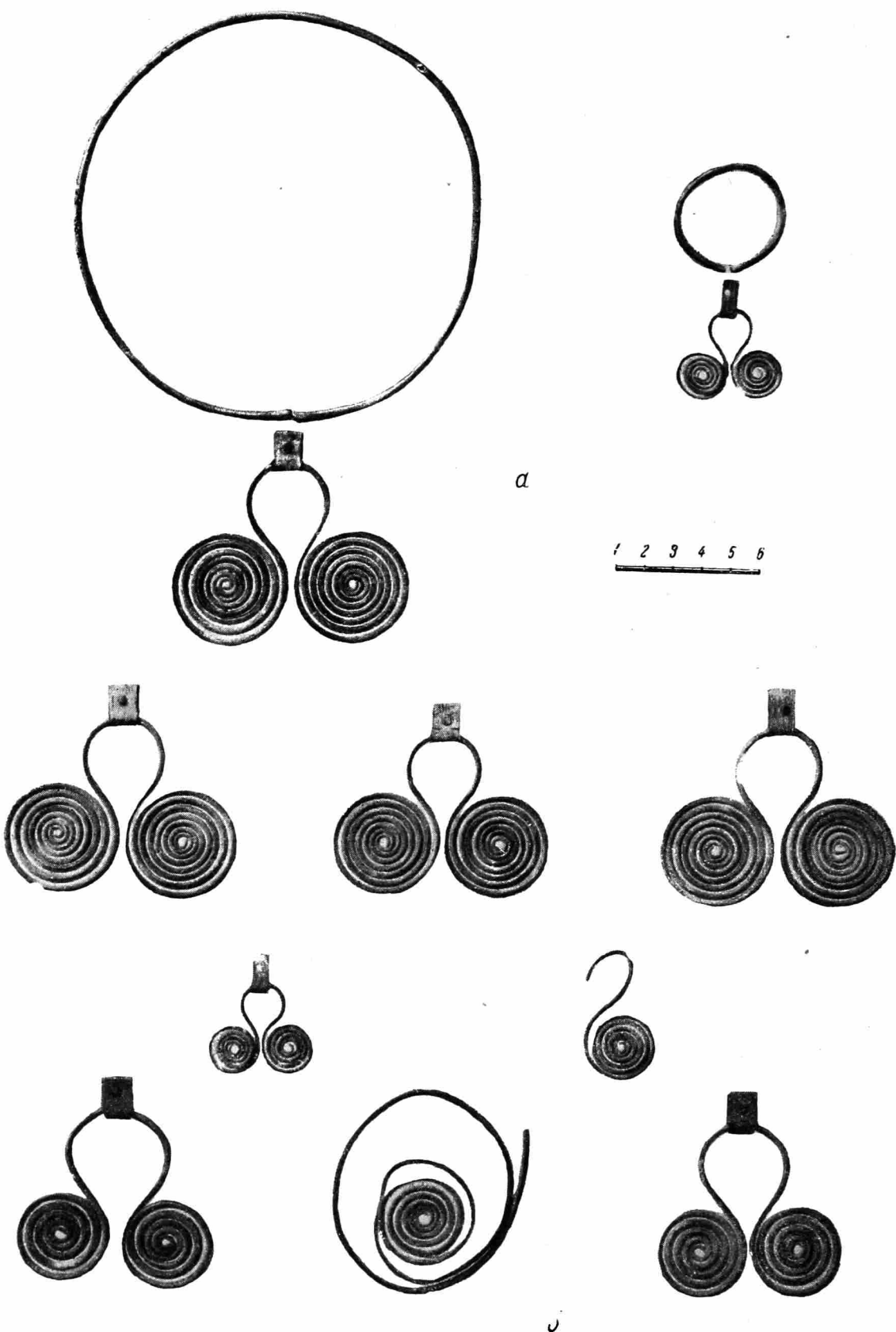

Рис. 31. Двухспиральные височные кольца.

Следы трения на проволочной дужке на двух кольцах совсем не заметны и еле видны на одном. Серебряные ушки потерты также крайне незначительно.

б) Два двуспиральных височных кольца того же типа, что и предыдущие. Отличия заключаются в большей толщине проволоки, меньшей длине всего проволочного куска (вместо 108 здесь 65 см) и меньшем количестве завитков.

Ушки сделаны из неорнаментированных полосок и заклепаны грубо медными гвоздями, длинные концы которых не расклепаны, а загнуты. Эти кольца значительно дольше были в употреблении, так как и ушки и про-

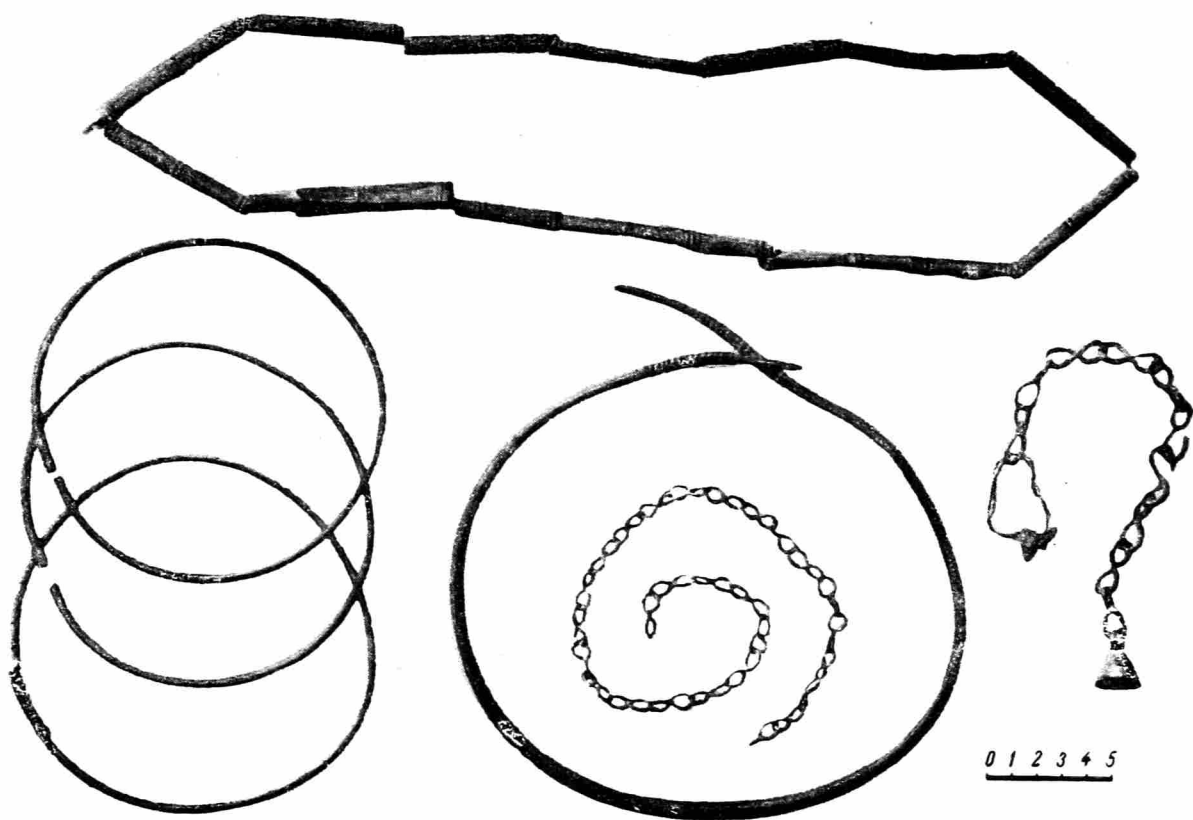

Рис. 32а. Гривна, височные кольца и цепочки.

волока сильно потерты в местах соприкосновения. Между собой оба кольца совершенно сходны и отличия их от предыдущих трех мало приметны.

в) Большой интерес представляет миниатюрное двуспиральное кольцо из тонкой проволоки, с ушком из орнаментированной полоски, скрепленной примитивнее, чем у больших колец. По своему весу оно в несколько раз легче больших двуспиральных колец. На проволочной дужке тем не менее есть следы протертости.

г) Половина двуспирального кольца со старым изломом и как будто бы приспособленная для самостоятельного ношения. Проволока тонкая, но несколько толще, чем у миниатюрного кольца, с которым данное кольцо, возможно, составляло пару.

д) Спиральное кольцо иного типа, чем все предыдущие. Оно представляло собою как бы комбинацию браслетообразного кольца со спиральным. Конец его, к сожалению, обломан (излом старый), но общий облик может быть восстановлен по аналогии с кольцами из других кладов. Украшения этого типа скручены из одной длинной проволоки так, что один конец образует большое кольцо, а другой конец скручивается плотной плоской спиралью, как на двуспиральных височных кольцах.

Проволока различна по своему поперечному сечению: в большом кольце — она круглая, а в завитках спирали ромбическая.

Гривна (рис. 32а). Бронзовая гривна, гладкая, с тонко прокованными концами, загнутыми в петли и обмотанными узкой бронзовой полоской. Диаметр гривны 20 см. Концы заходят друг за друга. Толщина стержня

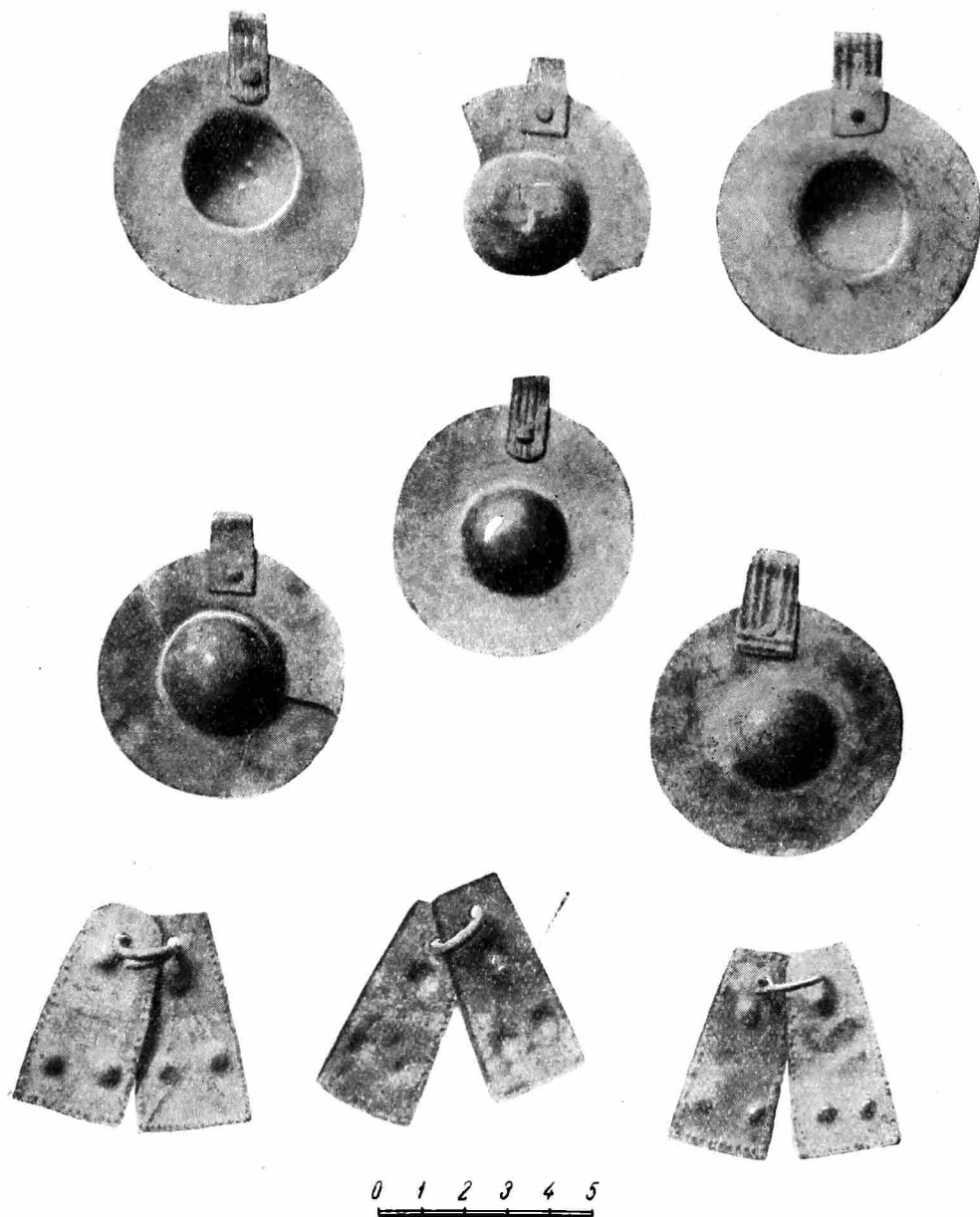

Рис. 326. Подвески.

в середине 7 мм, у концов — 4 мм. Один конец гривны отломан. Излом — старый, сильно патинированный.

Трубочки-пронизки (рис. 32а). 28 трубочек-пронизок, свернутых из бронзовых и серебряных листов без спайки шва. Длина трубочки — 6 см, диаметр 7 мм. По середине и по краям трубочки украшены тремя полосками из парных выпуклых линий.

Круглые подвески (рис. 326). Всего в кладе 12 бронзовых и серебряных подвесок. Все они однотипны: круг диаметром в 6 см с полушарной выпуклостью в середине и с пластинчатым приклепанным ушком.

Но так же, как и височные кольца, эти подвески подразделяются на отдельные группы:

а) Две серебряные подвески с ушками, украшенными продольными бороздками и очень близкими к ушкам двусторонним колечкам группы «а». Серебряная пластинка очень тонка.

б) Две подвески светлой бронзы очень плохой сохранности. Ушки потерты от ношения. Ушки сделаны из гладкой серебряной полосы без орнамента, что сближает их с височными кольцами группы «б».

в) Две подвески, вычеканенные из более толстой бронзовой пластинки с широкими ушками, украшенными выпуклыми продольными полосами и точками. Ушки потерты от ношения.

Трапециевидные подвески (рис. 326). Всего в кладе их 6 пар. Сделаны из тонкой бронзовой пластинки. Длина 5 см, стороны 2.5 и 1.7 см, украшены точечным выпуклым орнаментом. Бордюр из точек окаймляет пластинку, а кроме того на всех пластинках имеется по три больших выпуклины, иногда соединенных между собой точками. Пластинки собраны попарно и скреплены небольшими бронзовыми колечками с заходящими концами таким образом, что пластинки прилегают друг к другу тыльными сторонами.

Цепочки (рис. 32а). В виденной мною половине клада имеются три бронзовые цепочки. Все они составлены из звеньев в виде восьмерки, но петли восьмерки находятся в разных, взаимно перпендикулярных плоскостях. Одна цепь состоит из 10 звеньев общей длиной в 21 см. Проволока кованая, грубая. На одном конце проволоочная петля с остатками серебряной пластинки. На другом конце — колокольчик золотистой бронзы с многогранным ушком и тонко прочерченными орнаментальными поясками. Внутри колокольчика сохранилась петля для язычка.

Две другие цепочки тоньше этой и отличаются друг от друга размерами звеньев.

Бусы (рис. 32в). Четыре небольших бусины из красного янтаря неправильной многогранной формы. Янтарь по всей вероятности днепровского, а не балтийского происхождения.

Одна бусина четырехгранная, длиной в 1 см, из синего стекла, с широким отверстием. На каждой грани — овальная пастовая вставка красного цвета с желтым глазком, в середине которого небольшое синее пятнышко.

На бусине ясно заметен продольный шов — след сварки стеклянной полосы.

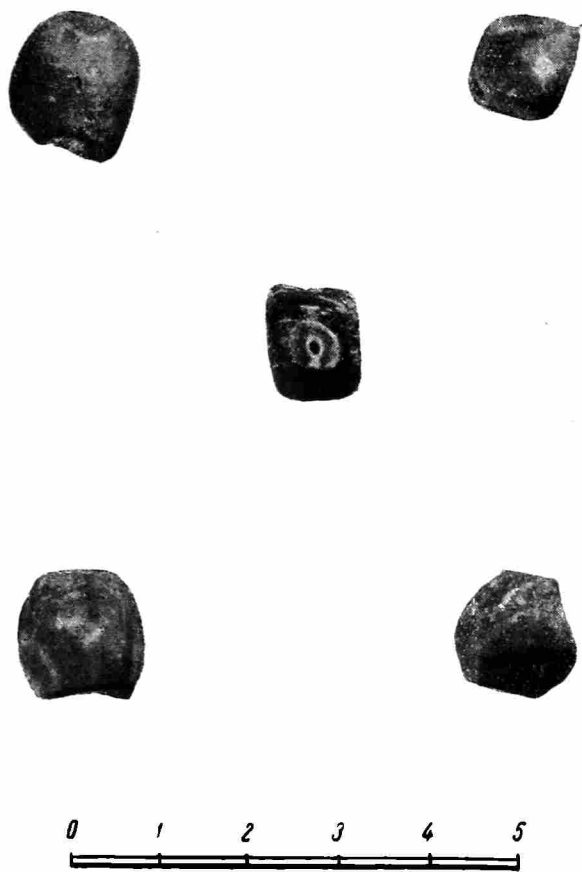

Рис. 32в. Бусы.

Поясной набор (рис. 33а). Серебряный поясной набор состоит из 12 наконечников боковых ремней, пяти бляшек и двух застежек.

Наконечники (длина 6 см, шир. 1.4 см) украшены очень скромно тремя небольшими дырочками, соединенными двумя линиями. Каждый наконечник представляет собой как бы лоточек со скошенными краями. На внутренней стороне заодно с наконечником отлиты по два шпенька для скрепления с ремнем. В одном наконечнике полностью сохранилась вся система скрепления и кусок ремня: ремень насаживался на шпеньки, сверху накладывалась тонкая и узкая бронзовая пластинка (шириной 6 мм) и головки шпеньков расклепывались, удерживая пластинку. Благодаря этим шпенькам мы по высоте их можем определить толщину ремня; она колебалась от 2 до 4 мм.

Поясные бляшки двух сортов: одни из них концевые (для толстого ремня) в виде геральдического щитка, другие прикреплялись в местах ответвления от основного ремня дополнительных ремешков; высота шпеньков в них различна: в одной части они невысоки, в другой значительно выше (там, где соприкасались два ремня). В первом случае — 3 мм, а во втором — 8 мм; у концевых бляшек толщина ремня 5—6 мм.

По изгибу дополнительных пластинок можно даже определить, что вишачий ремешок нашивался поверх основного.

Застежки состоят из геральдического щитка, узкой шейки и Т-образной перекладки из двух овалов, оси которых (находясь на одной прямой) перпендикулярны шейке.

Застежка всей своей площадью налегала на ремень; даже перекладка была подбита ремнем.

Меч. По словам находчиков, в составе клада был какой-то железный «кинжал», сильно разрушившийся. Эти обломки за непригодностью были выброшены. Кроме того, в кlade был большой тонкий медный лист, израсходованный находчиками на прокладки-контакты для трактора. По всей вероятности, это была оковка какого-то плоского предмета, может быть щита.

Таково содержание нового Суджанского клада.

Перейдем к рассмотрению трех важных вопросов:

1) назначение вещей, 2) их датировка и 3) определение общен исторического значения клада.

В кlade смешаны вещи более или менее одновременные, но принадлежавшие по крайней мере трем субъектам: мужчине, девочке и женщине (или двум женщинам). На вопрос — нет ли в кlade предметов конского убора — мы должны ответить отрицательно. Спиральные подвески так явно делятся по возрастному принципу, что их невозможно признать чем-либо иным, кроме женских украшений. Кроме того, в других местах они встречены в таких кладах, где нет иных вещей, кроме женских.

Несколько труднее определить назначение круглых блях; на первый взгляд они кажутся похожими на украшения сбруи, известные в Салтове и в Сибири, но способ скрепления и мелкая разделка тонких ушек убеждают в том, что это принадлежность женского убора, вероятнее всего подвески к ожерелью вроде позднейшего «мониста».

К мужским вещам относятся бляшки и застежки поясного набора. Вполне возможно, что поясные ремни и застежки служили портупеей меча, как это наблюдается в могильниках Причерноморья VI—VII вв.

Вещи девочки: одно миниатюрное двуспиральное кольцо, одно половинное такое же кольцо и маленькое браслетообразное кольцо. Цепочка ее — наиболее тонкая из всех трех.

Женские вещи явно неодновременны. Двойственность всех категорий, распадающихся на две группы (более новые и более поношенные), заставляет склониться к тому, что в кlade два женских гарнитура украше-

Рис. 33а. Поясной набор (лицевая (а) и оборотная (б) стороны).

тий. Наиболее полный набор вещей одной женщины можно определить следующим образом.

1. Шесть двуспиральных височных колец, подвешивавшихся, по всей вероятности, к головному убору по три с каждой стороны, как позднейшие спиральные кольца XI в. или семилопастные.

2. Четыре браслетообразных височных кольца.

3. Одна цепочка с колокольчиком. Могла быть подвешена к поясу или к головному убору (?).

4. Гривна.

5. Монисто из шести крупных блях и пронизок. Впрочем, пронизки могли украшать и головной убор.

6. Две фибулы, застегивавшиеся так, что лучи приходились вниз (см. Суук-Су).

7. Три пары трапециевидных подвесок, носившихся, по всей вероятности, на одной общей пластине, как мы это видим в кладе из с. Козиевка близ Богодухова.

Второй комплект женских украшений очень похож на только что перечисленный. Там недостает лишь фибулы, но вполне возможно, что в этих местах, в отличие от юга, носили плащи с одной застежкой, и тогда оба комплекта будут совершенно одинаковы.

Вещи девочки

1. Три или четыре миниатюрных спиральных височных кольца.

2. Два маленьких браслетообразных височных кольца.

3. Цепочки.

Мужские вещи. Поясной набор Суджанского клада принадлежит к числу общераспространенных вещей раннего средневековья. Подобные вещи очень хорошо иллюстрируют широкие связи и заметную однородность дружинной культуры в эпоху сложения племенных союзов и формирования многоплеменных армий.

Наибольший интерес в суджанском поясе представляют две Т-образные застежки, аналогии которым весьма многочисленны. Обычно они встречаются попарно. В некоторых могильниках VI—VII вв. они найдены рядом с железными мечами. Так, например, в Борисовском могильнике близ Геленджика в погребении № 30 подобные застежки найдены рядом с мечом — одна близ рукояти, а другая несколько ниже.¹

Вместе с мечом встречены застежки и в Агойском ауле. К сожалению, отчеты Д. Я. Самоквасова о раскопках не позволяют установить положение застежек при костяке, но и там они встречены вместе с мечами. Очевидно, основной функцией застежек было прикрепление к поясу ножен меча, но некоторые из них могли использоваться и для других целей — например для подвешивания колчана (в тех погребениях, где количество застежек больше двух). Единственный способ употребления застежек — это вдевание их в ременную петлю.

Мною сделана попытка реконструкции суджанского пояса и способа употребления Т-образных застежек.

Самое раннее русское изображение меча и способа его ношения есть на Збручском идоле X в. Там меч (или палаш) висит на двух ремнях. Точно так же на двух ремнях висит меч у воина на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей события начала X в.²

Постоянная парность Т-образных застежек и их совместная встречае-

¹ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, СПб., 1914, рис. 17. Автор датирует погребение VI в.

² Фотомеханич. воспроизв. Радзивилловской летописи. М., 1902, лист 18 оборот. В этой части летописи, где речь идет о событиях X в., много архаизмов, например штандарт в форме флажка с длинным языком, известный по болгарским изображениям IX в.

мость с мечами — все это позволяет считать их портупейными застежками, служившими для прикрепления меча к поясу. Наличие в составе клада железного «кинжала», к сожалению не сохраненного находчиками, вполне объясняет необходимость в портупейных застежках. То, что для данной области мечи не были новостью, доказывается находкой большого железного меча с вещами IV в. к северу от Суджи близ Орла. Дружинный характер кладов, подобных Суджанскому, явствует, например, из того, что клад в Колоскове близ Валук был положен в крепкий железный шлем.³

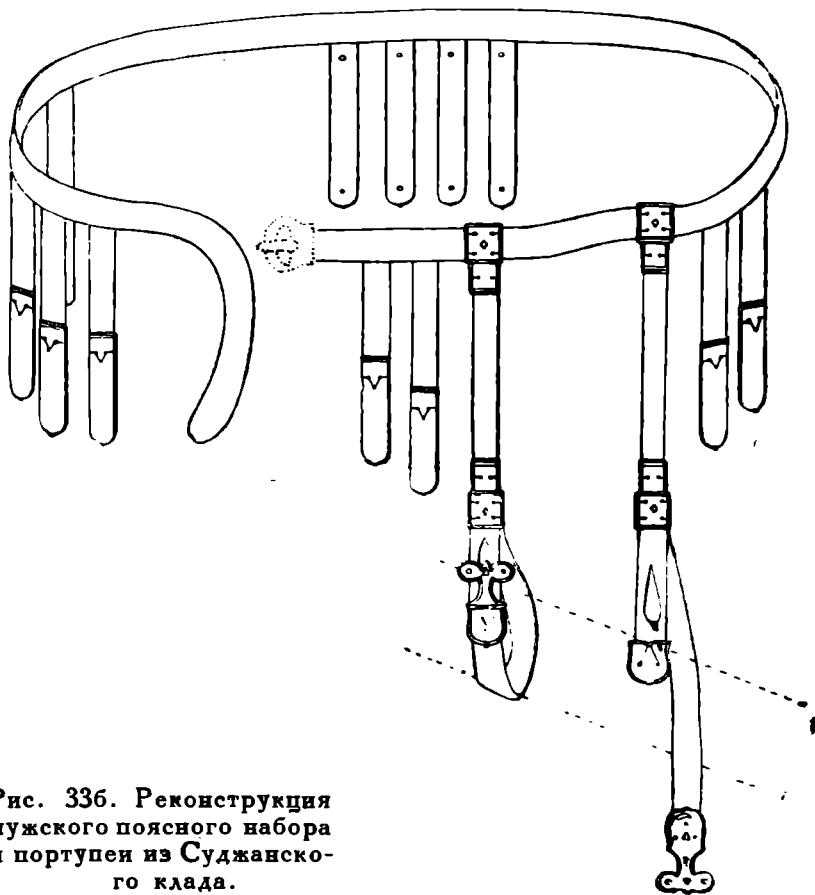

Рис. 336. Реконструкция мужского поясного набора и портупей из Суджанского клада.

Перехожу к датировке клада. Это вопрос несложный, так как аналогичные вещи встречены в Чми и Суук-Су с византийскими и сасанидскими монетами VI или VII в. Пальчатая фибула (рис. 33в) данного типа относится к VI в. Поясной набор можно датировать VI—VII вв.

Портупейные Т-образные застежки найдены в Чми с монетой Хосрова I (531—579 гг.).⁴

Весь клад в целом, несмотря на разную степень изношенности вещей, следует отнести к одному времени, к VI в., вероятнее всего, ко второй половине столетия.

* * *

Для определения этнической принадлежности клада мы должны опираться только на женские украшения, так как мужчины-дружинники этой

³ См. ОАК за 1895 г., стр. 55; ИАК, вып. 19, стр. 151.

⁴ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 180—182. В могильнике Суук-Су в Крыму подобные застежки впервые появляются с монетами более ранними — императора Аркадия (395—408 гг.), но те застежки типологически далеки от суджанских. См. ИАК, вып. 19, табл. V, рис. 10.

бурной эпохи носили одинаковые вещи. Совместные походы днепровских, северокавказских и окских дружин вырабатывали общность снаряжения и вооружения, очевидно, одновременно со складывавшейся общностью языка. Целый ряд мужских вещей V — VI вв. встречен на очень широкой территории Центральной и Восточной Европы. Значительно больше локальных особенностей в женских украшениях, которые всегда полнее и дольше сохраняют племенную обособленность.

Бронзовые пальчатые фибулы того типа, что встречен в Судже, широко распространены в лесостепной полосе от Киевщины до Дона. Отдельные экземпляры попадали в Крым и на Оку. Естественнее всего связывать область распространения этих фибул (как это и сделал в 1928 г. А. А. Спицын) с «многочисленными племенами антов».⁵

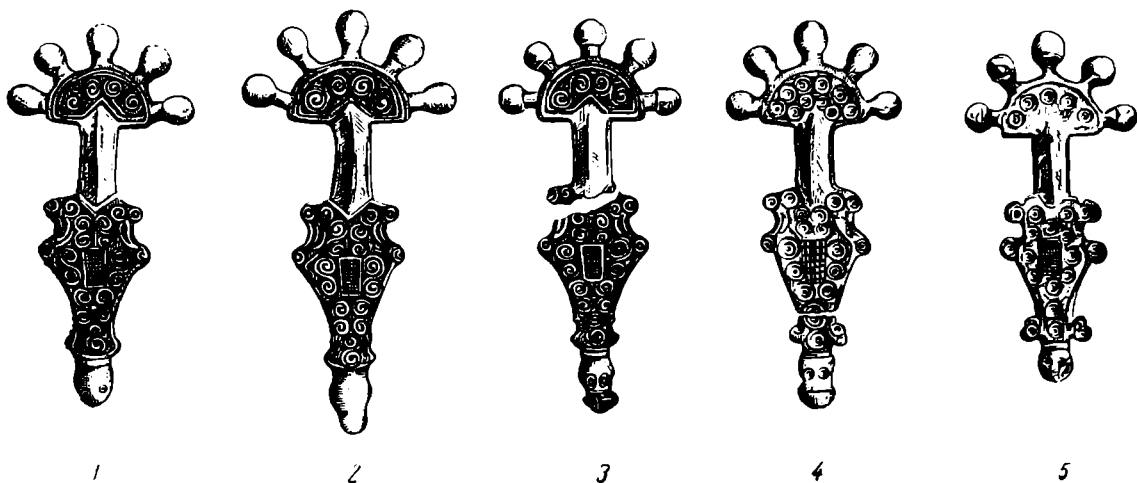

Рис. 33в. Бронзовые фибулы VI в.

1 — Мартыновка, на р. Роси; 2 — Подболотье, близ Муром; 3 — Суук-Су. в Крыму; 4 — Смородина; 5 — Суджа.

Впрочем, намечается и другое решение вопроса: не является ли эта «культура пальчатых фибул» с ее явными боспорскими элементами в мужском и женском инвентаре культурой «росомонов» (может быть потомков роксалан?), передвинувшихся в VI в. под давлением аварских орд на север в лесостепь? Где-то здесь, на запад от донских амазонок, Захарий Ритор помещает народ «рос», здесь, в лесостепи, складывается в дальнейшем знаменитый «русский каганат», западная граница которого, вероятно, находилась на р. Роси, притоке Днепра, а восточная, судя по персидским географическим сочинениям, доходила до Донца, а может быть и Дона.

В VI столетии, к которому относится клад, происходило слияние антиских племен с племенами русов, очевидно, взаимно близких друг другу по языку. Это слияние осуществлялось на всей лесостепной полосе от правобережья Днепра до средней Оки, где появляются пальчатые фибулы и южные поясные наборы.⁶

Вещи Суджанского клада можно подразделить на три категории: одни из них (поясной набор) принадлежат к широчайшему кругу вещей с размахом от Алтая до Венгрии, другие (фибулы) очерчивают область, зна-

⁵ А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.

⁶ Более подробному освещению этого сложного, но важного исторического вопроса я предполагаю посвятить специальное исследование, основанное на детальном разборе ряда кладов и погребений IV — VII вв.

При рассмотрении археологических материалов этой эпохи нельзя не затронуть салтовскую культуру. Кроме того, потребуют пересмотра многие письменные источники.

чительно менее обширную, совпадающую с антской лесостепью, и, наконец, третья категория вещей определяет район внутри области пальчатых фибул (височные кольца).

Наиболее полные аналогии суджанской фибулы можно указать в следующих кладах: 1—Мартыновка, на Роси, 2—Смородино, близ Грайворона, 3—Суук-Су и 4—погребение № 220 в Подболотье. Фибула Мартыновского клада наиболее ранняя из них — она относится к началу VI в. или даже к концу V в. Орнамент состоит из спиралей в виде латинского S. Около дужки на длинном щитке схематически изображены две птичьи головы с длинными клювами.

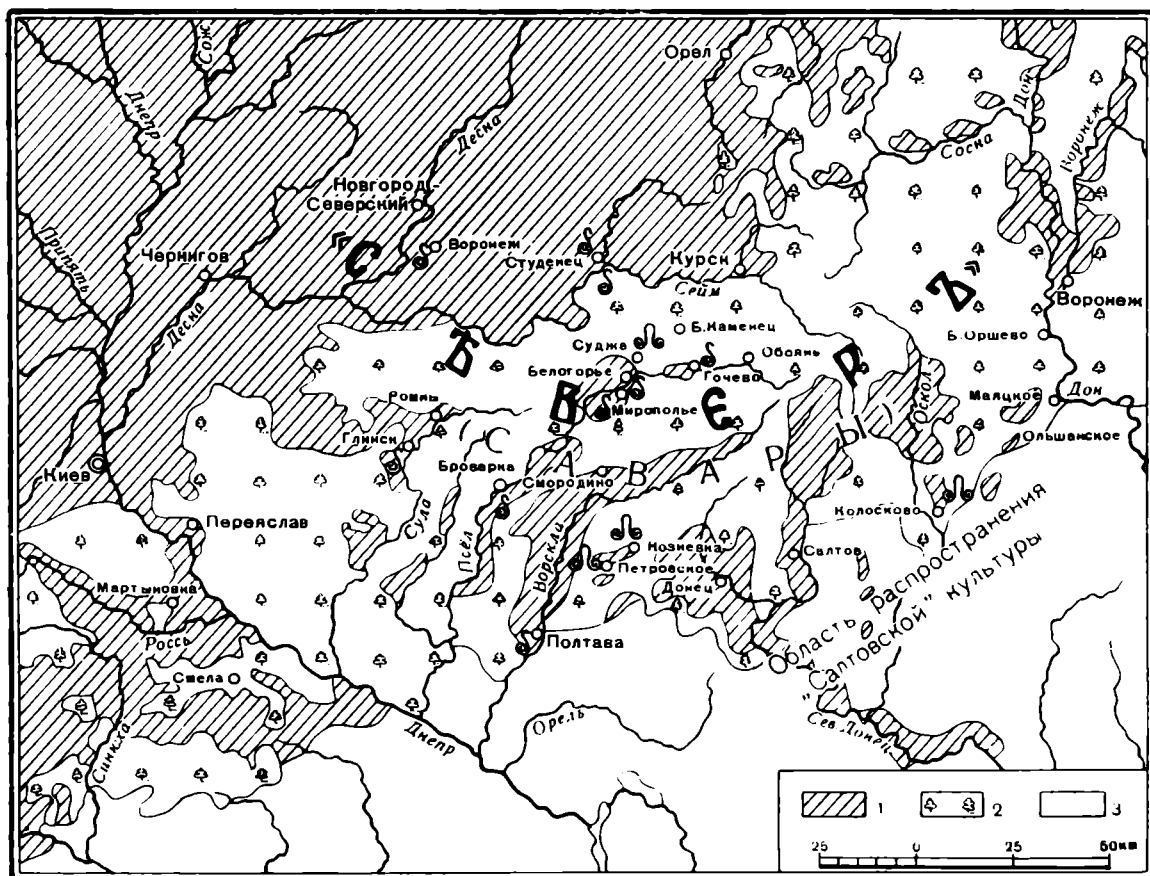

Рис. 33г. Карта распространения двуспиральных височных колец VI—VII вв. и северянских спиральных X—XII вв.

Условные обозначения: 1 — лес; 2 — лесостепь; 3 — степь.

Фибула из Смородина точно копирует мартыновскую. Находка в Смородине территориально наиболее близка к Судже. Суджанский мастер как бы копировал смородинскую или мартыновскую фибулу, но выполнил ее несколько грубее — он изобразил первоначально на восковой модели две птичьих головы на щитке, а затем, когда приступил к покрытию модели круговым орнаментом, имитировавшим спирали, он совершенно затер на воске первоначальный рисунок. Таким образом, суджанская пальчатая фибула представляется мне местным изделием, неумело воспроизводившим днепровский образец.

Наиболее важными для более точного определения племенной принадлежности мне представляются височные кольца — эти путеводители в области племенных границ. Для эпохи V—VII вв. на обширной территории от правобережья Днепра до Дона существовало несколько различных типов украшений женского головного убора: большие проволоочные височные

кольца со спиральными завитками внутри, проволочные кольца с завитком книзу, литые кольца с узорными звездами внизу, двуспиральные височные кольца суджанского типа. Они далеко не все одновременны, имеются типы, сменяющие друг друга, но сейчас нас интересует главным образом топография типов. Если мы нанесем на карту типы височных колец V—VII вв., то увидим, что они образуют две различные области. Одна из них — это бассейн р. Роси, где встречено наибольшее разнообразие типов украшений. Отдельные вещи поросских типов доходят на востоке до Харьковщины (хутор Зайцева близ Змиева), но здесь они представляют исключение.

Вторая область — верховья Северского Донца, Оскол и Сейм. Здесь встречены браслетообразные височные кольца без привесок и двуспиральные. Обе области разделены широким пустынным пространством левобережья Днепра, где очень мало находок интересующей нас эпохи. Пустыньность левого берега Днепра, возможно, объясняется солонцеватостью почвы.

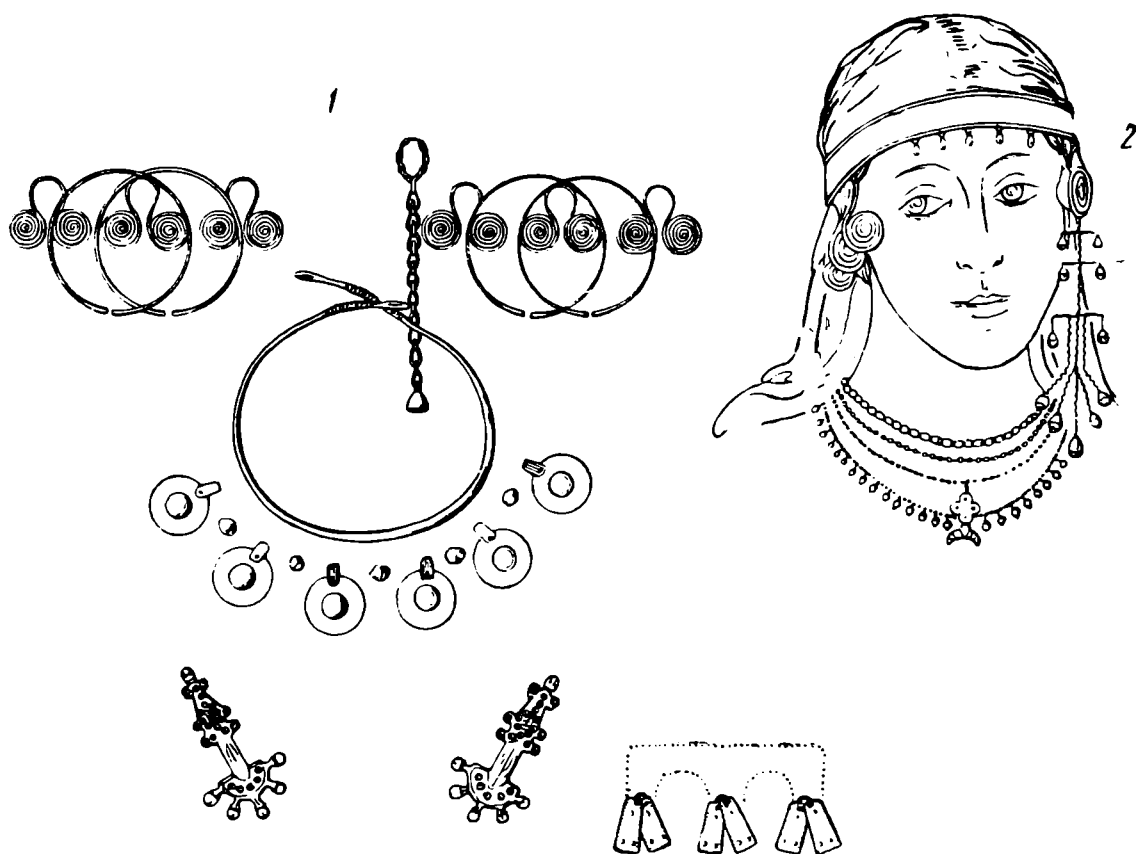

Рис. 33д. Набор женских украшений.

1 — VI в., из Суджанского клада; 2 — Северянский набор украшений XI в. (реконструкция В. В. Хвойко).

Женские украшения VI в. на восток от солончаковой полосы отличаются от тех, которые встречаются на правом берегу Днепра, в Поросье. Для восточной группы, стержнем которой является Северский Донец, двуспиральные височные кольца характерны. Они найдены в с. Козиевке близ Богодухова, в Петровском на Харьковщине и в Колоскове на р. Осколе близ Валук.

Географически эта группа близка к Салтовскому могильнику, но в этом могильнике подобных вещей нет.

Суджанский клад 1947 г. чрезвычайно важен для определения северных границ этой группы украшений. находка в Судже является самой се-

верной из известных в настоящее время находок двуспиральных височных колец. Территория этих височных колец представляет область, обособленную внутри антских древностей VI в.

В настоящее время эту область можно очертить так: верховья Оскола, верховья Северского Донца и верховья Псла. До сих пор были известны находки только южнее водораздела Днестра и Донца; теперь же в эту область мы должны включить и более северные районы по верхнему течению Псла. Случайный характер обнаруженных вещей позволяет надеяться, что новые находки в будущем уточнят наши представления об этом «Северско-Донецком» районе антской земли, который уже в V в. привлекал внимание дружинников (Обоянский клад, клад в Большом Каменце).⁷

Большой интерес представляет сопоставление вещей антской эпохи с позднейшими височными кольцами X—XII вв. Вокруг Суджи в X—XI вв. находилось несколько курганных групп со спиральными височными кольцами и с захоронением на горизонте (Белогорье, Мирополье, Гочево). Этот обряд погребения и этот тип височных колец мы можем сопоставлять со славянским племенем северян.⁸

Область распространения северянских курганов с погребением на горизонте и со спиральными височными кольцами очерчивает верхнее течение Псла, Сулы и течение Сейма.

Спиральные височные кольца носились женщинами по 3—4 с каждой стороны. В раскопках в Броварке (на р. Суле близ Гадяча) удалось довольно полно восстановить северянский головной убор: голова была украшена серебряным венчиком с подвесочками над лбом. У правого виска — три спиральных височных кольца, у левого — тоже спиральные кольца и длинная проволочная привеска — рясна с одиннадцатью бубенчиками.

В Гочевских курганах наряду со спиральными часто встречаются браслетообразные височные кольца. По внешнему виду, по своей функции спиральные кольца VI в. и спиральные кольца X—XII вв. чрезвычайно близки друг к другу.

Если же мы наложим друг на друга две карты с ареалами колец VI в. и XI в., то увидим, что оба ареала соприкасаются, а в районе Суджи, по данным новых находок, совпадают одни с другими.

Мне представляется закономерным сопоставлять обе разновременные группы и ставить позднейшие северянские кольца в генетическую связь с двуспиральными кольцами VI в. Если это так, то мы вправе считать, что локальная группа внутри антских древностей VI в., расположенная в верховьях Северского (Северянского) Донца и характеризующаяся двуспиральными височными кольцами, может быть также сопоставлена с северянами, птолемеевскими саварами или с областью Saugica, помещенной в Певтингеровской итинерарии на Дону.⁹

Интерес новых находок в Судже заключается в том, что они позволяют поставить вопрос о северянах VI в.¹⁰ Были ли северяне одним из антских племен «на север от Меотиды» или относились к южной группировке племен «рос», сказать трудно.

Судя по случайным находкам кладов, область племени северян, или правильнее «северы», охватывала в VI—VII вв. верховья Псла, Ворсклы, Северского Донца и Оскола, прилегая на всем своем протяжении к области салтовской культуры, но не смешиваясь с нею. Салтовцы и «се-

⁷ Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя. Л. 1936.

⁸ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. Сов. Этнография, вып. VI—VII, 1947.

⁹ А. Д. Удадьцов. Племена Европейской Сарматии. Сов. этнография, № 2, 1946.

¹⁰ Впрочем, правильнее говорить «север», а не северяне, так как летопись знает только первый термин.

вер» жили на самой границе лесостепи и степи. Салтовцы (алано-болгары) отходили от этой линии двух природных зон на юг, в степные просторы, а «северы» жили в лесостепи, преимущественно в лесных островках черноземной лесостепной полосы. Салтово находится в центре обеих областей. В мужских вещах северы и салтовцев мы можем найти много общего, но обряд погребения и женские вещи этих двух соприкасавшихся областей были различны, отмечая тем этническое различие.

Возможно, что политическим центром обеих областей был Салтов на Донце, в самом имени которого угадывается один из городов позднейших восточных географов — город Хурдаб на реке Дуна (вариант Рута) в земле славян, где живет князь «Свят-Малик», имеющий верховых коней, кольчуги и пьющий кобылье молоко.¹¹

¹¹ Разбор этого вопроса увел бы нас очень далеко от задач публикации клада, он «будет сделан впоследствии на значительно более широком фундаменте.

А. Ф. ДУБЫНИН

РАСКОПКИ МАЛЫШЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1947 г. Ивановским педагогическим институтом были продолжены археологические исследования Малышевского могильника Селивановского района Владимирской области. В экспедиции принимали участие студенты II курса исторического факультета в составе 14 человек,¹ а также научный сотрудник Ивановского областного музея Е. Н. Ерофеева.

Малышевский могильник обнаружен при строительстве в 1938 г. В том же году были произведены первые раскопки. Систематическое исследование этого памятника осуществлялось экспедициями Ивановского пединститута в течение 1940, 1945, 1946 гг. За первые четыре года раскопками вскрыто на территории Малышевского могильника 643 кв. м и обнаружено до 74 погребений, из них 10 конских.

В 1947 г. раскопано 348 кв. м и вновь открыто 35 погребений (№ 72—105), из которых одно оказалось конским (№ 98). Таким образом, за 5 лет археологических исследований Малышевского могильника вскрыто до 991 кв. м и обнаружено 109 погребений, из которых 11 конских (рис. 34).

Из 34 обнаруженных в 1947 г. погребений 32 были с одним захоронением, а в двух оказались остатки нескольких костяков, чего раньше в Малышеве не наблюдалось.

Так, в погребении № 85 возможно наличие 6 захоронений: от двух из них сохранились части расчлененных костяков, которые сопровождались вещами; в двух имелись только черепа, лежащие несколько в стороне, причем они были рядом друг с другом, и, наконец, от остальных двух погребений сохранились мелкие кости со следами пребывания в огне, вместе с углем, золой и вещами. Судя по находкам, здесь могли быть мужское и женское погребения, два детских и два взрослых, не определенных.

В погребении № 72 среди беспорядочно лежащих вещей, обычно сопровождающих мужское погребение, находились детские браслеты и перстень с остатками костей рук, а в стороне были сложены предметы женского обихода. В этом погребении могли быть мужское, женское и детское захоронения.

К группе так называемых «семейных» погребений, очевидно, принадлежат и погребения № 76, 77, 77а, 79, 82, которые находились на весьма близком расстоянии друг от друга и по найденным вещам принадлежат к одному времени.

¹ Н. Воронина, Л. Ефанова, Ф. Кашина, Л. Корнева, Ж. Короткова, Л. Курицына, Н. Меркулова, Н. Осокин, Л. Правдина, Б. Пузис, М. Рунова, Р. Рыбина, М. Тихонова, Л. Щенникова.

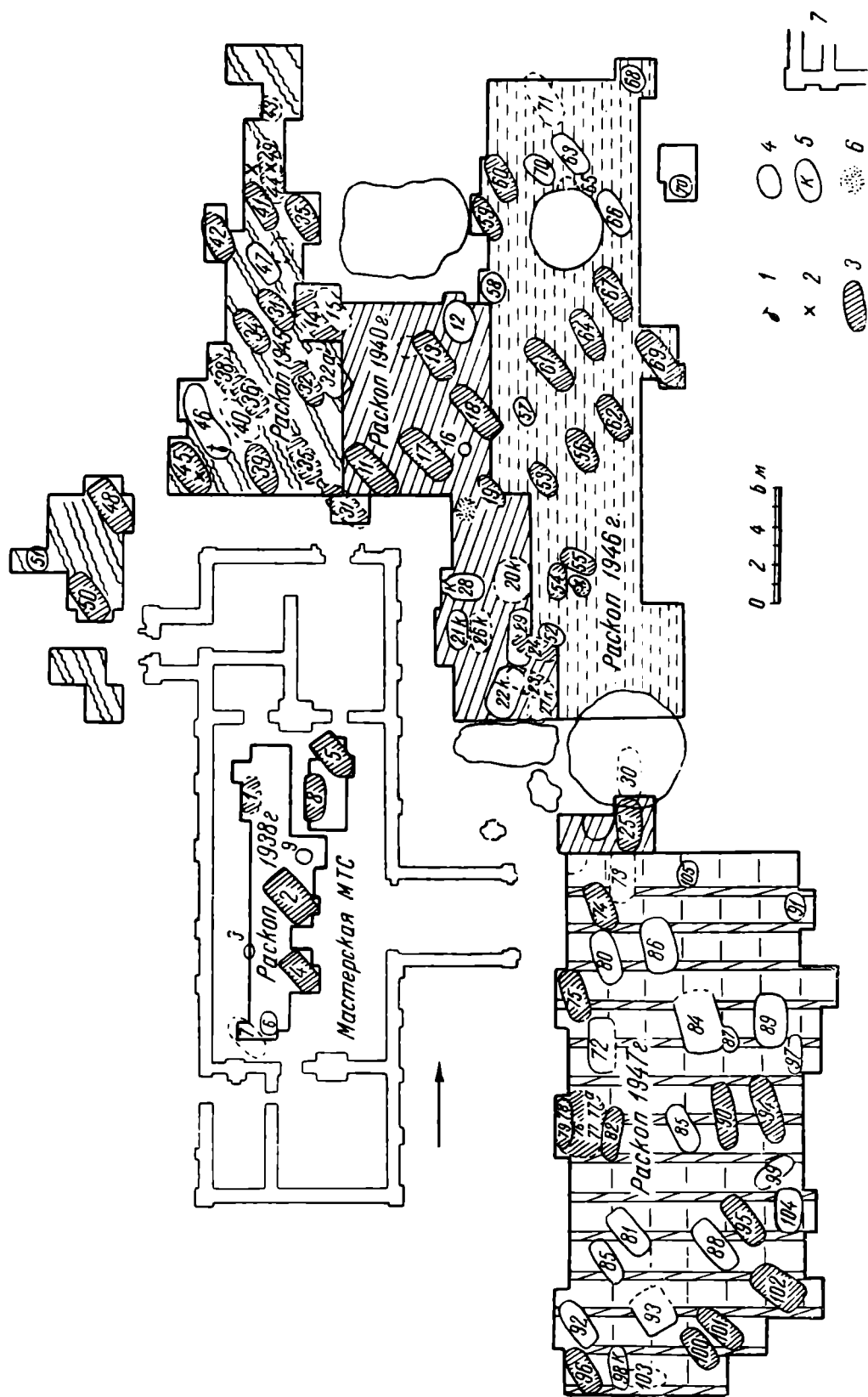

Рис. 34. Малышевский могильник. План раскопок.

1 — место находки фибул; 2 — место находки сетчатой керамики; 3 — труположение; 4 — погребение с конем; 5 — коздрще; 6 — кость; 7 — кость.

Погребения № 76, 77, 77а находились в центральной части могильной ямы. От погребения № 77 сохранились остатки костяка, сопровождавшиеся вещами, характерными для мужского трупоположения. Рядом, параллельно ему, обнаружено женское трупоположение № 76.

В ногах погребения № 77, у края могильной ямы, находился череп, поставленный теменной костью вверх, а лицевая часть обращена в направлении погребений № 76 и 77. На черепе была кольцевая застежка от головного убора, а со стороны нижней челюсти лежала нитка синих граненых бус, как бы опоясывавших шею (погр. № 77а). Положение этого черепа весьма сходно с расположением черепа в погребении № 52, обнаруженном в 1946 г.

К этим двум погребениям, № 76 и 77, примыкали: с западной стороны погребение № 79 (женское трупоположение), а с восточной стороны погребение № 82, по всей вероятности, мужское (?) трупоположение. Все четыре погребения были ориентированы головами на ЮЮЗ.

Несколько отличается от остальных и погребение № 78, где вещи расположены были как бы двумя комплексами: один состоял из мужских вещей, разложенных, как в трупоположении, в другой комплекс входили беспорядочно разбросанные женские украшения. Вещи находились вместе с жжеными костями, золой и углями, которые также найдены в двух скоплениях.

В остальных случаях обнаруженные погребения представляют собой трупоположения или трупосожжения.

По классификации погребений Малышевского могильника, разработанной мной на основе добытого материала за первые четыре года, вскрытые в 1947 г. погребения могут быть отнесены к первой, наиболее ранней стадии (А) и к третьей — поздней стадии (С).

К первой, самой ранней, стадии существования Малышевского могильника, стадии А, ранее было отнесено 7 погребений. Теперь к стадии А могут быть причислены еще 17 захоронений. Вновь обнаруженные погребения стадии А большей частью представляют собой обычные трупоположения (8). В пяти случаях имелись следы расчлененного костяка, в одном случае — трупосожжение с вещами, разложенными как при трупоположении, и в трех случаях имелись следы детских трупосожжений. Ориентировка погребений различна, что для этой стадии характерно: на ЮЮЗ — 6, на ВСВ — 1, на ССЗ — 2. Погребения этой стадии не отличаются большим количеством находок. Мужские погребения обычно сопровождаются железными топорами — кельтами, иногда очень незначительных размеров, втульчатыми наконечниками копий удлиненно-ромбической формы, черешковыми наконечниками стрел ромбической формы, ножами, иногда с несколько выгнутой, горбатой спинкой, огнивами в виде треугольной пластинки с петлей и в виде пластинки с загнутым в рукоятку концом, круглыми пряжками с длинным хоботковидным язычком и т. д.

Женские погребения стадии А резко отличаются от более поздних. Здесь имеются части от головных венцов из спиралек и прорезных бляшек в виде колец. Височных колец по 1—2 с каждой стороны, причем преобладают браслетообразные массивные без замка, реже с замком, у которого щиток правильной круглой формы. На черепе находилась бронзовая или железная кольцевая застежка, очевидно, прикреплявшаяся к головному ремню, к которому и подвешивались височные кольца.

Перечислим другие предметы: гривна пластинчатая с замком из белого сплава. Бусы из красной пасты, мелкие, и синие крупные граненые. Нагрудная бляха с колокольчатыми подвесками, кольцевые застежки с трубчатыми перекладами на концах и иногда с насечкой по кольцу. Браслеты проволочные с расплюснутыми концами и насечкой, с концами, расплюснутыми в лопаточку или обрубленными и с орнаментом в елочку,

а также пластинчатые с расширяющимися концами. Перстни спиральные, широкие пластинчатые и массивные типа обручальных. Бронзовые и железные пряжки с обоймами близки к пряжкам так называемого «готского типа» и т. д.

Браслеты и перстни носили и мужчины (погр. № 77). Описанные предметы из погребений стадии А, как и находки из ранее обнаруженных погребений той же стадии, довольно близки к вещам из рязанских могильников и подтверждают возможность датировать погребения стадии А VI—VII вв. н. э.

На стадии А внешний облик женского убора еще довольно близок к убору из поздних погребений рязанских и некоторых других того же времени могильников. Здесь еще нет в полной мере выраженных племенных особенностей, характерных только для племени «мурома», что можно наблюдать в более поздних стадиях. Ту же картину мы имеем и в погребениях Подболотьевского могильника.

Инвентарь остальных погребений резко отличается от описанного. Эти погребения составляют третью стадию С, при этом при детальном их изучении они также могут быть подразделены на три группы (С₁ С₂, С₃)

К первой группе — стадии С₁ — относится одно, ко второй группе — С₂ — восемнадцать и к третьей группе — С₃ — три погребения.

Погребение № 95, относящееся к стадии С₁, является одним из самых богатых, характерных для племени мурома погребений.

Головной убор состоял из двух головных жгутов, налобного ремня, узкого венчика из спиралек, причем у висков он имел шумящие подвески. Височные кольца с замком по 4—5 с каждой стороны. Вместе с кольцами находилось по одной височной подвеске в виде лунницы. Лунничные подвески в Малышеве найдены в этом году впервые. Шейным украшением являлась гривна с граненой шляпкой на конце. Грудь украшалась большой пластинчатой бляхой с крышкой. С правой стороны имелся широкий боковой ремень с наконечником, у которого, повидимому, еще были подвешены на ремешках шумящие привески. На руке имелся спиральный перстень. В ногах сохранились украшения от обуви. У пояса с левой стороны находился железный нож в кожаных ножнах с бронзовыми обоймами, причем один край ножен скреплен железным стержнем с боковым пазом, что определяет назначение этого предмета, до сих пор оставшееся неясным.

Из 18 погребений, относящихся к стадии С₂, мужских 9, женских 8 и не определенных 1 (детское).

По обряду захоронения здесь господствуют трупосожжения — их 13, группоположений только 2 и не определенных — 5. Значительный процент, сожжений в позднюю стадию существования Малышевского могильника отмечался и раньше.

Мужские погребения стадии С₂ содержали железные проушные топоры с удлинненным лезвием, наконечники копий ромбовидной и пламевидной формы, наконечники стрел удлинненно-ромбической формы, причем в этом году впервые встречен двурогий тип стрелы, крупные прямые ножи, огнива с ручкой, пешни с круглой втулкой, а также поясные наборы из железных обоймиц с кольцами или из бронзовых орнаментированных бляшек, кожаные кошельки с бронзовой оправой, железная заколка, часть от весов, медные котлы и т. д.

В 1947 г. впервые был найден (погр. № 72) железный серп небольшого размера с маленькой изогнутой рукояткой. В погребении № 84, кроме обычно встречающихся в мужских погребениях предметов, находились: шумящая подвеска в виде конька с лунницей, которые вместе подвешивались на цепочке, и украшение от головного убора, состоящего из бубенчи-

ков, расположенных по кругу и в центре. Повидимому, бубенчики были нашиты на ткань, покрывавшую голову.

Женские погребения той же стадии C_2 не имели пышных головных уборов, как на стадии C_1 . Височные кольца большего диаметра, а щиток замка становится меньше. Встречаются и простые кольца перстнеобразного типа, чего нет на стадии C_1 . Здесь также встречаются лунничные височные подвески, но без орнамента, стеклянные бусы синего, голубого, желтого цветов, с глазками и посеребренные, а также различного рода подвески от ожерелья и гривны со шляпкой на конце. На поверхность костюма нашивались целые гирлянды трапециевидных медных подвесок, а также конические и разного рода шумящие привески и колокольчики. Шумящими привесками и бляхами украшалась и обувь. Браслеты спиральные, пластинчатые простые, иногда с кружковым орнаментом, перстни чаще щитковые с усиками.

Среди украшений женского костюма, сложенных в кучу в погребении № 72, находилась серебряная чаша с штампованным кружковым орнаментом внутри. Подобная чаша найдена в Малышеве впервые. В четырех женских (из них одно детское) погребениях (№№ 93, 86, 100, 72) находились глиняные льячки и формочки для литья. Эти вещи в мужских погребениях отсутствовали. В погребении № 100 найдено шиферное пряслице.

В 6 погребениях стадии C_2 (№ 93, 80, 78, 100, 86, 72) найдены арабские дирхемы, повидимому, X в.²

К последней стадии C_3 относятся три погребения, все мужские. Они отличаются присутствием железных проушных топоров курганного типа с выемкой у основания, огнивы в виде калачика, браслетов и щитковых перстней с завязанными концами и т. д.

В головах погребения № 96 находился проушный топор, в отверстие которого были вложены перо копья и одно острое двурогой остроги. Двурогая втульчатая острога найдена здесь также впервые.

Все погребения стадии C имеют устойчивую ориентировку на ССЗ. Если в первые четыре года было около 11 погребений, которые могли быть отнесены к стадии C_2 и только 2 погребения, относящиеся к стадии C_3 , то в результате раскопок 1947 г. характеристика этих 2 стадий значительно пополнилась новыми материалами. Это дает больше оснований как для датировки стадии C в целом второй половиной IX — первой половиной XI вв., так и для определения времени ее подгрупп. Стадию C_1 следует датировать второй половиной IX — первой половиной X вв., C_2 — второй половиной X в. — самым началом XI в., а стадию C_3 — первой половиной XI в.

То положение, что в 1947 г. были обнаружены только погребения стадий А и С, а погребения промежуточной стадии В отсутствовали, вполне закономерно.

Вначале эта часть территории могильника была использована для погребений стадии А, что и предполагалось при закладке раскопа 1947 г. Пока погребения стадии А оставались заметными и о них сохранялась память, здесь не хоронили, и только позднее, когда память стала сглаживаться, делаются первые попытки вновь использовать эту часть могильника на стадии C_1 , и полностью она используется на стадии C_2 и стадии C_3 , причем иногда погребения этого времени разрушают ранние погребения стадии А. Таким образом, погребения стадии В, как более близкой по времени к стадии А, не могли быть здесь в силу еще существовавшей памяти о погребенных родственниках. Следует также отметить, что погребения стадии А располагаются на площади могильника

² Монеты еще не определены.

гнездами, на некотором расстоянии друг от друга, а не подряд, как на следующих стадиях.

Таким образом, в результате проведенных в 1947 г. раскопок Малышевского могильника получен новый материал для характеристики хозяйства, социального строя, быта и культуры исчезнувшего летописного племени мурома. Раскопки 1947 г. значительно восполняют пробелы, имевшиеся в хронологической классификации материала Малышевского могильника, особенно по поздним стадиям C_2 и C_3 , выделение которых вызывало еще сомнение. Пополнилась вещественными памятниками и характеристика стадии А. Открытие в этом году погребений более ранней и более поздней стадий дает еще больше оснований для определения ранее высказанных крайних дат существования данного памятника. Богатство материалов Малышевского могильника и широкая возможность для различного рода наблюдений ставят этот археологический памятник в число первоклассных источников для изучения проблем этногенеза населения Волго-Окского междуречья.

Е. И. ГОРЮНОВА

МУРОМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(Раскопки Тумовского селища)

Археологические работы в районе г. Муром, начатые в 1946 г. и рассчитанные на ряд последующих лет, ставят своей задачей изучение истории города Муром и его населения в плане выяснения процесса колонизации Муромского района и позднего этногенеза, приведшего к исчезновению упоминаемого в летописи племени мурома и образованию великорусской народности. Проведенная в 1946 г. рекогносцировка позволила наметить ориентировочный план дальнейших работ.¹ В плане работ 1947 г. и последующих лет намечено изучение древнейших муромских поселений, а также и славянских, совершенно не затронутых археологическими исследованиями.

Одним из намеченных объектов является Тумовское (муромское) селище, расположенное в 7 км к юго-западу от г. Муром, близ дер. Тумовка. Селище расположено на высоком надпойменном плато левого берега р. Илемны, примерно в 1 км к югу от деревни. В прошлом поселок был расположен среди густого леса, остатки которого уничтожены в последние десятилетия. На противоположном берегу реки находился древнерусский поселок (Коржавинское селище), а примерно в 0.25 км к югу расположен курганный могильник со славянскими погребениями XI в., который был также подвергнут раскопкам в 1947 г.

Выясненные на месте обстоятельства заставили несколько изменить намеченный план раскопок селища. Основная его территория оказалась засеянной. Пришлось ограничиться вскрытием сравнительно небольшой площади (405 кв. м) на его южной окраине, где под раздернованным пахотным слоем удалось обнаружить признаки культурного слоя.

Небольшие по объему раскопки дали, однако, интересные результаты. Было раскрыто два жилища и одна ремесленная кузнечно-литейная мастерская. Жилые дома, расположенные в 6 м друг от друга, представляли собою наземные постройки, возможно, срубного типа (стены отсутствовали), площадью около 18 кв. м, с двумя подпольными ямами. Вход обращен в обоих случаях на северо-запад. Жилище № 1 имело перед входом крытое крыльцо, поддерживаемое тремя парами врытых в землю столбов. Полы были вымощены досками. В правом, дальнем от входа, углу помещалась глинобитная печь, найденная в завале подпольной ямы в виде груды обломков печной обмазки (рис. 35).

Завалы подпольных ям в обоих жилищах дали наибольшее количество находок, тогда как промежуточные участки культурного слоя оказались

¹ См. статью Н. Н. Воронина, Муромская экспедиция, КС ИИМК, XXI, М.—Л., 1947.

почти стерильными. Следует отметить почти полное отсутствие костей животных и других кухонных отходов, так характерных для культурных слоев селищ. На всей площади раскопа, в основном в подпольных ямах жилищ и в мастерской, найдено: 5 костей лося, 10 зубов свиньи и 2 обломка коровьих челюстей.

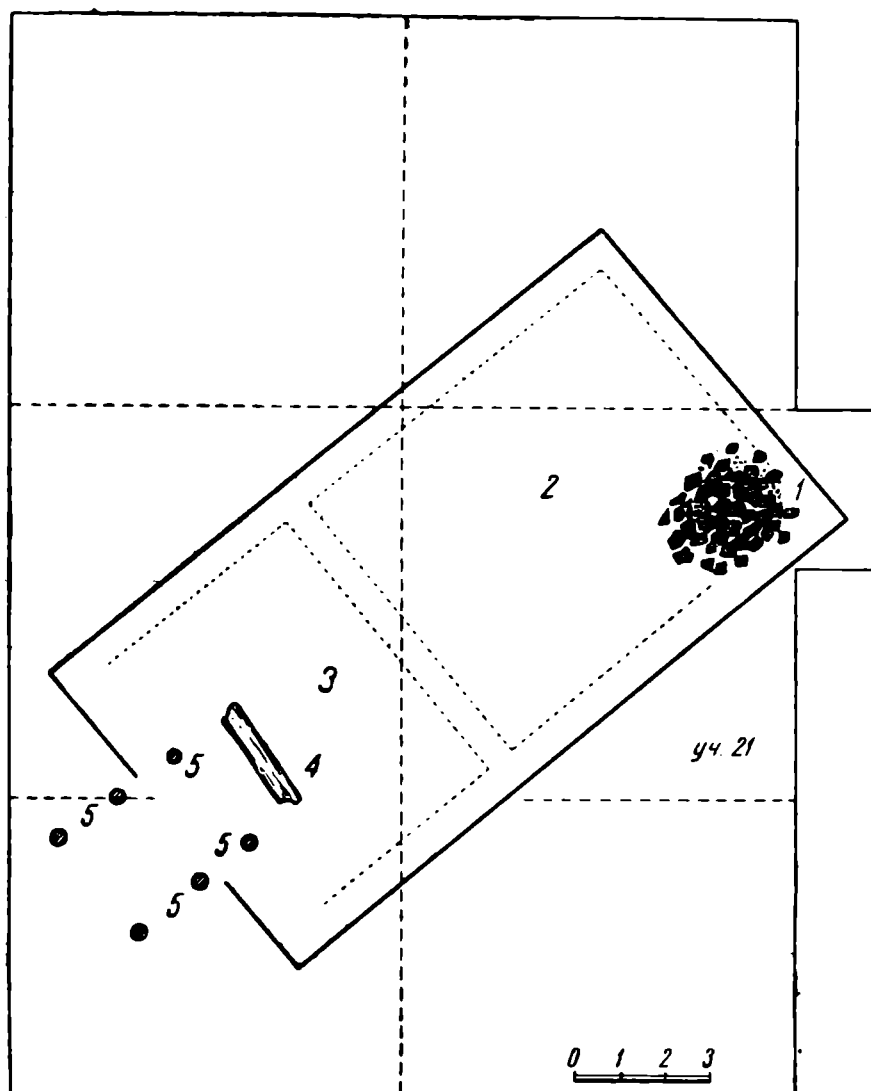

Рис. 35. Схематический план жилища № 1. Тумовское селище.
1 — развал глинобитной печи; 2 — подпольная яма; 3 — то же; 4 — кусок дерева от настила; 5 — следы ям от столбов (крыльцо).

В засыпке подпольной ямы жилища № 1 обращают на себя внимание многочисленные обломки своеобразных массивных глиняных колец, или «баранок», 14—16 см в диаметре, с отверстием посредине, шириной до 3—4 см, сечение — 5×6 см (рис. 36, 1). Одна, по видимому нижняя, сторона их уплощена. Кольца эти вылеплены от руки, довольно небрежно, из серой иловатой глины, в которой отчетливо заметна примесь птичьих перьев. Обожжены они слабо, поверхностно. Назначение их не известно.

Из бытовых предметов главное место среди находок занимает керамика, представленная четырьмя типами. Первый, наиболее характерный для Тумовского селища тип, составляющий 70% всего количества находок, представлен посудой местной выработки. Это горшки ручной лепки, преимущественно среднего размера, почти баночной формы, со слегка выпуклыми стенками, чуть перехваченным горлом и прямым или отогнутым

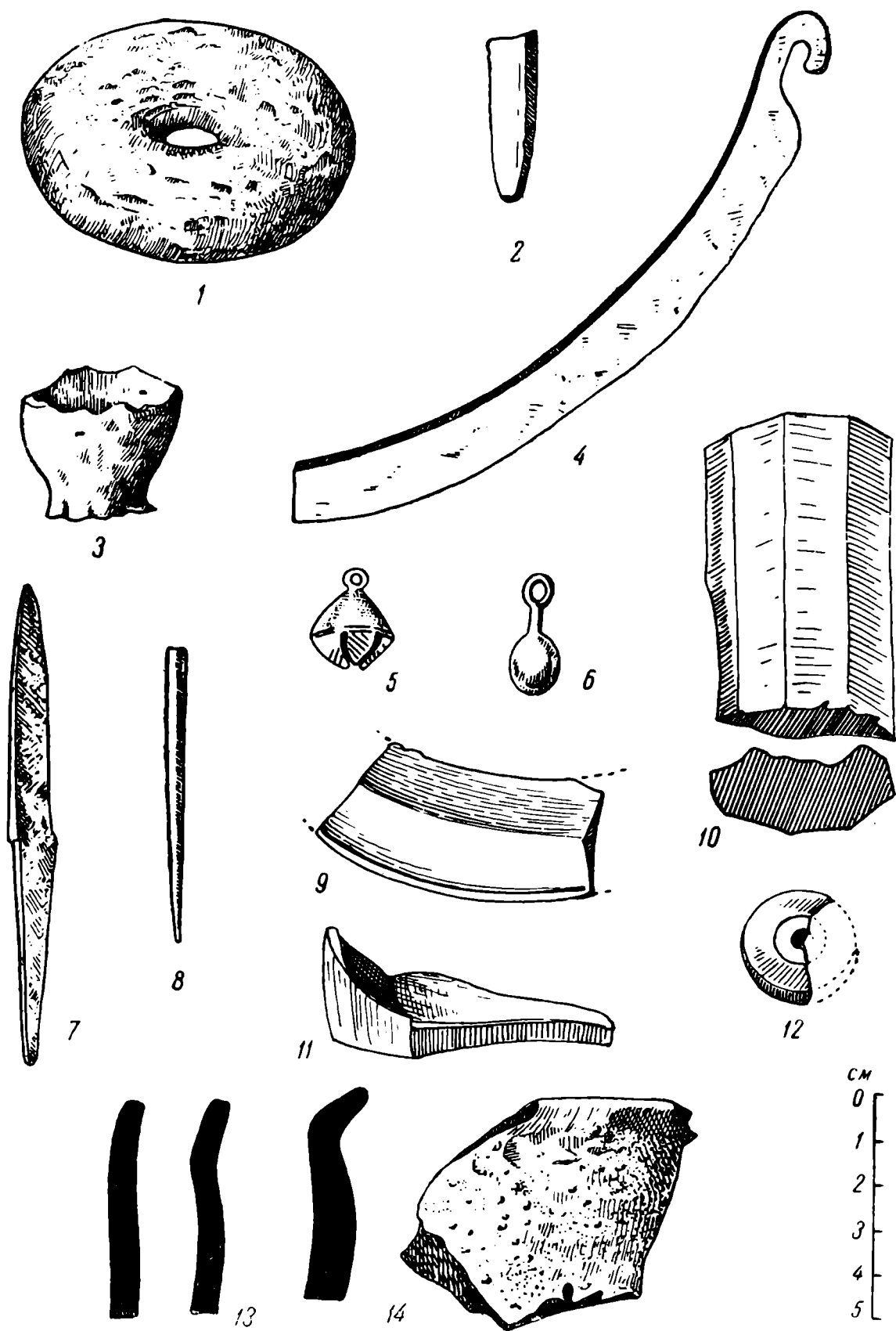

Рис. 36. Тумовское селище. Бытовые предметы:

1 — глиняное кольцо (реконструкция) $\frac{1}{2}$ н. в. (жилище № 1); 2 — обломок медного бруска (мастерская); 3 — горшочек-игрушка; 4 — скобель железный; 5 — 6 — медные бубенчики; 7 — железный нож (жилище № 1); 8 — железное шило; 9 — обломок косы; 10 — обломок верхней половинки глиняной литейной формы (мастерская); 11 — обломок глиняной сковороды; 12 — обломок пряслица (жилище № 1); 13 — профили лепных сосудов; 14 — фрагмент лепного (муромского) сосуда.

венчиком, без орнамента (рис. 36, 13, 14). Исключение составляют четыре фрагмента с процарапанным по сырой глине волнистым и линейным орнаментом, явно подражающим славянскому. Глина с обильной примесью толченого кварцита, выступающего в виде крупных зерен и придающего стенкам сосудов характерную «шагреновую» поверхность. Днища массивные, с карнизиками.

Второй тип (16% общего числа находок, 75 фрагментов) заметно отличается от первого как по размерам и форме, так и по составу теста и обжигу. Посуда этого типа разнообразнее по размерам и форме: от крупных корчаг до маленьких изящных горшочков, сформованных на гончар-

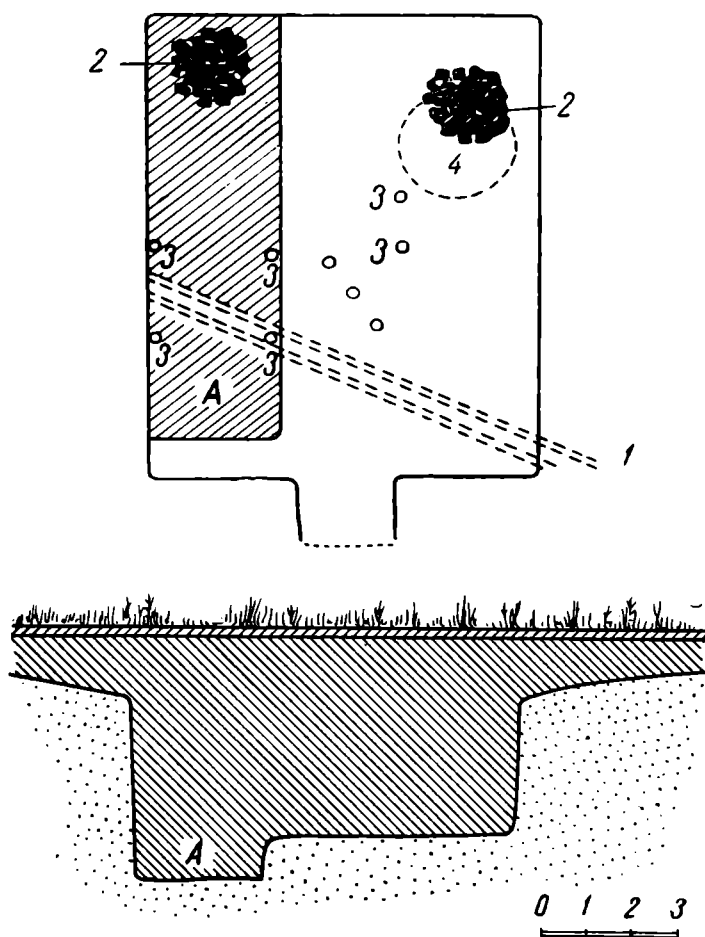

Рис. 37. Схематический план и разрез землянки-мастерской. Тумовское селище.

1 — следы от кровли; 2 — раввалы глинобитных печей; 3 — следы ямок столбов; 4 — место находок полуфабрикатов бронзовых изделий.

ном круге. Сосуды отличаются плотностью, слабой водопоглощаемостью, хорошим обжигом красного цвета. Благодаря отсутствию в глине примесей стенки гладкие, иногда слегка подлощенные.

Третий тип представлен всего 46 фрагментами (10% общего числа находок) крупных сосудов, изготовленных на гончарном круге. Вследствие сильного восстановительного обжига все они имеют серебристо-серый, иногда почти черный цвет. Поверхность лощеная. Керамика второго и третьего типов близка болгарской, датируется X—XII вв. и является здесь привозной.

Наконец, четвертый тип, составляющий незначительный процент (2) общего числа керамики, представлен несколькими фрагментами славянской посуды.

Кроме керамики, в заполнении подпольных ям найдены: обломки глиняных пряслиц, 2 небольших железных ножичка, куски железных шлаков и криц, маленький шаровидный бронзовый бубенчик, железное шило, обломок железной косы, точильные бруски и обломки других предметов, неопределенного назначения (рис. 36).

В 7 м к востоку от второго жилища была обнаружена полуземлянка, площадью 3×3.5 м, глубиной — 0.9 м. Вход находился в северо-западной стороне, образуя полуметровый выступ с покатым внутрь помещения полом. Левая треть площади пола была углублена на 30 см. Это углубление, тянувшееся вдоль всей левой стены, имело вид прямоугольной ямы, в заднем конце которой находилась глинобитная печь. Под ее развалом, в слое золы и угля, было найдено большое количество обломков ошлакованных тиглей, скопление мелких обломков железных предметов (железной окалины), куски железных шлаков и криц. Вторая глинобитная печь помещалась у правой стены, почти в углу землянки. Среди обломков печной обмазки, угля и золы здесь было найдено несколько обломков тиглей (на некоторых слой ошлаченной меди или бронзы), обломок литейной формы, обрывки медных проволок и четырехгранных прутьев, куски медных проволочных спиралей, обломки пластинчатых нагрудных блях — характерного украшения муромских женщин в IX—XI вв. На полу, почти в центре землянки, были найдены куски негашеной извести, хранившейся, повидимому, в глиняном сосуде, обломки которого лежали поблизости. Вблизи очагов были обнаружены следы нескольких пар вбитых в земляной пол столбов, служивших, очевидно, опорой для скамей, или полатей, на которых производились работы.

Землянка служила литейной и кузнечной мастерской (рис. 37), где производилась не только грубая кузнечная, но и ювелирная работа по изготовлению тех разнообразных бронзовых украшений, которые в изобилии встречаются в женских погребениях муромских могильников. Следовательно, эти изделия, которые обычно считались продукцией городских ремесленников, изготовлялись на месте деревенскими мастерами-ювелирами. Кузнечное и литейное дело не обособились еще в самостоятельные отрасли производства. Ювелирное мастерство продолжало оставаться домашним ремеслом, притом преимущественно женским.

Большое количество железных шлаков и криц, найденных как в слое, так и на поверхности при обследовании селища, свидетельствует о довольно крупных масштабах железноплавильного дела.

Дату селища в целом, на основании сравнительно небольшого полученного в результате раскопок материала, определить трудно. Находки в слое болгарской керамики X—XI вв. позволяют отнести исследованный комплекс примерно к концу X—началу XI столетий, когда поселок, повидимому, запустел, покинутый жителями. Эта гипотеза как будто подтверждается появлением в ближайшем соседстве с муромским поселком славянского курганного могильника, который может быть датирован XI в.

П. И. ЗАСУРЦЕВ

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В МОЛДАВИИ

По данным этнографического введения Повести временных лет территория Молдавии была издавна заселена славянскими племенами. «Улучи, тиверцы сидяху по Днестру, приседяху к Дунаеви, бе множество их, суть грады их и до сего дня». ¹ Однако до последнего времени здесь не было известно ни одного славянского памятника. Поиски их были поручены отряду Молдавской археологической экспедиции (1947 г.).

Разведки велись в Резинском и Рыбницком районах, по среднему течению Днестра, где сотрудником Института истории, языка и литературы Молдавской базы АН СССР Г. Д. Смирновым в 1946 г. было открыто несколько памятников и в том числе славянское городище в 1.5 км от села Екимауцы Резинского района. ² Екимауцкое городище расположено на южном покатом склоне широкой лощины безымянного пересохшего ручья. На самом городище и около него и теперь существует несколько колодцев. Несмотря на наличие невдалеке от городища мест, обладающих прекрасной естественной защитой и готовыми укреплениями древнейшей поры (например скифское городище у с. Сахарна в 6 км от Екимауц, или скифское городище у с. Городешты в 8 км и др.), Екимауцкое городище расположено в довольно открытой местности. Очевидно, выбор места поселения определялся не удобствами обороны, а хозяйственными соображениями и в первую очередь близостью воды.

Городище расположено на месте обширного трипольского поселения, материалы которого в большом количестве встречаются в насыпи вала, на самом городище и вокруг него. Городище (площадью 65×75 м) имеет овальную форму и подковообразный вал (открытая сторона обращена к низу лощины), впрочем, не исключено, что вал представлял собой замкнутое кольцо, но в нижней (по оклону лощины) части был размыт и распхан. На поверхности городища имеется славянская керамика.

На северном склоне, напротив городища, на площади в несколько гектаров встречается та же керамика, что и на городище, и куски железного шлака. Повидимому, здесь находилось современное городищу селище.

Шурф 2×2 м у вала, в южной (верхней) части городища показал, что культурный слой толщиной 0.85 м состоит из трех наслоений: сверху пласт чернозема 50—55 см, содержащий славянскую керамику и кости животных (корова, лошадь, свинья, овца); его подстилает прослойка золы 10—20 см с теми же находками. Ниже идет плотный грунт, по структуре

¹ ПСРЛ, I, 5.² В 1946 г. на этом городище производил небольшие раскопки И. М. Самойловский (Киев), но ввиду позднего времени и наступившей неблагоприятной погоды работы не были завершены.

похожий на чернозем, но темнокоричневого цвета и более комковатый, содержащий исключительно трипольский материал; на глубине 0.85 м находки совершенно исчезают, на 1,10—1.20 см слой переходит в гумусированную глину и материк (1.30).

Три шурфа на селище, заложенные по одной линии в 50, 150 и 250 м от середины лощины, вскрыли единообразную картину: в слое чернозема до глубины 0.30—0.35 м встречается та же керамика, что и в верхних слоях городища, но в незначительном количестве, а на 0.35—0.50 м появляется трипольская керамика, ниже находок нет.

Склон селища распахивается, чем и объясняется уничтожение его культурного слоя.

В 18 км к северо-западу от Екимауц, по дороге Матеуцы — Алчедар обнаружено второе городище, совершенно аналогичное Екимауцкому. Оно также расположено внизу лощины, вблизи колодцев и имеет приблизительно те же размеры, но хорошо сохранившийся вал (высотой 3.5 м) и ров (глубиной 1.5 м) составляют замкнутое кольцо. На поверхности городища и смежных склонов лощины встречается керамика, аналогичная материалу Екимауцкого городища.

На некоторых скифских городищах (например, у дер. Стохная) встречается подъемный славянский материал, но в незначительном количестве. Повидимому, эти городища, расположенные в низменных местах, поблизости к воде, кратковременно использовались славянскими поселенцами.

Вся керамика с этих поселений, за исключением одного фрагмента, изготовлена на ручном гончарном кругу. Это кухонная посуда и амфоровидные сосуды для хранения продуктов (диаметр до 30 см). Кухонная посуда представлена фрагментами горшков преимущественно средних и крупных размеров (до 30 см в диаметре), темнокоричневого, черного и серого цвета. По форме они очень близки к курганному типу. Как правило, венчик сверху утоньшен и обведен по наружной стороне валиком. Орнамент на стенках исключительно линейный, покрывающий большую часть поверхности стенок, на венчиках волнистый, а иногда ямочный. Крупные сосуды, как правило, покрыты орнаментом в виде широких желобков, опоясывающих сосуд, очень неглубоких на амфоровидных сосудах и резко прочерченных и близко расположенных на кухонной посуде, что придает поверхности сосудов рельефный, рубчатый вид, шейка не орнаментируется, ни с каким другим видом орнамента такой орнамент не сочетается. Другой тип орнамента — в виде мелких частых линий, покрывающих также большую часть поверхности стенок, но по шейке сосуда идет непременно волнистый орнамент в виде одной или нескольких линий, реже ямочный. Глинистое тесто хорошо промешано, с примесью мелкого и более крупного (в зависимости от размеров сосуда) песка. Своеобразный, нарядный вид придают керамике мелкие минеральные включения, входящие в состав глины. Обжиг печной, достаточно хороший, равномерный. Вероятно, всю эту керамику можно датировать XI—XII вв., к какому времени относятся и описанные славянские поселения.

С. А. ТАРАКАНОВА

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ПСКОВА

(1945—1947 гг.)

1

История древнего Пскова мало изучена вследствие недостаточности источников. Особенно скудны наши представления о раннем периоде существования города, о котором в псковских летописях сохранились только лишь отрывочные сведения. Поэтому большую научную ценность представляет археологический материал, получаемый в результате раскопок города. К сожалению, и в археологическом отношении Псков также мало изучен. В дореволюционное время раскопок на территории города не производилось. Небольшие по объему раскопки разведывательного характера были проведены в Псковском кремле (в 1930 г. К. К. Романовым и в 1936 г. Н. Н. Черныгиным), которые дали новый материал по истории древнего Пскова.¹ Вскрыта площадь всего в 90 кв. м.

В 1945 г., в связи с осуществлением плана послевоенного восстановления города, ИИМК АН СССР при активном участии Псковского областного краеведческого музея приступил к систематическим раскопкам Пскова. Работы производились в Кремле, «Довмонтовой крепости» и «Окольном городе», где за три года была вскрыта площадь в 976 кв. м и получен материал, позволяющий уже подвести некоторые итоги исследований, не касаясь, по условиям размера данной статьи, весьма интересных их деталей.

2

Одной из задач, стоящих перед экспедицией, являлось собирание материала по топографии древнего Пскова. С этой целью в 1947 г. на территории Окольного города были произведены раскопки разведывательного характера.

До половины XV в. Окольный город являлся псковским посадом, отделенным от детинца четырьмя линиями каменных стен,² и назывался «Подем», «Полонищем». В 1465 г. Полонище обносится деревянною стеною,³ а в первой половине XV в. каменною и с этого времени получает наименование Окольного города.

¹ «Советская археология», 1937, № 4, стр. 327—328; «Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941.

² Я имею в виду и стену постройки 1309 г., разобранную псковичами в XV в.

³ Псковская летопись под 1465 г.

Раскоп, размером в 288 кв. м, был заложен на так называемой «Анастасьевской горке», несколько южнее церкви Анастасии. В непосредственную задачу раскопок входило: 1) проследить направление одной из древних улиц Пскова — Кузнецкой и 2) выяснить вопрос о времени заселения Окольного города. В различной степени нам удалось разрешить обе эти задачи.

Направление Кузнецкой улицы по письменным источникам остается невыясненным. Летопись указывает, что Анастасьевская церковь была поставлена на Полонищи, на Кузнецкой улице «на Яковлеве посадничьи огороде, на Горки».⁴ На плане Пскова 1740 г.⁵ указаны две улицы, огораживающие Анастасьевскую церковь с северной и южной сторон, но которая из них могла быть Кузнецкой — неизвестно, так как название улиц на плане не обозначено.

В северной части раскопа (что ближе к Анастасьевской церкви) на глубине 1—1.2 м вскрыты остатки жилой постройки XVI—XVII вв. Кроме керамики и костей животных, здесь было найдено: каменное пряслице, целый сосуд (квасник) с зеленой поливой,⁶ псковская монета XVI в. и фрагменты оконницы, состоявшей из мелких стекол, вставленных в оловянную оправу. С южной стороны к дому непосредственно примыкала хозяйственная постройка, а фасадом он был обращен в сторону Анастасьевской церкви. Под слоем XVI—XVII вв. вскрыты остатки кузницы. Здесь около группы камней и остатков обугленного дерева, среди углей и золы в изобилии найдены шлаки, металлические крицы как целые, так и в фрагментах, а также железные изделия: гвозди, кольца, ножи и пр. Стратиграфические данные дают основание датировать вскрытую кузницу XIII—XV вв. Открытие жилища XVI—XVII вв. и кузницы XIII—XV вв. указывает на то, что где-то вблизи них проходила улица. А так как южнее в раскопе не было вскрыто никаких сооружений и в то же время известно, что Анастасьевская церковь была поставлена «на огороде», то есть основание предполагать, что Кузнецкая улица проходила между Анастасьевской церковью и северной частью раскопа 1947 г.⁷

Вторую задачу раскопа удалось разрешить более определенно. Под слоем с остатками кузницы был вскрыт слой XI—XIII вв., содержащий славянскую керамику курганного типа, кости животных и рыб. Здесь же были найдены: шиферное пряслице, височное трехбусинное кольцо, «древотазные шипы», славянские ножи, костяные поделки и другие вещи. Эти находки, как и клад вещей X—XII вв., найденный в 1881 г. на соседней «Романовской горке», указывают на то, что Псков в X—XIII вв. занимал весьма обширную, но в то же время разбросанную территорию.⁸

Раскопки 1945 г. в Довмонтовой крепости ставили своей целью изучение культурных напластований в этой части города, но вместе с тем удалось сделать и ряд интересных открытий.⁹ Найдены остатки древней псковской церкви Дмитрия Солунского, построенной в XII в., перестроенной в XVI в., а также открыт ранний слой с лепной керамикой,

⁴ Там же, под 1488 г.

⁵ План 1740 г. составлен до генеральной перепланировки города, произведенной в 1778 г.

⁶ Керамика с зеленой поливой является типичной для Пскова XVI—XVII вв.

⁷ В противовес мнению, что Кузнецкая улица проходила по направлению Сергиевской (ныне Октябрьской) улицы: Ср. Окулич-Казаринов. «Спутник по древнему Пскову». Псков, 1911.

⁸ Необходимо учесть, что местность, на которой разрастался Псков, в большой своей части была сильно заболоченной. Среди болота возвышались отдельные холмы — «горки», которые, видимо, и заселялись в первую очередь.

⁹ С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове. КС ИИМК, вып. XVII, 1948.

показывающей, что древнее поселение на месте Псковского кремля, предшествовавшее Пскову, занимало весьма обширную территорию.

3

Основное внимание экспедиции было сосредоточено на изучении территории Псковского кремля (детинца).¹⁰ Раскопки производились в северной его части, где в 1946—1947 гг. была вскрыта площадь в 656 кв. м.

Археологическое изучение Псковского детинца имеет огромное значение для разрешения вопроса о времени основания Пскова, о жизни города в дофеодалный период, о его происхождении.

Ранняя история Псковского детинца нам так же мало известна по письменным источникам, как и история самого города. В XIV—XV вв. Псковский детинец являлся территорией общественного значения. Здесь никто не жил, но находился Троицкий собор — патрональный храм псковичей, Благовещенский собор, да амбары с общественными запасами зерна. В летописи Псков впервые упоминается под 903 годом, но летописец справедливо замечает, что город существовал значительно раньше этого времени.

Раскопками установлено, что в более раннее время детинец был заселен. В 1946 г. здесь были вскрыты остатки жилого деревянного дома с подвалом,¹¹ аналогичного по своему типу жилым постройкам, вскрытым в слоях IX—X вв. Старой Ладogi, но значительно превосходящего их своими размерами.¹² Дом датируется VIII—IX вв.

Исключительный интерес представляет открытие в детинце в 1947 г. деревянных мостовых, датируемых не позже X в. Они прослежены на территории около 250 кв. м и состоят из толстых деревянных плах, лежащих вплотную друг к другу. Наличие здесь мостовых объясняется тем, что в северной части детинца имеется естественная, большая, теперь едва заметная впадина, служащая и до настоящего времени местом скопления весенних вод. Замоещение детинца свидетельствует о высокой культуре Пскова еще в ранний период его существования.

Полученный вещевой материал позволяет судить об общем хозяйственном и культурном облике Пскова VIII—XI вв. Находки обломков железных серпов и зерен на полу жилого дома показывают, что горожане еще не порвали непосредственной связи с земледелием. Кости животных дают возможность определить роль животноводства в хозяйстве, указывая на характерный состав стада (лошадь, корова, мелкий рогатый скот, свинья). Население занималось также охотой и рыболовством. Но вместе с тем значительный удельный вес лепной от руки посуды, костяные изделия свидетельствуют о сохранении еще многих архаических черт в быту и хозяйстве древних псковичей. В то же время находки керамики, сделанной на гончарном круге с весьма разнообразным орнаментом, указывают на рост новой техники и запросов потребителя к ремесленным изделиям. Часто встречаются железные цилиндрические замки (рис. 38, 8).

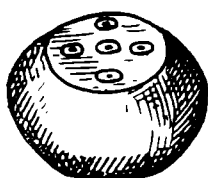
Найденные шиферные пряслица, стеклянные браслеты, бусы, весовая гирька, ребристое пряслице, янтарные поделки указывают на то, что Псков в X—XI вв. торговал и поддерживал связи с Киевом и Прибалтикой. Из отдельных находок следует отметить игральную кость, аналогичную найденным в Гнездовских курганах и в Черной могиле, но меньшую по размерам (рис. 38, 2).

Особенный интерес представляют сделанные экспедицией наблюдения,

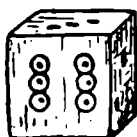
¹⁰ По псковским летописям «Кромом» (кремлем) назывался детинец и «Довмонтова крепость» совместно.

¹¹ С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском кремле. КС ИИМК, вып. XXI, 1948 г.

¹² КС ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 34.

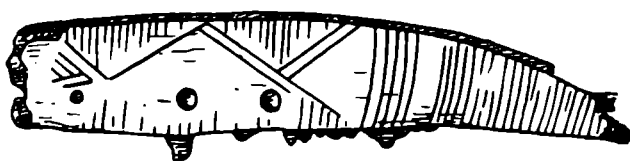
1

2

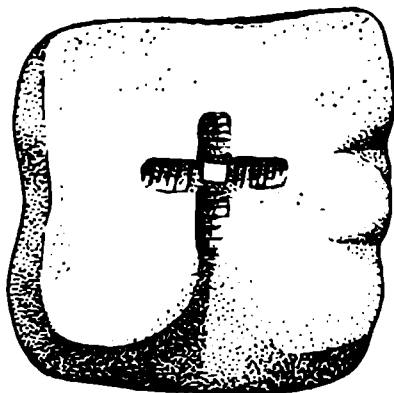
4

3

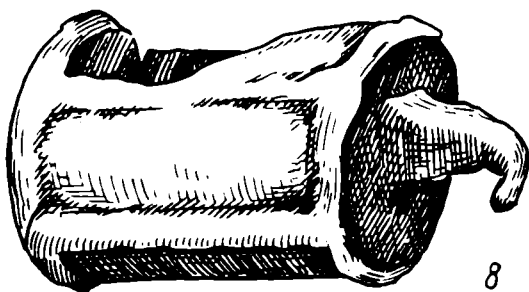
5

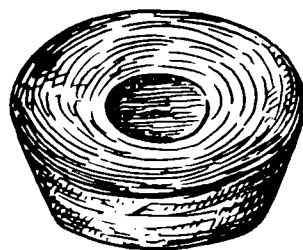
6

7

8

9

Рис. 38. Вещи из культурного слоя X — XII вв. в Псковском кремле.
1 — гирька от весов (железо); 2 — игральная кость; 3 — костяной гребень; 4 — 5 — бусы (сердолик и стекло); 6 — каменная литейная форма; 7 — 9 — пряслица (глина, кость). 8 — железный замок. Все вещи в натур. вел.

что древний Псков возник и развился на базе более древнего славянского поселения, поэтому Псковский кремль должен изучаться и как древнейшая территория феодального города и как древнее городище. Никаких стерильных прослоек, отделяющих культурные напластования Пскова от более ранних слоев городища, в Псковском кремле нет. Более того, некоторые вещи, и в особенности керамика, ясно указывают на их генетическую связь.

Псковское городище является одним из первых памятников, заполняющих белое пятно в бассейне р. Великой на археологической карте городищ лесной полосы Восточной Европы. По своему культурному облику оно приближается к группе городищ Верхнего Поволжья. Это доказывается наличием слоя с сетчатой керамикой дьякова типа и жилищами, весьма сходными с жилищами Березняковского городища.¹³ Но по своему социальному значению оно выделяется из массы рядовых укрепленных поселков. Псковские жилища представляют собой деревянные постройки четырехугольной формы с небольшим (до 30 см) углублением в материк и очагом из диких камней, находящимся в одном из углов дома.¹⁴ Отличительной же их чертой является то, что непосредственно к жилому помещению примыкают одна-две хозяйственные постройки, иногда покрытые одной общей крышей. Кроме того, вокруг жилища открыты ямы хозяйственного назначения.

Наличие в слое сетчатой керамики одновременно с гладкой лепной керамикой, тип жилища, абсолютное преобладание костяных изделий (проколки, иглы, наконечники стрел и другие поделки) дают основание датировать возникновение Псковского городища первыми веками нашей эры (рис. 39а).

Удалось также проследить, что более древние жилища располагаются не по берегу Великой, а по берегу Псковы, что вполне понятно при учете некоторых черт характера хозяйства этой поры. При огромном количестве найденных здесь рыбьих костей и чешуи совершенно не встречено ни грузил, ни рыболовных крючков, что указывает на существование неподвижных приемов рыбной ловли (типа закола, «еза»), вполне возможных на сравнительно небольшой Пскове и совершенно немыслимых на многоводной и широкой Великой.¹⁵

Изучение культурных напластований середины и второй половины I тыс. н. э. позволило сделать ряд интересных наблюдений. Во-первых, в этот период увеличивается размер поселения — появляются жилища и по берегу Великой. Во-вторых, изменяется тип жилищ — появляются наземные постройки с глинобитными полами и каменными очагами. В-третьих, меняется общий облик хозяйства. Находки железных серпов и зерен говорят о наличии земледелия (рис. 40). Скотоводство преобладает над охотой (92% и 8%). Широко развито ткачество; пряслища из глины, кости, камня, часто орнаментированные, являлись весьма частой находкой при раскопках. Предметы быта, оружие и орудия труда вырабатывались на месте. Найдены полуобработанные пряслища и костяные стрелы. Широко было развито литейное дело, о чем говорят находки литейных формочек (рис. 39б), тиглей, льячек, шлаков и криц. С большим искусством обрабатываются и украшаются орнаментом изделия из кости — гребни, накладки, ручки ножей, трубочки (рис. 39в).

Особенно интересны предметы и сооружения культового характера.

¹³ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. МИА, вып. V, 1940.

¹⁴ КС ИИМК, вып. XXI, стр. 145.

¹⁵ Возможно, что и город стал называться Псковом потому, что древнейшее население располагалось по берегу Псковы, а не по берегу Великой.

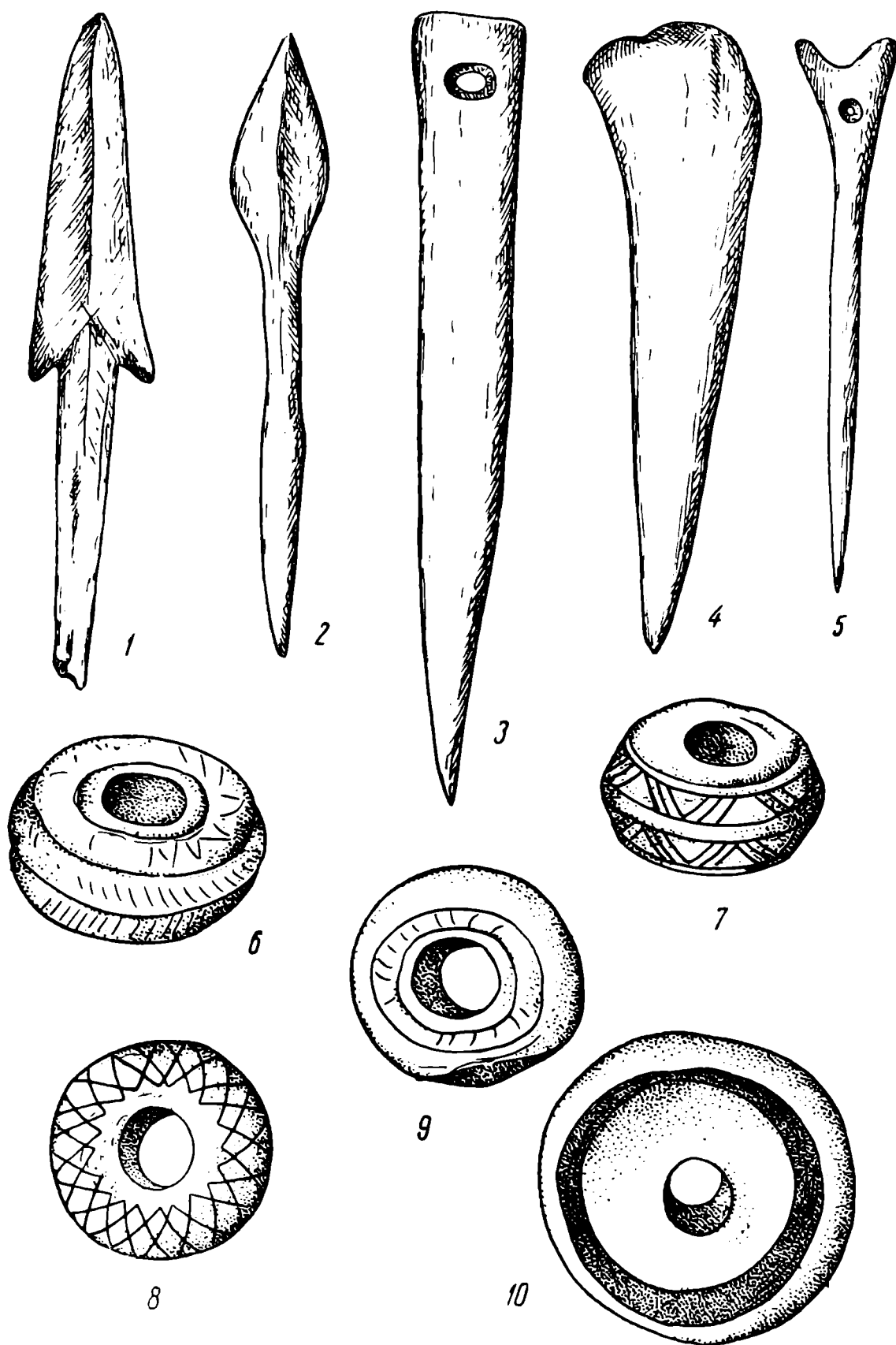
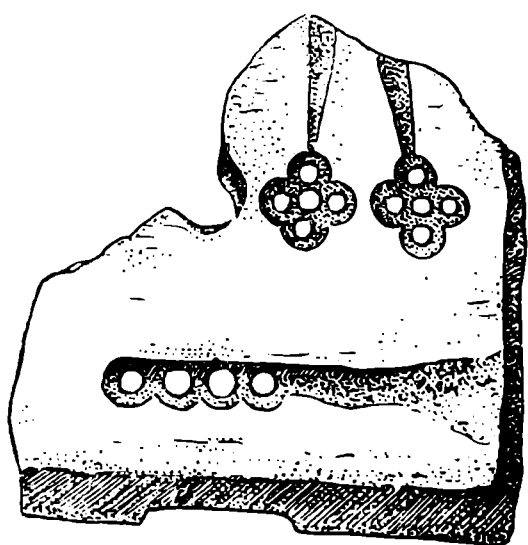
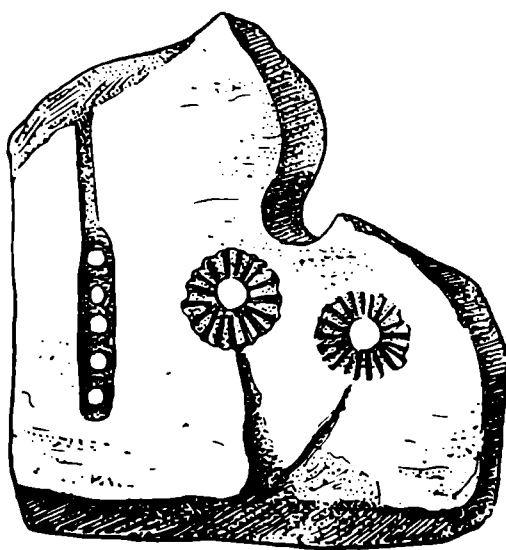

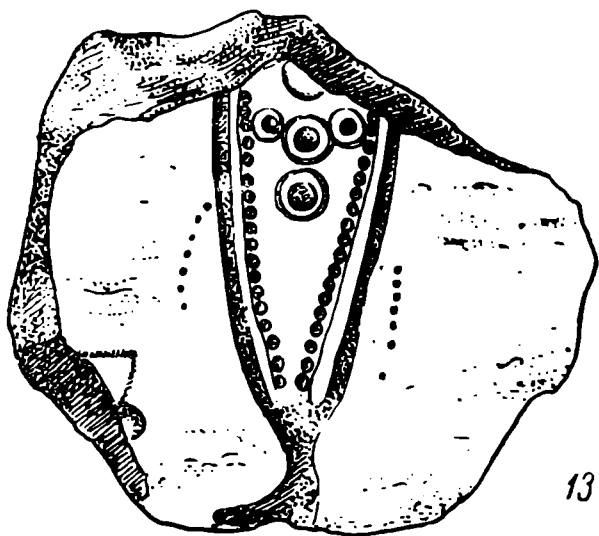
Рис. 39а. Вещи из нижних горизонтов культурного слоя Псковского кремля.
 1 — 2 — костяные наконечники стрел; 3 — 5 — проколки и игла (кость); 6 — 9 — каменные пряслицы; 10 —
 полуобработанное пряслице.

11

12

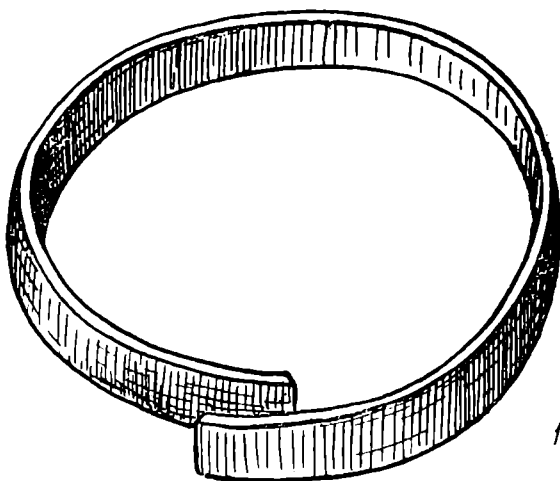
13

15

16

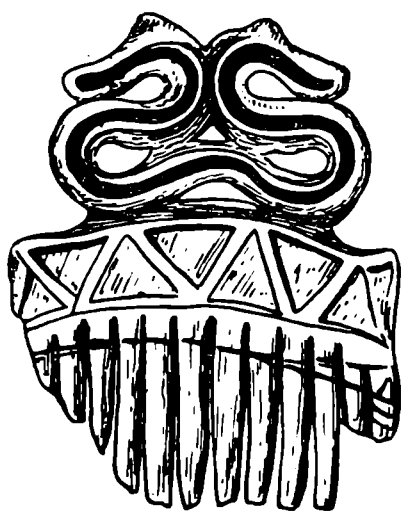
14

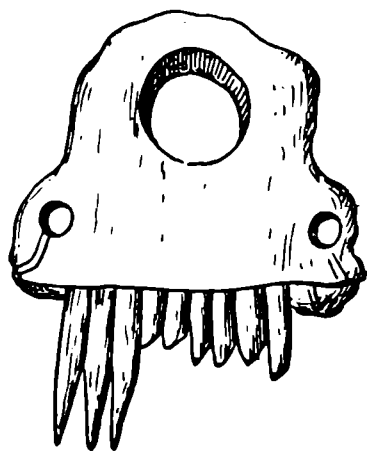
17

Рис. 396. Вещи из нижних горизонтов культурного слоя Псковского кремля.

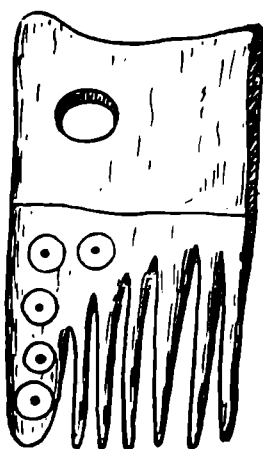
11 — 13 — каменные литейные формы; 14 — бронзовый браслет; 15 — бронзовая лунница; 16 — бронзовый спиральный перстень; 17 — костяная трубочка.

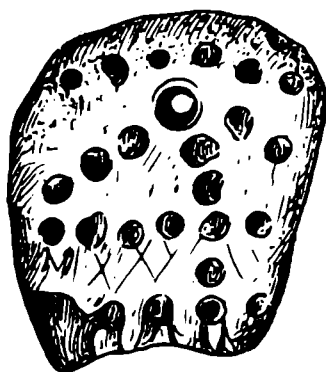
18

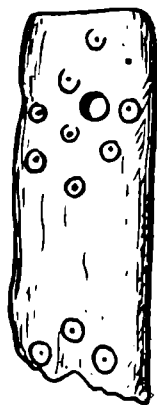
19

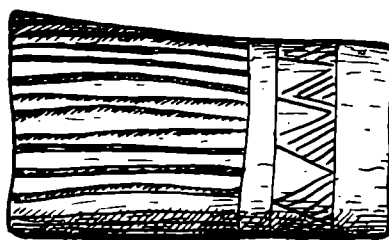
20

21

22

23

Рис. 39в. Вещи из нижних горизонтов культурного слоя Псковского кремля.
18 — 21 — костяные гребни; 22 — костяная накладка; 23 — ручка.

Были найдены амулеты: клыки медведя, кабана, собаки. Исключительным открытием следует признать языческий жертвенник VII — VIII вв.¹⁶ Важно отметить, что в культурных слоях городища были найдены вещи, аналогичные вещам из длинных курганов: спиральный перстень, костяная подвеска-уточка, орнаментированная костяная трубочка, бусы голубого и зеленого стекла, керамика (рис. 396. 17).

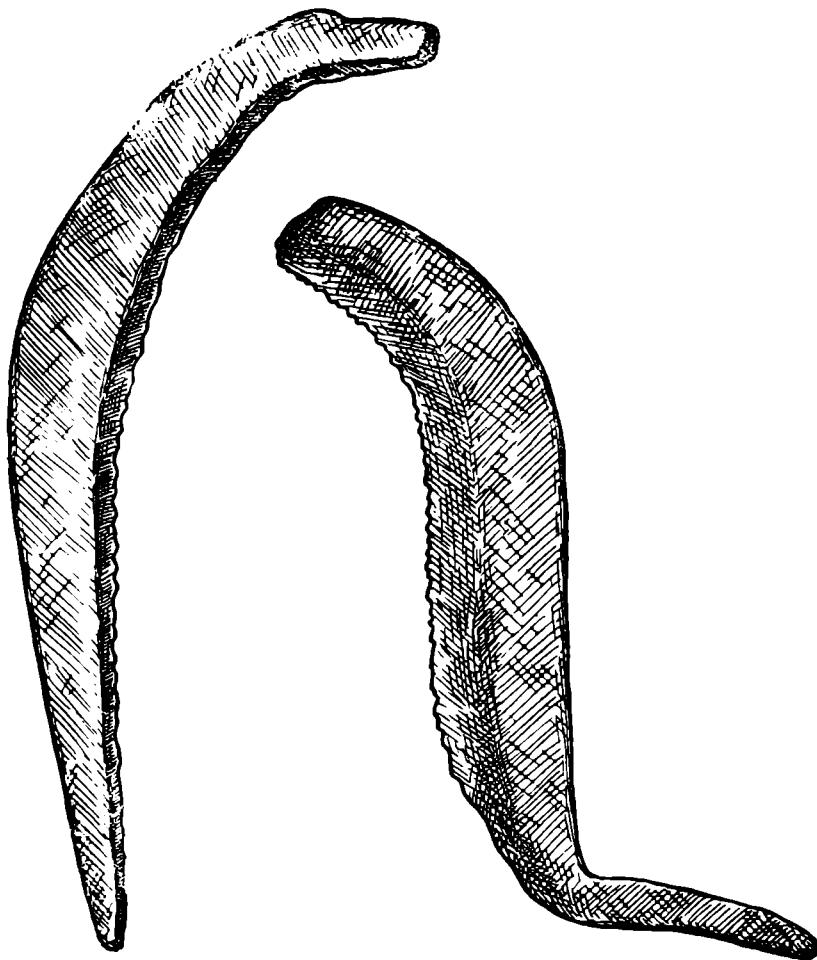

Рис. 40. Железные серпы.

Изучение Псковского городища и детинца показало, что Псков является древнейшим русским городом, бывшим некогда одним из крупнейших центров племенного объединения кривичей, и что Изборск, обследованный нами в 1946 г., в своем значении далеко уступает Пскову.¹⁷

¹⁶ Этому памятнику посвящается отдельная статья.

¹⁷ КС ИИМК, вып. XX, 1948.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

НОВГОРОДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Изучение Новгорода является центральной темой славяно-русской археологии. Огромное историческое значение вечевых городов общеизвестно, из других древнерусских городов только Москва в этом отношении его превосходит, только Киев и Владимир могут в какой-то мере с ним соперничать. Но ни в Москве, ни в Киеве, ни во Владимире, ни в Пскове нет такой сохранности древних построек и древних вещей: ведь своеобразные почвенные условия сохраняют в Новгороде дерево в нижних слоях, поэтому возможности изучения материальной культуры времен расцвета города здесь безграничны.

Русской культуре нанесен недавно тяжелый удар: современными фашистскими варварами разрушены лучшие новгородские церкви с их дивными фресками,— тем больше мы должны ценить новгородские древности.

Раскопки в Новгороде начаты мною в 1932 г., материалы многолетних довоенных раскопок теперь издаются. 1947 год является для археологии Новгорода важной датой: в этом году Академия Наук СССР предоставила возможность организовать в этом городе раскопки, во много раз большие, чем до войны. Результаты превзошли все ожидания. Итоги подводить, конечно, рано, надо несколько лет поработать, чтобы разобраться во вскрытых многочисленных сооружениях и решить поставленные вопросы. Здесь можно дать только краткие сведения о первых результатах.

Главный раскоп был на основной территории Ярославова Дворища. Название этой местности объясняется тем, что там в XI в. был княжеский дворец, воздвигнутый Ярославом Мудрым. В XII в., когда князья были из Новгорода выселены (переворот 1136 г.), на территории их дворца стало собираться вече. Этим был демонстративно подчеркнут переход от суверенитета князя к суверенитету веча. До XV в. включительно вече́вая площадь была на Ярославовом Дворище. Основную часть его в XX в. застроили небольшим металлургическим заводом. Поэтому довоенные раскопки были только на периферии Дворища. Завод разрушен во время войны и по плану реконструкции Новгорода восстанавливаться не будет; на его месте здесь, в центре города, возникнет сад. По количеству и качеству добытых древностей раскоп 1947 г. на Дворище превосходит все довоенные новгородские раскопы, взятые вместе.

В центре Дворища открыт комплекс многочисленных срубов XII—XV вв. Эти примыкающие друг к другу срубы являются комнатами большой постройки, явно не жилой, не производственной, не хозяйственной, не военной и не церковной. Есть основание предполагать, что здесь были канцелярские правительственные помещения. Будущие раскопки позволят это проверить. Никакого отопления эта постройка не имела.

Дворец Ярослава Мудрого еще не найден. По всем признакам на его фундаментах построен в XVII—XVIII вв. жилой дом, сохранившийся донныне и заселенный. Тем не менее свободный для раскопок участок на предполагаемой территории дворца имеется.

В 1938 г. моими раскопками в районе Дворища вскрыты водопроводы из деревянных цилиндрических труб, древнейшие в Северной и Средней Европе (наиболее древние здесь датируются XI в.). Территория Дворища изрезана этими трубами, при новых раскопках в центре его они тоже найдены, толщина их до 50 см, форма их попрежнему цилиндрическая, линия соединения верхней и нижней половинок трубы обычно зигзаговая.

Второй раскоп был в районе древней Чудинцевой улицы на территории строительства будущего Дома Советов; он тоже дал срубы и вещи, но в меньшем количестве. Там обнаружены водопроводные трубы того же

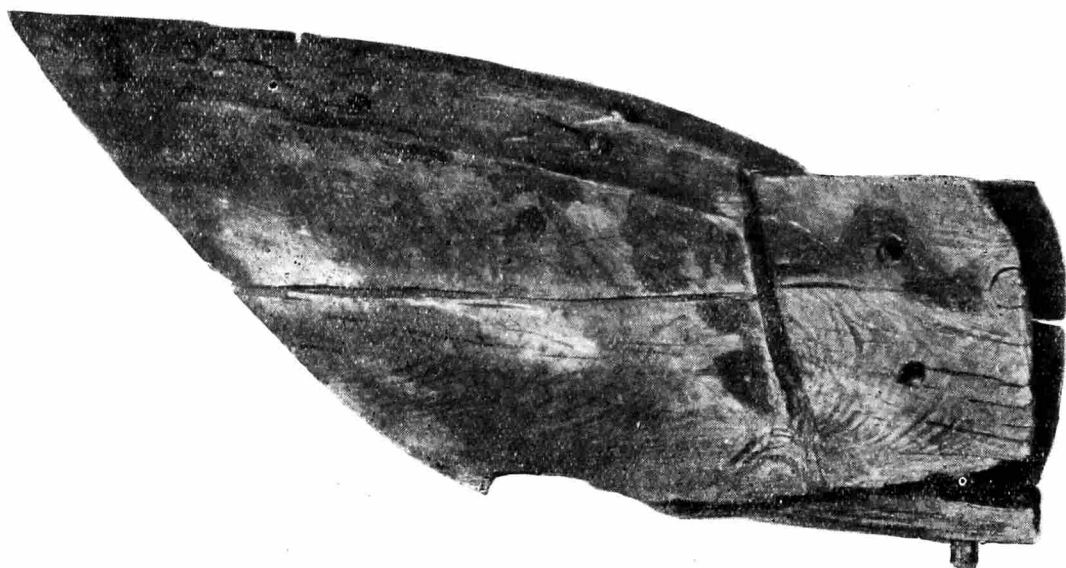

Рис. 41. Нос корабля.

типа. Оказывается, водопровод был в древнем Новгороде не только в центре, но и на окраинах, притом даже на возвышенных местах.

Третий раскоп был на городском валу, против Знаменской улицы; здесь удалось открыть засыпанную валом каменную крепостную стену XIV в. Впервые обнаружил эту стену в яме в августе 1947 г. консультант экспедиции, член-корреспондент Академии Наук СССР М. Н. Тихомиров. Эта стена по грандиозности превосходит все русские доартиллерийские крепостные сооружения, тщательность ее отделки столь же замечательна. Описания ее не даю, поскольку специальное исследование о ней публикует руководивший ее раскопками заместитель начальника экспедиции А. Л. Монгайт.

Перейду теперь к характеристике добытых раскопками 1947 г. вещей. Обилие их неслыханное, научное определение в основном еще предстоит. Тем не менее я должен теперь на ряде примеров показать эти наши новые исторические источники.

Особенно много деревянных изделий. Я уже говорил, что дерево в Новгороде вообще сохраняется, но на основной территории Дворища, в слоях X—XV вв. оно сохраняется лучше, чем в других районах города; целы не только бревна срубов, но и деревянные изделия, большие и малые. Поэтому перед нами открылся целый мир совершенно новых для науки вещей.

Так, целиком сохранился нос корабля с системой креплений, точнее говоря, подводная часть носа, резко изогнутая и глубоко сидевшая; дата — XI — XII вв. (рис. 41). Историки кораблестроения восстанавливали до сих пор наши древние корабли только гадательно; теперь на основе этой находки можно решить ряд историко-технических вопросов. Но мало того, там же найдена в обломках лодка, там же было много весел и лодочных шпангоутов, лодочные скамейки. Подобных находок нигде у нас еще не было.

А для истории сухопутного транспорта важен найденный целиком санный полоз (рис. 42), плавно изогнутый, длиной более 3 м; к нему прикреплены санные стояки-копылы, перекрытые сверху стержнем-нащепом; дата XIII — XIV вв. По форме эти сани совпадают с древнерусскими саними, изображенными в рисунках летописей и сказаний о Борисе и Глебе. Кораблю в этих рисунках тоже имеются точные аналогии. Но трудно было надеяться проверить эти древние зарисовки при помощи реальных вещей.

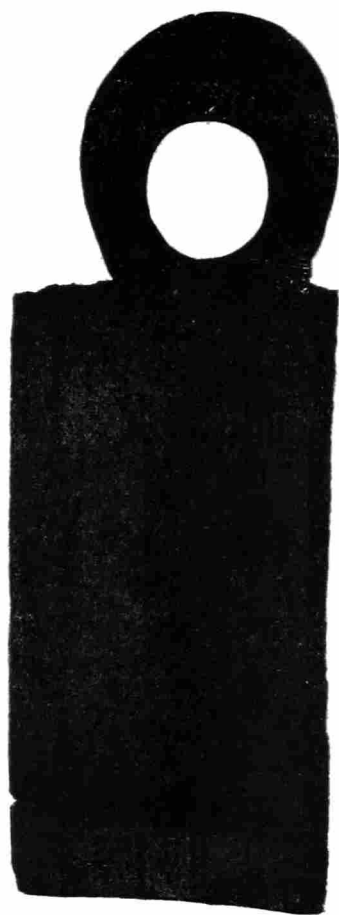
Рис. 42. Санный полоз.

Все виды деревянных изделий теперь у нас представлены (рис. 43, 45); таким образом, вся бытовая обстановка древней Руси стала доступна изучению впервые. Так, например, найдены скамейки, качели, грабли, вальки для стирки белья, банные шайки. Целиком сохранилась бочка. Изобилуют счетные бирки, многочисленные зарубки этих палочек заслуживают длительного изучения; от этих нарезок обычно производится распространенное в древней Руси слово «резы», проценты; ни одной древнерусской счетной бирки никто до сих пор не видел, а теперь их найдено несколько десятков. Неоднократно встречены костяшки от русских счетов. Накопление таких находок позволит со временем написать историю этого счетного прибора, являющегося нашей национальной особенностью. До сих пор мы изучали железные стрелы и каменные пряслица, теперь добыты и древки стрел, и веретена со следами надевания пряслиц.

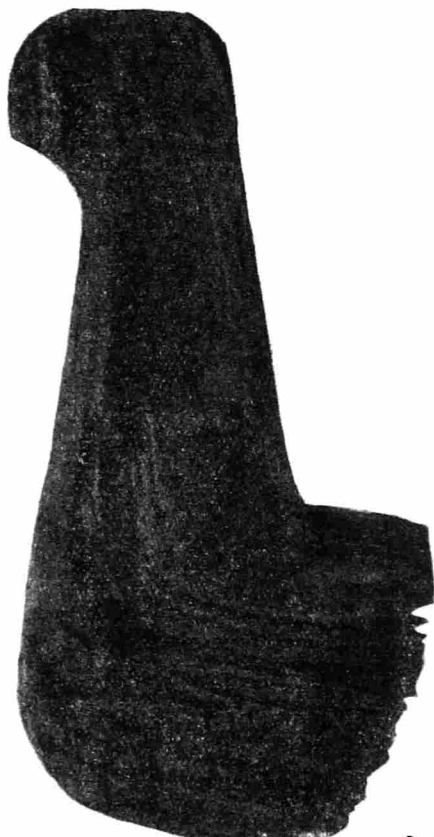
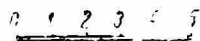
История техники обогатилась новыми всевозможными материалами. Кое-что определено уже во время раскопок, например деревянный блок — основная часть довольно мощного подъемного механизма (никаких данных для реконструкции таких механизмов еще не было), челноки ткацких станков (некоторые из них поражают своими размерами, отделаны они прекрасно) и т. д. Вообще многочисленные предметы чрезвычайно выдержанных, сложных и разнородных форм являются несомненными деталями различных механизмов, но определение их возможно только на основе длительного исследования и консультации всевозможных специалистов. Машины — новая для археологии тема, она сводится к изучению деталей машин, и нова она именно потому, что дерево обычно не сохраняется. Ведь в средние века, как и в античности, механизмы делались из этого материала, и до нового времени сохраняло силу определение Витрувия: «машина есть система связанных между собой частей из дерева» и т. д. Несколько лет потребуются для первых опытов реконструкции новгородских

механизмов. Кроме того, многие предметы, пока загадочные, будут определены на основе этнографических аналогий.

Художественную резьбу люди древней Руси любили и щедро применяли, но до сих пор мы могли судить о ней только по этнографическим аналогиям и по реконструкциям современных художников. Теперь она представлена прекрасными образцами: балясинами, узорами ковшей, ложек, чаш, туесов и т. д. (рис. 45). Большая братина покрыта серебристыми узорами, нанесенными кистью, но найдена она в мелких обломках. В резьбе преобладают узоры того стиля, который господствует и в новгородских рукописях XII—XV вв. Эта плетенка перешла на пергаменные страницы, очевидно, именно из деревянной резьбы, только в дереве она не была до сих пор известна. Особенно хороши два больших обломка кресел: часть спинки и ручка (рис. 45, а). Вопреки норманистским теориям, эта плетенка не похожа на плетенку скандинавских орнаментов, наши узоры более графичны, более ажурны, в них обычны заштрихованные ленты, которых в Скандинавии нет. Резные вещи на Дворище разнообразны. Пока загадочны деревянные палочки со скульптурными изображениями человеческой руки, охватывающей палочку. Найдена большая фигура петушка с крыши, но голова его, к сожалению, отломана (рис. 43а, б). В самом нижнем слое Дворища, датированном X в., найдена деревянная чаша, сплошь покрытая резьбой того стиля, который искусствоведы называют древнеславянским (рис. 45, б). Лучшие образцы этого стиля дают каменные рельефы Далмации IX—X вв.

а

б

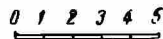

Рис. 43а. Деревянные вещи.

а — клепка банной шайки; б — петушок с крыши.

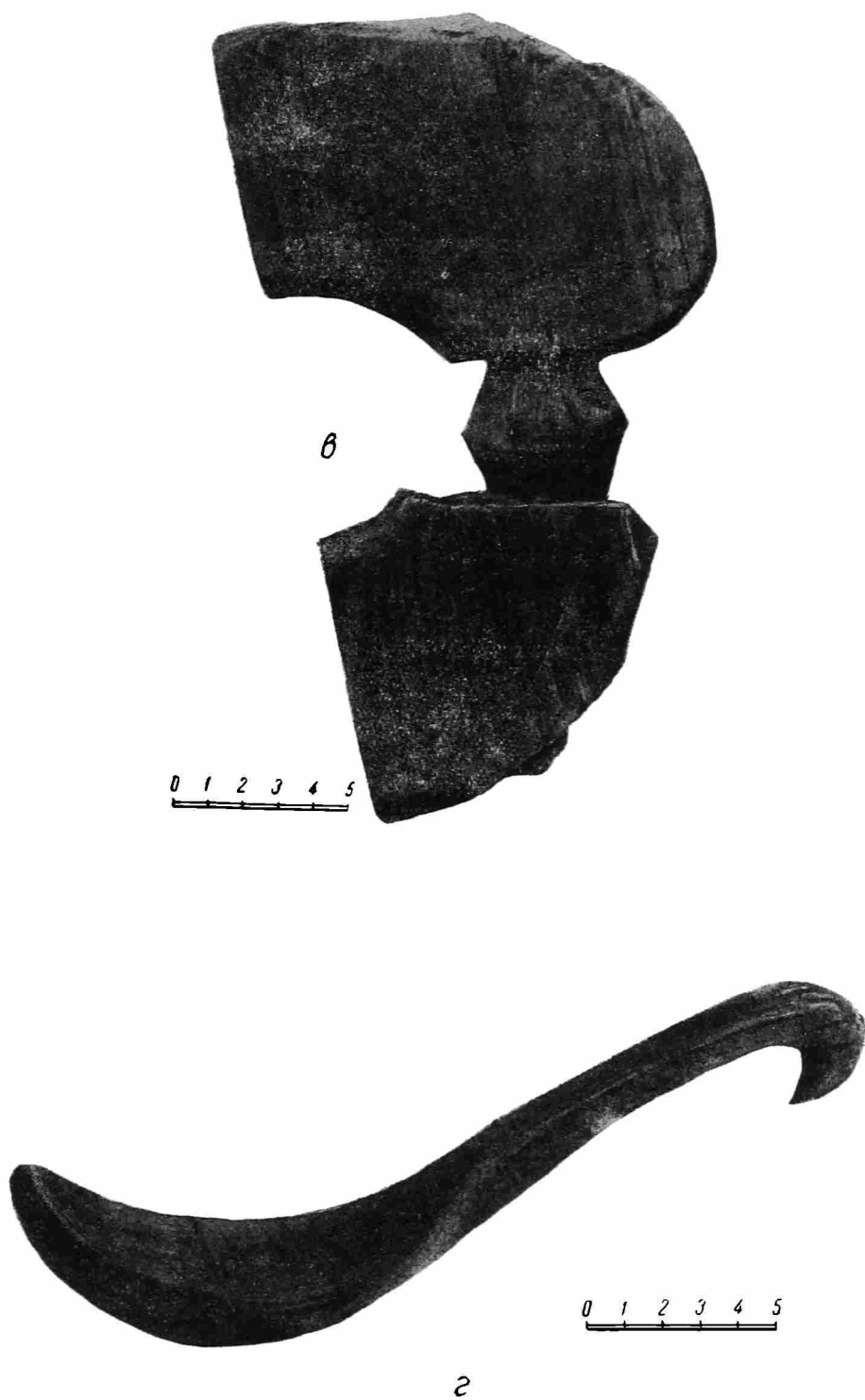

Рис. 436. Деревянные вещи
6 — ручка кресла; 2 — ковш

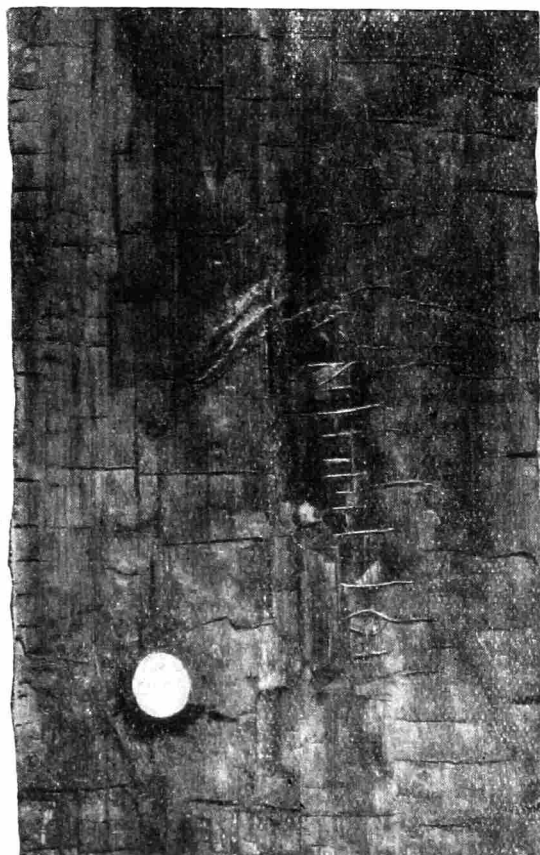
Рис. 44. Вещи из раскопок на Ярославовом Дворище (Новгород).
 а — шахматные костяные фигурки (4/5 н. в.); б — костяные рукоятки с циркульным орнаментом (7/8 н. в.);
 в — кошелёк и погны (кожаные) (7/8 н. в.); г — каменная иконка, серебряная привеска (3/2 н. в.).

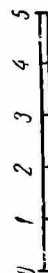
a

б

в

г

Рис. 45. Деревянные изделия.
а — образцы резных изделий; б — резная чаша; в — надпись „Юридина“; г — надпись „Мисев“.

Такие орнаменты состоят из плавного переплетения полос, каждая из которых расчленяется на ленты равной ширины. Данная чаша является лучшим из найденных на Руси образцов этого древнего общеславянского искусства. Узор на ней весь заплетен в петли, что для этого стиля типично.

Много вещей, деревянных и костяных, покрыто узорами, нанесенными циркулем. Циркуль в древней Руси вообще широко применялся. Образцы таких узоров известны во всех древнерусских городах, но здесь из этих циркульных кружочков составлены сложные и ритмичные композиции (рис. 44, б). Костяные и деревянные гребни встречались в изобилии. Все они с одной стороны частые, с другой — редкие. Вероятно каждый новгородец носил при себе гребень. Найдено несколько точеных костяных шахматных фигурок, довольно похожих на современные. Шахматная игра была, оказывается, широко распространена в древнем Новгороде (рис. 44, а).

Железное оружие представлено не только копьями и стрелами, но и кинжалом рыцарского типа (рис. 46, д). Эта находка знакомит нас с новой для науки формой древнерусского оружия, предназначенной для прокалывания доспехов. Кинжал четырехгранный или, точнее говоря, в сечении дает крестовидную фигуру; только появление тяжелых доспехов, непроницаемых для обычного кинжала или копья, могло вызвать к жизни такое оружие. Дата его XIV — XV вв.

Железные орудия труда (рис. 46, в, г) представлены сошником, молотом, долотом, буравом, конской скребницей и рядом топоров; один топор сохранил рукоять, что важно для изучения его рабочих свойств. Особенно ценен напильник. О применении этого основного орудия слесарей мы могли догадываться по находимым замкам и иным слесарным изделиям, но самый напильник найден теперь впервые. По форме он похож на нож, в отличие от современных напильников, но по тонкости нарезки им не уступает (хотя нарезка эта, конечно, ручная, заметно отличающаяся от современной). Напильник сильно стерт.

Остроносые кожаные туфли, мужские, женские и детские, встречались постоянно. Вообще раскопки в Новгороде неизменно подтверждают, что новгородцы все носили кожаную обувь и именно туфли-поршни. Сапог нами пока не найден вовсе; они вероятно употреблялись, но редко. Любопытно полное отсутствие в новгородских археологических материалах лаптей (а лыко вообще сохраняется в Новгороде хорошо и встречается часто). Очевидно, лапотников в Новгороде не было, даже среди бедняков. Найдено несколько кожаных кошельков, один из них оказался наполненным цветами осоки (по определению В. Е. Вихрова), имевшими, вероятно, колдовское или медицинское значение. Есть кошелек, разделенный на три отделения: маленькое, среднее и большое. Есть кожаные изделия с тисненными растительными узорами, другие кожаные изделия украшены сплошным чешуйчатым тиснением (рис. 44, в).

Много найдено зерен и семян различных культурных растений. Мы надеемся, что представители агрономической науки определят их виды и породы. Из обильных находок костей домашних животных надо отметить ряд черепов, что позволит специалистам изучить породы.

Слой XI — XIII вв., как во всех древнерусских городах, характеризовался стеклянными браслетами разных цветов и розовыми овручскими шиферными пряслицами. Женские украшения курганных типов: сердоликовые бипирамидальные бусы, медные витые тройные браслеты и т. д. — встречены все в хронологически соответствующих слоях. Много было янтарных художественных изделий. О торговле с Киевской Русью, кроме овручских пряслиц, говорят куски толстостенных красных амфор киевского типа, впервые найденных в Новгороде. О торговле с более южными странами говорят пока только грецкие орехи, неоднократно встреченные в древних слоях (простые лесные орехи встречались в изобилии). Монет,

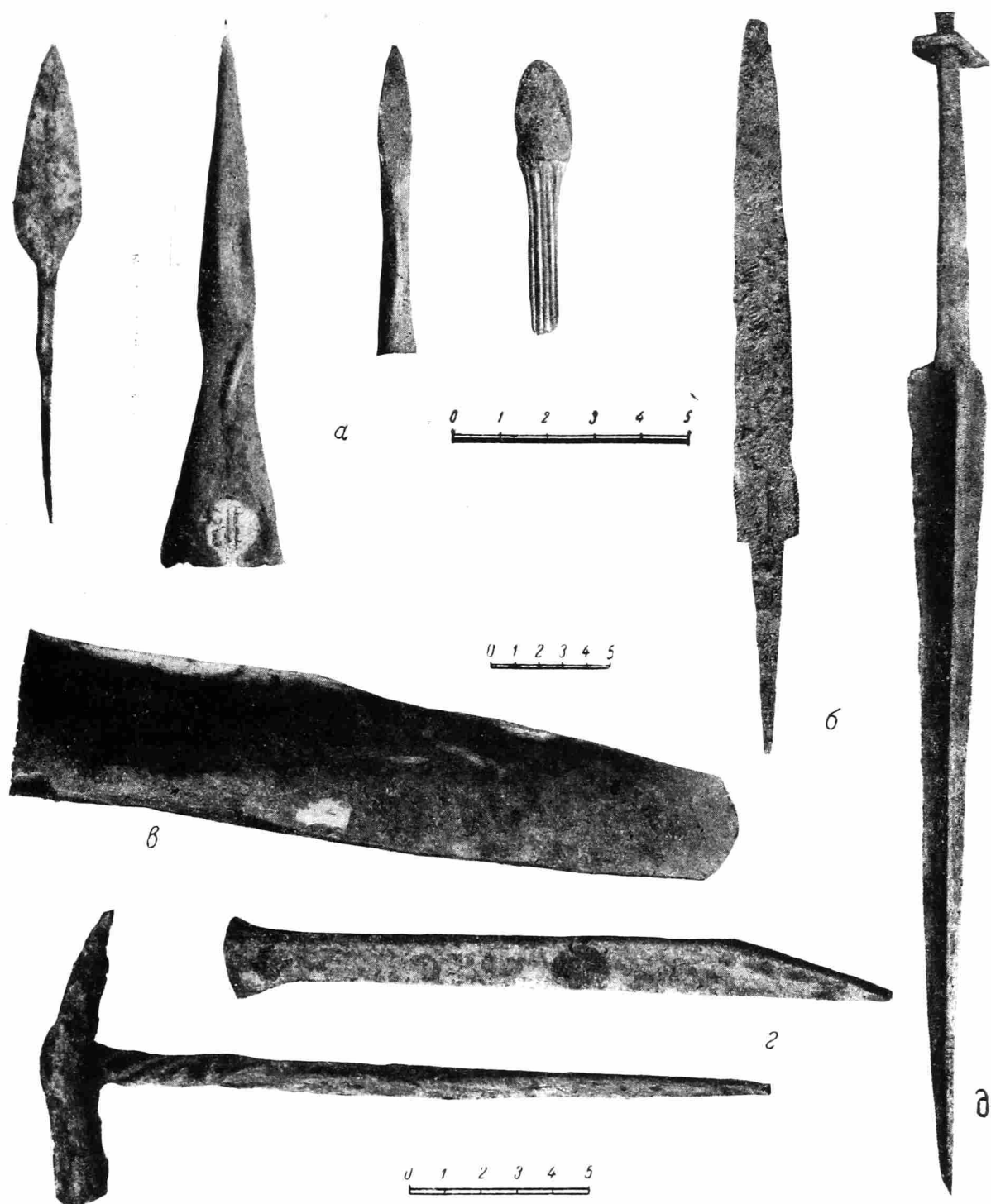

Рис. 46. Железные вещи.

а — копье и стрелы; б — напильник; в — сошник; г — молоток и долото; д — шинжал (1/2 н. в.).

в отличие от прежних новгородских раскопок, теперь почему-то почти не было. Найдена только одна дерптская монета епископа Дитриха II (XIV в.).

Невозможно перечислить даже важные находки, так их было много. Назову еще серебряную круглую привеску с зерненым изображением орла, скорлупу красных крашенных яиц, железные ножницы обоих применявшихся в древней Руси типов, медные складные весы (такие встречаются в курганных погребениях древнерусских торговцев), медный набалдашник жезла, ряд жерновов, медный крест-энколпион с фигурками, каменную иконку с рельефными изображениями Иисуса, Петра и Павла (рис. 44, 2), свинцовые печати документов с изображением оранты. Много предметов будет определено в процессе дальнейшей разборки и химической расчистки. Керамический материал огромен.

Раскопки 1947 г. доказали, что в Новгороде был высокий уровень грамотности. На целом ряде простых бытовых вещей оказались надписи и буквы (рис. 45, в, 2). При прочтении и датировке этих надписей помог авторитетной консультацией член-корреспондент Академии Наук СССР М. Н. Тихомиров. На днище одной из бочек (таких днищ найдено довольно много) четкая надпись «Юрищина». Бочка принадлежала какому-то Юрию, которого звали Юрищем. Форма этих букв XII—XIII вв. На деревянной сапожной колодке женской туфли надпись «Мнези». Повидимому, это сапожник записал имя или прозвище заказчицы (древнерусские женские имена, в отличие от мужских, почти совсем неизвестны). Форма этих букв XIII—XIV вв. Три надписи являются сокращениями имен: на костяной стреле три буквы «Бат», на берестяном поплавке три буквы «Бжь», на другом таком же поплавке две буквы «Фи». Имена, начинающиеся всеми этими комбинациями букв, в древней Руси известны. Наконец, на розовом шиферном пряслице довольно длинная надпись, которую пока, несмотря на все усилия, не удалось прочесть. Некоторые деревянные предметы просто мечены отдельными буквами, инициалами владельцев. Конечно, грамотны были не только граждане, метившие надписями свое имущество, но и их соседи, для которых эти надписи предназначались. В одновременных городах Германии и Англии данные о подобном развитии грамотности неизвестны.

Надо сказать несколько слов и о технике наших работ 1947 г. Для отвоза вырытой земли были применены (насколько мне известно, впервые в советской археологии) транспортеры, один 15-метровый и два 5-метровых, все с электрическими двигателями. Наряду с ними для той же цели применялись вагонетки и рельсы. Все это чрезвычайно увеличило производительность. Самые раскопки выполнялись, конечно, только вручную, лопатами и ножами. Помимо обильных полевых фотографий, экспедицией был снят специальный кинофильм. На раскопках непрерывно работала химическая лаборатория, так что консервация древностей производилась на месте. Поэтому добытые предметы, особенно деревянные, сохранены для науки гораздо лучше, чем при довоенных раскопках. Все эти нововведения, особенно транспортеры, свидетельствуют о том, что техническая оснащенность советской археологии теперь значительно выше, чем до войны.

Заместителем начальника экспедиции был А. Л. Монгайт, начальниками отдельных раскопок — Д. А. Авдусин, Б. А. Колчин, А. Ф. Медведев и Т. Н. Никольская, химиком экспедиции — А. В. Кирьянов.

Высокая культура древнего Новгорода доказывается неисчислимыми археологическими находками, всесторонне характеризующими технику различных ремесел, городское хозяйство, фортификацию, письменность. Русская культура была в средние века одной из передовых в Европе, и это положение теперь окончательно доказывается археологией. С каждым годом Великий Новгород будет вырисовываться перед нами все яснее и яснее во всем своем великолепии.

А. Л. МОНГАЙТ

КАМЕННАЯ СТЕНА «ОКОЛЬНОГО ГОРОДА» НОВГОРОДА
ВЕЛИКОГО

Оборонительные сооружения Новгорода состояли из трех линий укреплений. Первая — Новгородский детинец — была сооружена в XI в. Уже в начале XII в. широко раскинувшийся городской посад был обнесен второй линией обороны — стеной, которая не раз упоминается в летописях под именем «острога».¹ Наконец в 80-х годах XVI в. возникла третья линия обороны — малый земляной город, выстроенный вокруг детинца. Малый земляной город был срыт в начале XIX в. Каменные стены и башни детинца стоят и сейчас. А линия «окольного города» легко прослеживается по большим земляным валам, окружающим современный Новгород. Изучение крепостных сооружений Новгорода, проживших многие века и подвергавшихся постоянным перестройкам и усовершенствованиям, представляет несомненный интерес. В 1947 г. такие работы были предприняты Новгородской археологической экспедицией ИИМК. Были произведены обследования вала, раскопки на отдельных его участках и обмеры стен детинца (последние с помощью Новгородских специальных проектно-реставрационных мастерских).

Настоящее сообщение является предварительным, так как работы не завершены, и коснется лишь вопроса о стенах «окольного города».

Еще в 1936 г. Б. К. Мантейфель произвел обследование Новгородского вала и обмеры обнаженных частей каменной кладки в насыпи вала, которые он считал основаниями башен.² К сожалению, по техническим причинам, к изданию не была приложена составленная автором схема расположения кладок. Поэтому читатель не мог себе представить всего памятника в целом. Вероятно это отчасти послужило причиной того, что статья прошла незамеченной и не встретила научных откликов, каких заслуживали интересные наблюдения, сделанные Б. К. Мантейфелем.

За годы Отечественной войны вал на многих участках был разрушен, обнаружилась в разных местах не замеченная раньше каменная кладка. В связи с этим нами было произведено новое обследование вала и составлена точная схема. Важнейшим результатом обследования явилось установление того факта, что каменная кладка в насыпи вала представляет собой не только фундаменты башен, но также отдельные части большой каменной стены.

¹ Употребляя для наименования внешнего оборонительного пояса общерусское название «окольный город», должен подчеркнуть, что новгородские летописи всегда называют его лишь «острогом».

² Б. К. Мантейфель. Обследование оснований башен Новгородского вала. Новгородск. историч. сборник, вып. 2, Новгород, 1937, стр. 105—115.

Один из таких участков, на котором была обнаружена членом-корреспондентом Академии Наук М. Н. Тихомировым каменная кладка, был нами раскопан. Участок этот расположен к югу от Знаменской (Первомайской) улицы. Вал здесь отчасти разрушен, и обнажилась кладка древней стены. Восточная (внешняя) стена вала лучше сохранилась. Раскоп был заложен на западной (внутренней) стороне вала. Стена была обнажена на участке длиной 25.7 м (общее протяжение каменной кладки здесь равно 42 м). Ширина насыпи вала с внутренней стороны 9.4 м. Ширина (толщина) стены от 4.4 до 4.6 м. Кладка основной части стены состоит из крупных валунов и небольшого количества мелких камней, залитых известковым раствором. Эта забутовка была сделана как заполнение стены после того, как была сложена внешняя и внутренняя лицевая кладка. Последняя состоит из тесаного прямоугольного камня различных размеров (от 75 до 20 см длины и от 60 до 20 см ширины), положенного на известковом растворе (рис. 47а). Камни плотно пригнаны, швы с раствором тонкие и никогда не превышают 1 см толщины. Камень, употребленный для облицовки стен, розовый с лиловыми прожилками или красный от окислов железа известняк. Он использовался на постройки церквей в XIV в. и вышел из употребления в XV в. Этот камень, как установил Мантейфель, доставлялся с юго-западного и южного побережья Ильменя, где имеются ближайшие к Новгороду выходы красных известняков. Основание стены — фундамент из валунов — открыто на глубине 3 м.

В насыпи вала, на глубине 2.35 м от его верхнего края, обнаружены деревянные сооружения в виде прямоугольных камер размером 2.4×2.9 м. Иногда камеры разделены еще пополам поперечными досками. Камеры расположены на высоте около 1 м от основания стены. Найденное сооружение напоминает древнерусские городни, но существенно отличается от них. Камеры не представляют собой срубов, стоящих в насыпи вала, отдельные бревна в них не перевязаны между собой, а лишь положены одно на другое и продавлены глиной или изредка прибиты гвоздями, иногда сделаны зарубки «в угол». Очевидно, все это приспособление было предназначено для того, чтобы облегчить насыпку вала и придать ему значительную крутизну.

Вся насыпь из желтой глины. В верхней части она содержит большое количество щебня — результат разрушения каменной стены, выходявшей за поверхность вала. Ниже идет прослойка погребенной почвы, а под ней желтая глина, постепенно уплотняющаяся по мере углубления. Под деревянными камерами находится прослойка черной земли с большим количеством угольков, керамики, костей, разбитого камня и кирпича. Этот культурный слой на глубине 3 м сменяется прослойкой глины без находок, под которой (на глубине 3.3 м) открыт деревянный настил, подобный настилам новгородских мостовых. Он идет вдоль всей стены, его доски почти перпендикулярны к стенке, с уклоном вниз (от горизонтали) к северу и западу. (На раскопанной площади уклон от наивысшей точки составляет 55 см на север и 34 см на запад). Вдоль стены поперек досок настила идет бревно, уходящее под фундамент стены. Концы досок настила придавлены поперечными лагами. Под верхним настилом обнаружен второй, отделенный от первого тонкой прослойкой глины. Сейчас нельзя еще окончательно решить вопрос о происхождении этих настилов. Весьма вероятно, что они служили для подвозки камня при строительстве.

В насыпи вала сделан ряд вещевых находок — фрагменты черной лощеной керамики московского типа (вверху насыпи), ромбовидный черешковый железный наконечник стрелы (на глубине 2.5 м), медный перстень с круглой печатью, на которой изображен геральдический лев (рис. 48) (на глубине 2.2 м), и другие находки.

В южной части раскопа, ниже слоя с настилами был заложен шурф,

Рис. 47а. Каменная стена Новгородского „окольного города“.

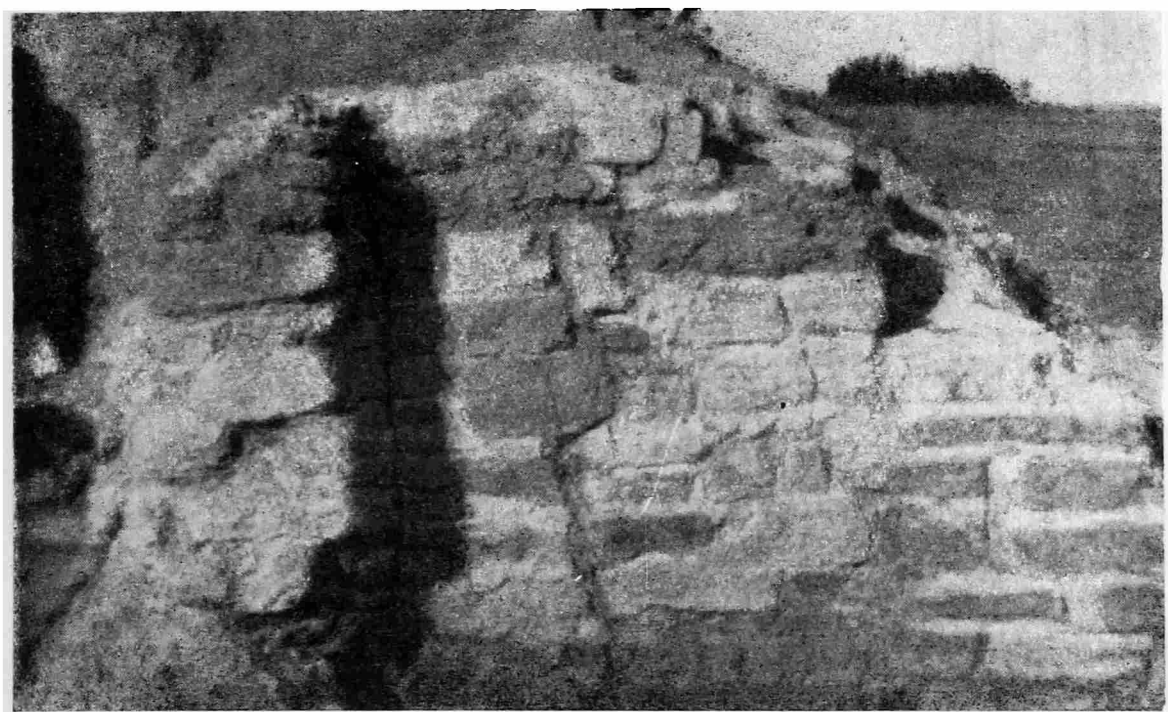

Рис. 47б. Врата Новгородского „окольного города“.

которым было установлено наличие культурного слоя с большим количеством вещевых находок и с деревянными сооружениями. Культурный слой в шурфе по находкам датируется не позже XIV в.³

На расстоянии 51.6 м к северу от раскопанной нами стены были обнаружены каменные ворота, построенные из тех же материалов, что и стена. Только в верхней части ворот имеется кирпич — результат починки XVII в. Ширина проезда ворот 4 м. Западная сторона северной половины ворот равна 2.65 м. (рис. 476). Дальше каменная кладка прекращается, и идет продолжение земляного вала. Толщина стен около 6 м. Раскопки не завершены. Судя по характеру засыпки ворот, это сделано после разрушения башен, вероятно в XVIII в.

До окончания раскопок уже можно высказать некоторые положения. По характеру кладки, подобной кладке церкви XIV в., по материалу — красноватому от содержания железа известняку, вышедшему из употребления в новгородском строительстве XV в., по культурному слою, на котором стоит стена, — ее можно датировать временем не позже XIV в. В раскопках 1932—1933 гг. на Славне был открыт участок каменной стены, построенной в 1335 г. «владыкой Василием со своими детьми с посадником Федором... и со всеми новгородцы». Стена, открытая на Славне, по характеру кладки состоящая из тонкой плиты, а не из крупных квадров, отличается от нашей. Поэтому пока нет оснований считать, что эти стены построены совершенно одновременно и одна является продолжением другой. Наиболее вероятным будет предположение, что каменные стены Новгородского «окольного города» были построены в разное время и никогда не составляли сплошной линии. Между каменными участками стен, поставленными на наиболее важных местах (там, где к городу подходили большие дороги — псковская и московская, или там, где весенние воды размывали земляной вал), находились деревянные и земляные укрепления. После утраты Новгородом самостоятельности московским правительством была предпринята реконструкция укреплений, и старые, начавшие разрушаться каменные стены были засыпаны земляным валом, по верху которого был поставлен деревянный острог. В числе обследованных каменных кладок в насыпи вала находятся фундаменты башен, сооруженных в 1391 г., когда, как сообщает летопись, было взято серебро у св. Софии с полатей «и уставиша костры каменны по обе стороны острога у всякой улицы». Эти

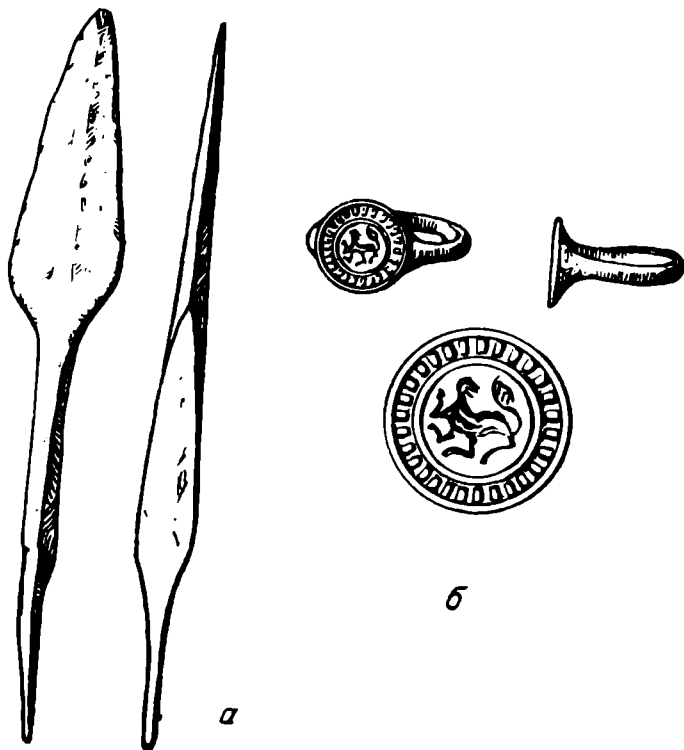

Рис. 48. Находки в насыпи вала.
а — железная стрела; б — медный перстень.

садником Федором... и со всеми новгородцы». Стена, открытая на Славне, по характеру кладки состоящая из тонкой плиты, а не из крупных квадров, отличается от нашей. Поэтому пока нет оснований считать, что эти стены построены совершенно одновременно и одна является продолжением другой. Наиболее вероятным будет предположение, что каменные стены Новгородского «окольного города» были построены в разное время и никогда не составляли сплошной линии. Между каменными участками стен, поставленными на наиболее важных местах (там, где к городу подходили большие дороги — псковская и московская, или там, где весенние воды размывали земляной вал), находились деревянные и земляные укрепления. После утраты Новгородом самостоятельности московским правительством была предпринята реконструкция укреплений, и старые, начавшие разрушаться каменные стены были засыпаны земляным валом, по верху которого был поставлен деревянный острог. В числе обследованных каменных кладок в насыпи вала находятся фундаменты башен, сооруженных в 1391 г., когда, как сообщает летопись, было взято серебро у св. Софии с полатей «и уставиша костры каменны по обе стороны острога у всякой улицы». Эти

³ В 1948 г. раскопки у стены были продолжены, в слое XI—XIII вв. открыты срубы, один из них, повидимому, баня с печью-каменкой.

фундаменты башен точно отмечают места старых улиц Новгорода и дают основание для уточнения многих сведений по топографии города.

В связи с тем, что в XIV в. Новгород достиг и пределов своего могущества и пределов своего территориального роста, внешняя оборонительная линия его с тех пор почти не меняла своего направления и в XVII в. проходила по тем же местам. Наличие хороших планов Новгорода XVII в. и наличие подробных описей его укреплений того же времени дает прочные основы для реконструкции внешнего пояса оборонительных сооружений Новгорода.

Открытая при раскопках стена является мощным и оригинальным сооружением и входит в число ценных древних памятников Новгорода. Обнаружение каменных стен новгородского «окольного города» заставляет по-новому взглянуть на некоторые вопросы истории русской фортификации. Представление о том, что до введения огненного боя стены укреплений были тонкими и постепенно утолщались в позднейшие времена, нужно признать устаревшим.

М. К. КАРГЕР

К ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ЗОДЧЕСТВА
(конца XII — начала XIII вв.)¹

1

В сентябре 1878 г. двое киевских кладоискателей получили разрешение произвести поиски на горе Кудрявец в усадьбе, принадлежавшей тогда митрополичьему дому. По всему пространству довольно обширной усадьбы, обратившей на себя внимание этих любителей легкой наживы, поверхность почвы содержала значительное количество древнего кирпичного и известкового щебня, местами представлявшего такие возвышения, которые могли образоваться только в результате разрушения в более или менее отдаленное время древних зданий. Особое внимание кладоискателей привлек стоявший в конце огорода, на самой окраине выдающейся к Подолу горы значительных размеров курган. С северной, восточной и южной сторон кургана были ясно видны давние рвы, которыми он был окружен. В 5—6 саженьях к западу и северо-западу начинался крутой обрыв ущелья, по которому идет Вознесенский (ранее Илларионовский) спуск, делающий в этом месте резкий поворот к Подолу. Курган был разрыт. Он оказался состоящим в основном из строительного щебня, под которым обнаружились остатки стен древнего здания. Обнаружив очертания стен постройки, кладоискатели продолжали углубляться в разных местах в поисках клада, подвергая сокрушительному разрушению остатки древнего здания.

Только когда слухи об открытии развалин древнего храма широко распространились по городу, хищники вынуждены были прекратить свои поиски и частично засыпать ямы, которыми была изрыта площадь постройки. Когда на место «раскопок» прибыли члены церковно-археологического общества при Киевской духовной академии во главе с П. А. Лашкаревым, работы кладоискателей были уже закончены, а раскопанный ими курган представлял ровную круглую площадь, имевшую в диаметре около 10 саж., с едва заметно выступавшими по середине остатками стен. Кладка стен и план их, а также характер строительного щебня, из которого в основном состояла насыпь кургана, не оставляли сомнений в том, что курган, раскопанный кладоискателями, послужил, по словам П. Лашкарева, «могилой одной из древнейших церквей Киева».

Во второй половине октября того же 1878 г. по поручению церковно-археологического общества в целях подробного обследования открытой кладоискателями древней постройки были произведены раскопки ее, до-

¹ Из материалов Киевской археологической экспедиции 1947 г.

статочно обстоятельно описанные П. Лашкаревым в январской книжке Трудов Киевской духовной академии за 1879 г.²

Приступая к раскопкам, исследователь, по его словам, имел сперва некоторые основания предполагать, что найдет остатки стен, сохранившихся еще до значительной высоты. Уровень, на котором они обозначились в кургане, казался возвышающимся от полутора до двух саженей над понижающейся вокруг него площадью горы. В случае, если бы остатки стен оказались имеющими приблизительно ту же высоту, исследователь надеялся найти на них более или менее значительные остатки фресковой живописи, о существовании которой свидетельствовали многочисленные обломки ее в засыпи кургана. Однако в этом отношении исследователя ждало некоторое разочарование. «Скоро мы должны были убедиться,— пишет он,— что если такие остатки орнаментов и были на стенах, пока курган был нетронут, то они успели исчезнуть под лопатами и ломami кладочискателей, изрывших внутренность церкви, особенно у ее стен. Все, что мы успели открыть при этом, ограничилось двумя-тремя незначительными кусками штукатурки, носившими следы самого незатейливого орнамента, или в виде лент, окаймлявших исчезнувшие рисунки снизу, как в северном алтарном полукружии, или в виде двух такого же назначения цветных полосок, проведенных параллельно одна другой и соединенных между собой цветными зигзагами, или, наконец, в виде незначительных остатков рисунка, изображавшего, повидимому, растение».³

Самые стены храма оказались уцелевшими на высоту до полутора аршин. Поставив перед собой задачу «определения плана и размеров церкви», а также «изыскания тех или иных данных для разъяснения ее первоначального сооружения и последующей судьбы», исследователь, по его словам, «очищал от щебня и мусора внутреннее пространство церкви, а отчасти [разрядка моя.— М. К.] и наружные стороны остатков ее здания».⁴

Открытые этими раскопками развалины церкви представляли в плане (рис. 49а) несколько вытянутый прямоугольник с тремя полуциркульными абсидами с восточной стороны. В середине здания сохранились остатки четырех древних подкупольных столбов.

Фундамент храма был заложен на глубину не более полуаршина. По словам П. Лашкарева, фундамент был заложен на слое битого и залитого известью кирпича, причем не в материке, а в наносной почве, перемешанной с остатками угля и пр.⁴ Как фундамент, так и остатки стен и столбов были сложены из кирпича на растворе извести с примесью толченого кирпича. Размер кирпича $7 \times 5 \times 1$ верш. От этой кладки сильно отличалась кладка простенков, соединявших северо-западный столб с северной и западной стенами. Первый из этих простенков сложен из того же кирпича, из которого сложены основные стены здания, но на обыкновенной известковой подмазке; второй простенок, между северо-западным столбом и западной стеной, был сложен также на обыкновенной известковой подмазке (без примеси толченого кирпича) и к тому же из кирпича совсем иной формы. Кирпич этот резко отличался своим размером ($6 \times 2\frac{2}{3} \times 1\frac{1}{2}$ верш.), а кроме того, имел одну особенность: одна из широких его плоскостей была покрыта продольными желобчатыми полосами, образовавшимися при обработке сырого кирпича пальцами. Оба эти простенка послужили для исследователя доказательством, что раскопанный им храм подвергался ис-

² П. Лашкарев Развалины церкви св. Симеона и Копырев конец древнего Киева, Тр. КДА, 1879, январь, стр. 96—121; позже перепечатано автором в его книге «Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты», Киев, 1898, стр. 160—187. Все дальнейшие ссылки сделаны на это издание.

³ П. А. Лашкарев. Ук. соч., стр. 164.

⁴ Там же, стр. 165—166.

правлениям в значительно более поздний период. Исправления эти, по мнению П. Лашкарева, не ограничивались добавлением упомянутых простенков. В массе щебня, из которого состоял курган, указанной формы кирпич встречался, по словам исследователя, «в таком огромном количестве, которое далеко не мог дать один небольшой простенок».⁵

Значительный интерес представляют наблюдения исследователя, сделанные при раскопках пола храма. Открытый внутри храма пол состоял из квадратных плиток разноцветной ценины (разм. $3\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2} \times \frac{1}{2}$ верш.),

уложенных на обыкновенной известковой подмазке в шахматном порядке. Местами он был выложен исключительно из обломков плиток различной величины и формы. Под уровнем сохранившегося пола обнаружались два ясно различавшихся пласта, состоявшие из мелкого щебня, золы и угля, нижний из которых, по мнению исследователя, лежал на предполагаемом горизонте первоначального пола храма.

Не встретив под сохранившимся полом никаких остатков пола древнего, а в нем самом встретив материал, очевидно, набранный из прежде существовавшего пола, исследователь пришел к выводу, что найденные им остатки пола представляют части древнейшего пола, впоследствии поднятые гораздо выше первоначального его горизонта.⁶

Сопоставляя раскопанную церковь с сохранившимися древними киевскими постройками, П. А. Лашкарев связывал ее по характеру плана с небольшими четырехстолпными церквями — Трехсвятительской, Успенской

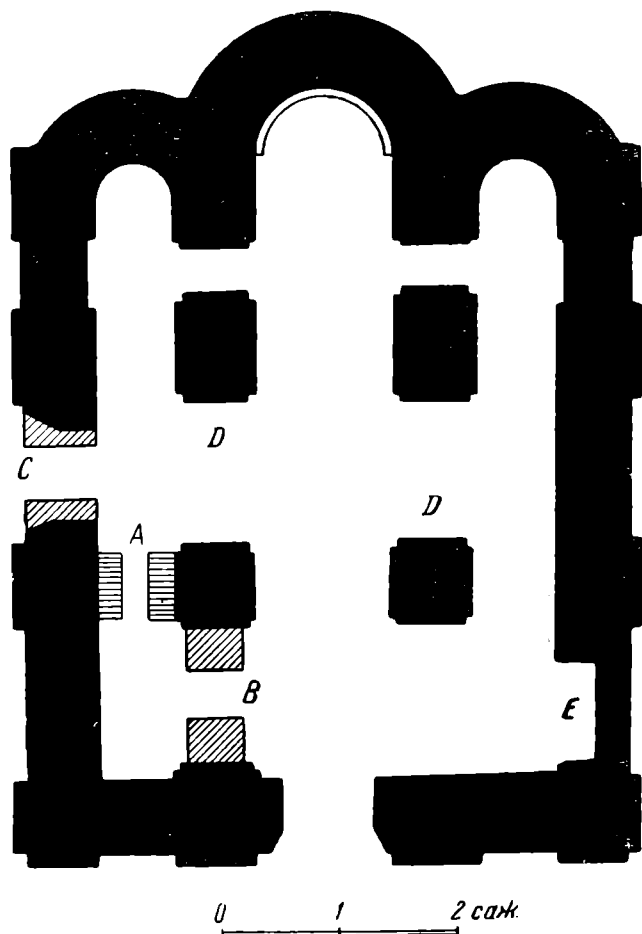

Рис. 49а. Киев. План храма на Вознесенском спуске

(по данным раскопок П. А. Лашкарева).

на Подоле, Лаврской надвратной и Предтеченской при Успенском соборе Печерской Лавры.⁷ Необходимо отметить, что памятники, привлеченные для сопоставлений, слишком разнохарактерны. Церковь Успения на Подоле П. А. Лашкарев ошибочно относил к типу четырехстолпных храмов. Церковь эта была в древности шестистолпной; западная пара ее столбов разрушена в позднее время. Надвратная церковь Печерской Лавры — памятник, план которого вызван специфическими особенностями надвратного здания. Церковь Иоанна Предтечи не являлась самостоятельной постройкой, будучи лишь приделом при Успенском соборе.

Только Трехсвятительская церковь, действительно, представляла довольно близкую аналогию раскопанному храму. Сам исследователь подчер-

⁵ Там же, стр. 166—167.

⁶ Там же, стр. 168.

⁷ Там же, стр. 170—171.

кивал, что по размерам употребленного в кладку кирпича раскопанный им храм ближе других подходит к Трехсвятительской церкви.⁸

Однако это правильное заключение не привело П. А. Лашкарева к датировке раскопанного храма XII в. Вопрос о дате храма исследователь целиком подчинил вопросу о его названии. Отвергая разноречивые попытки различных исследователей древнего Киева, пытавшихся локализовать Копырев конец и находившийся в нем монастырь Симеона то на Андреевской горе, то в нынешней Плоской части Киево-Подол, то в промежутке гор Щековицы и Киселевки, где Глубочица соединяется с Кожемяцким ущельем, П. А. Лашкарев, на основании анализа летописных упоминаний о монастыре Симеона в Копыревом конце, доказывал, что Копырев конец располагался в нагорной части Киева за Львовскими воротами, в местности, носившей тогда старое название Кудрявец. Раскопанные на обрыве горы, высящейся над Подолом, развалины храма П. А. Лашкарев и считал остатками церкви Симеона в Копыревом конце.⁹

О постройке этого храма и монастыря прямых летописных известий нет, но из летописного рассказа, повествующего под 1147 г. о смерти князя Игоря Ольговича, убитого восставшими киевлянами, можно узнать, кто был строителем монастыря. Летописец сообщает о том, что тело убитого князя, брошенное на торговище, по повелению тысяцкого было положено в церкви св. Михаила (на Подоле). Позже митрополит послал на Подол игумена Федоровского монастыря Онанию, который, прибыв в церковь Михаила, «виде нагого и облече, и отпе над ним обычныя песни везе на конец града, в монастырь святому Семеону, *бе бо монастырь отца его и деда Святослава, тамо положиша*».¹⁰

Судя по этому известию, строительство Симеоновского монастыря связывалось с деятельностью Святослава Ярославича, очевидно, не хотевшего отставать от своих братьев Изяслава и Всеволода, выстроивших свои фамильные «вотчи» монастыри — Изяслав в честь своего патрона Дмитриевский, а Всеволод — Михайловский-Выдубицкий.

Не поднимаю в настоящей статье вопроса о локализации Копырева конца, решенного П. А. Лашкаревым, на мой взгляд, в основном правильно, но не могу согласиться с тем, что раскопанные им развалины являются остатками церкви Симеона, выстроенной Святославом Ярославичем.

2

Слишком схематичный характер опубликованного П. А. Лашкаревым плана раскопанного храма, не вызывавшего доверия ко многим деталям постройки, полное отсутствие каких-либо фотографий, зарисовок или обмеров кладки здания, недостаточность данных о культурной стратиграфии участка, на котором выстроен храм, и отмеченная самим исследователем неполнота раскопок, охвативших в основном лишь внутренние очертания здания, — все это, наряду с признанием большого значения открытого раскопками 70-х годов памятника как для истории киевского зодчества домонгольского периода, так и для решения важнейших проблем древней топографии Киева, побудило нас включить развалины раскопанного П. А. Лашкаревым храма в план новых повторных раскопок.

Киевской археологической экспедиции АН СССР и АН УССР за время ее работы приходилось уже не раз ставить в число своих задач, наряду с раскопками новых, не затронутых более ранними работами участков города, и раскопки таких памятников, которые уже были объектами

⁸ Там же, стр. 171.

⁹ Там же, стр. 174—187.

¹⁰ Ипат. лег. под 1147 г.

археологических исследований, но вследствие недостаточной методической подготовленности исследователей или вследствие вынужденной ограниченности их задач нуждались в повторных или дополнительных исследованиях.

Что постановка подобных задач может вознаградить исследователя неожиданными результатами, доказывают итоги наших повторных раскопок развалин Десятинной церкви, уже дважды до этого подвергавшихся раскопкам (К. Лохвицким в 1824 г. и Н. Ефимовым в 1826 г.), повторные раскопки восточной части Выдубицкого собора, произведенные в 1916 г. В. П. Пешанским и А. Д. Эртелем, повторные раскопки вскрытых К. Лохвицким развалин на Иорданском ручье и пр. Необходимость повторных раскопок открытых в XIX и начале XX вв. развалин некоторых киевских дворцов, древних храмов и крепостных сооружений совершенно очевидна каждому, кто знаком с методикой раскопок и характером документации их в работах Лохвицкого, Турчаниновой, Ставровского и даже внесшего очень много в дело изучения древнего Киева В. В. Хвойки.

Местоположение развалин раскопанного П. А. Лашкаревым храма было основательно забыто. За семьдесят лет, отделяющих нас от раскопок 70-х годов, облик района, о котором идет речь, весьма существенно изменился. На месте митрополичьего огорода выросло во второй половине XIX в. большое трехэтажное здание Семинарии (ныне Киевский художественный институт). Ниже, у обрыва горы над Подолом, также сооружено несколько кирпичных и деревянных построек. Изменился и профиль древнего спуска на Подол (Илларионовский, позже Вознесенский спуск, ныне ул. Смирнова), сохранившего, однако, свое старое направление.

Местоположение раскопанного в 70-х годах храма некоторые киевские археологи связывали с небольшим бугром на усадьбе Киевского художественного института, под дерновым покровом которого действительно лежит сплошной завал древнего строительного щебня. Однако обстоятельное описание топографического расположения «кургана», заключавшего в себе развалины, сделанное П. А. Лашкаревым, не позволяло считать «бугор» в саду Художественного института остатком «кургана», раскопанного в 1878 г. Раскопки этого «бугра», проведенные Киевской экспедицией в том же 1947 г., увенчались открытием развалин нового трехнефного храма второй половины XI в.

Пользуясь описанием П. А. Лашкарева, место его раскопок удалось обнаружить без особых трудностей. На развалинах храма стояла до войны деревянная постройка служебного характера, сожженная затем дотла. Водопроводная магистраль, подведенная к этой постройке, частично разрушила южную стену и юго-западный столб храма. Развалины храма, несмотря на значительную спланированность местности для постройки здания, все же несколько возвышались над уровнем окружающей поверхности горы, что и позволило обнаружить их в первом же разведочном шурфе.

Вскрытые раскопками 1947 г. развалины находились в значительно худшем состоянии по сравнению с тем, которое описано П. А. Лашкаревым. Стены храма, высота которых в 1878 г. достигала полутора аршин (т. е. около 1 м), к 1947 г. сохранились в среднем лишь на высоту около 0.5 м. В состоянии значительно большего разрушения были обнаружены подкупольные столбы храма. Какими-то земляными работами почти полностью была уничтожена центральная абсида храма, включая и фундамент ее. Тщательными наблюдениями в процессе раскопок удалось проследить лишь незначительные остатки ее внутренней линии. В редчайших случаях удавалось проследить *in situ* поливные плитки пола и еще реже фрагменты фресковой росписи на стенах здания.

Кирпичная кладка стен отличалась также крайне плохой сохранностью. Кирпич в большей части настолько отсырел и раскис, что легко резался ножом. Расчистка поверхности стен снаружи и внутри требовала чрезвычай-

чайной осторожности, ибо плотно слежавшуюся, раскисшую массу кирпичного щебня иногда с трудом можно было отличить от кирпичной кладки.

Раскрытые полностью в течение августа 1947 г. развалины храма по ряду своих особенностей были столь неожиданными, что в процессе работы порой возникало даже сомнение в тождестве этих развалин с храмом, вскрытым в 1878 г., сомнение, которое, однако, нужно полностью отбросить.

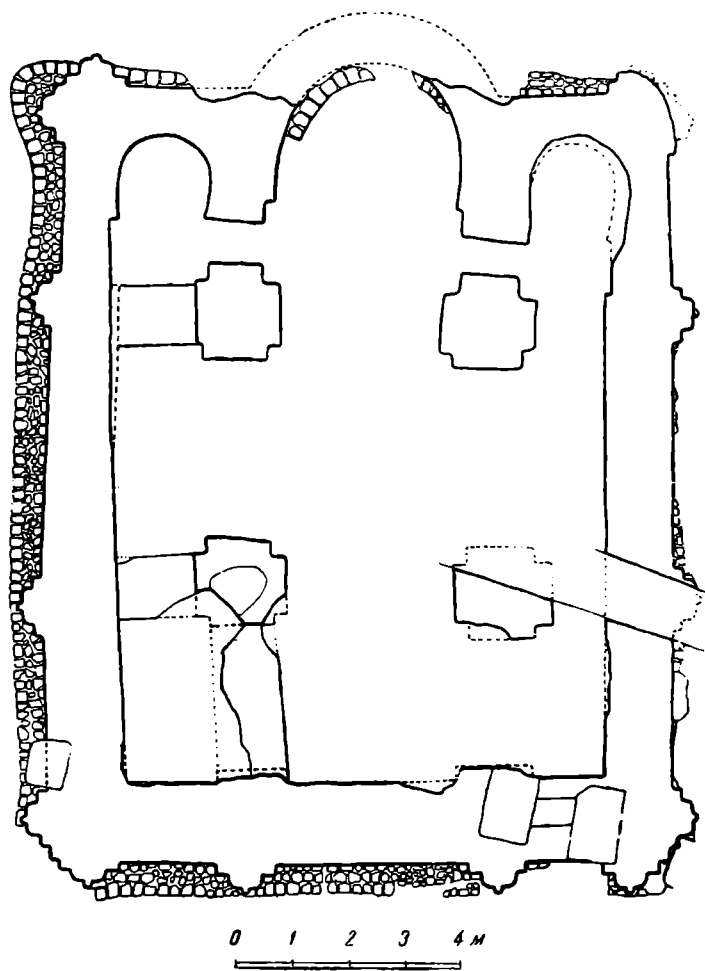

Рис. 496. Киев. План храма на Вознесенском спуске (по данным раскопок 1947 г.).

Неожиданным оказался прежде всего план храма (рис. 496). Представляя в плане прямоугольное, несколько вытянутое по оси восток — запад здание с четырьмя крещатыми столбами в середине,¹¹ раскопанный нами храм оказался снаружи не трехабсидным, как это показано на чертеже П. А. Лашкарева, а одноабсидным. Только средняя абсида храма представляла полуциркулярный выступ, выдвинутый на восток. Обе боковые абсиды, имея полуциркулярную форму внутри здания, снаружи имели прямоугольную форму, представляя как бы выемку в толще восточной стены храма (рис. 50а). Эта необычная для киевского зодчества особенность плана сочетается со столь же необычной декорровкой фасадов, также оставшейся незамеченной во время раскопок 1878 г. На всех фасадах храма отлично сохранились лопатки сложного профиля, представляющие как бы приставленную к лопатке широкую и несколько плоскую полуколонку, к которой в свою очередь приставлена тонкая полуколонка. Получающиеся

¹¹ Длина постройки — 13.60 м (без абсиды); абсида выступает на 1.50 м, ширина постройки 11.20 м.

Рис. 50а. Киев. Развалины храма на Вознесенском спуске.
Восточная часть храма.

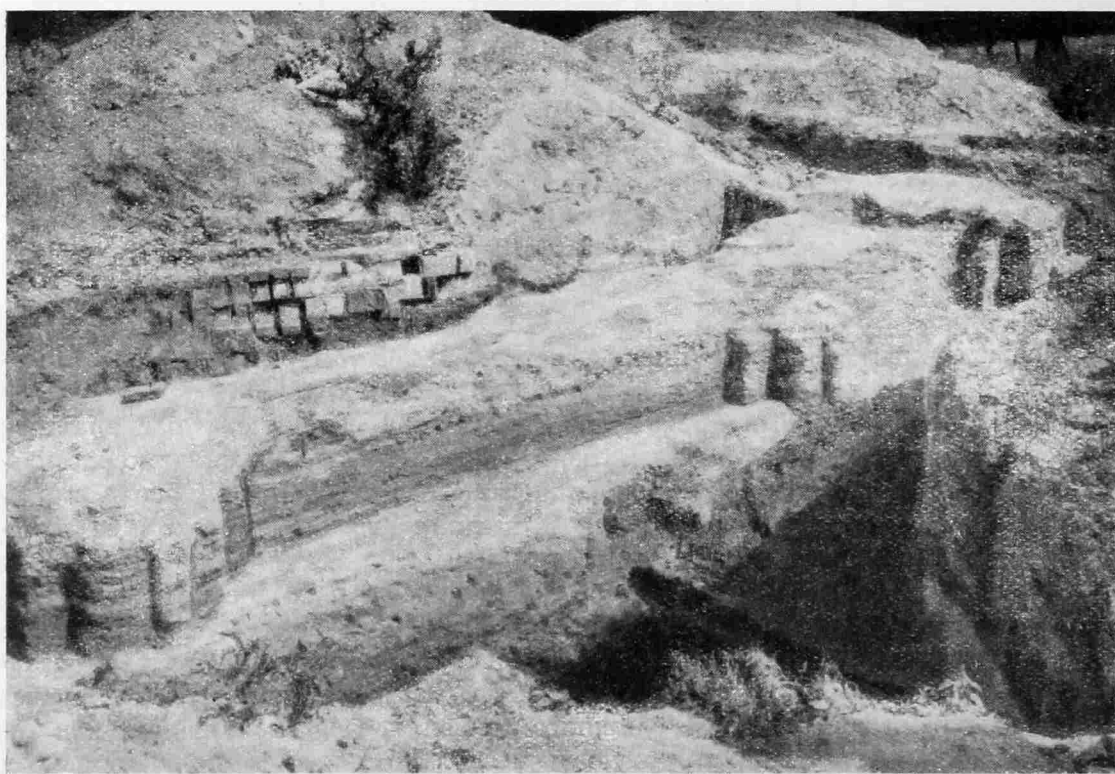

Рис. 50б. Киев. Развалины храма на Вознесенском спуске. Западный фасад.

в результате так называемые «пучковые пилястры» образуют, особенно на углах здания (рис. 51), многократно повторенные вертикальные линии, придавая фасадам здания чрезвычайную пластичность и подчеркнутую вертикальность основных членений.

Четыре лопатки западной стены (рис. 50б) и четыре лопатки северной стены сохранились полностью; почти совершенно разрушенной оказалась лопатка на юго-восточном углу храма и частично разбита лопатка южной стены против юго-западного столба храма. Так как открытие стен с наружной стороны требовало, по словам Лашкарева, издержек и времени, превышавших те средства и то время, которыми он располагал, исследователь ограничился «очисткой наружной северной стены», в которой он обнаружил следы дверей.¹² Приходится думать, что «очистка наружной северной стены» ограничилась раскопкой возле самых дверей, т. е. лишь средней части среднего членения стены, в противном случае исследователь не мог бы не заметить столь исключительных по своей форме лопаток, которые как на северной, так и на западной стене сохранились отлично.

Необходимо сделать еще несколько замечаний по вопросу о плане храма. Как видно из сравнения плана П. А. Лашкарева с публикуемым здесь новым планом, основные пропорции здания план 1878 г. передает весьма неточно. Важнейшие ошибки плана 1878 г. состоят в следующем: подкупольный квадрат сильно уменьшен по сравнению с его подлинной площадью; сильно искажена форма восточных столбов, показанных на плане вытянутыми по оси восток — запад, чего в действительности нет; все четыре столба в действительности имеют в плане более сильно выраженную крещатость; преувеличенной на плане Лашкарева показана толщина стен; неверно передана площадь западных членений храма, которая по плану Лашкарева превышает соответствующие членения средней части храма, хотя в действительности подкупольный квадрат и средние членения боковых нефов, наоборот, значительно больше по площади, чем соответствующие западные членения; неверно передано соотношение среднего и боковых нефов.

Все перечисленные неточности, появившиеся, очевидно, в результате не только схематичности, но и явной небрежности обмеров раскопанного памятника, наряду с недоисследованностью наружных частей здания, привели к искажению основных элементов плана и упрощению декоративных осо-

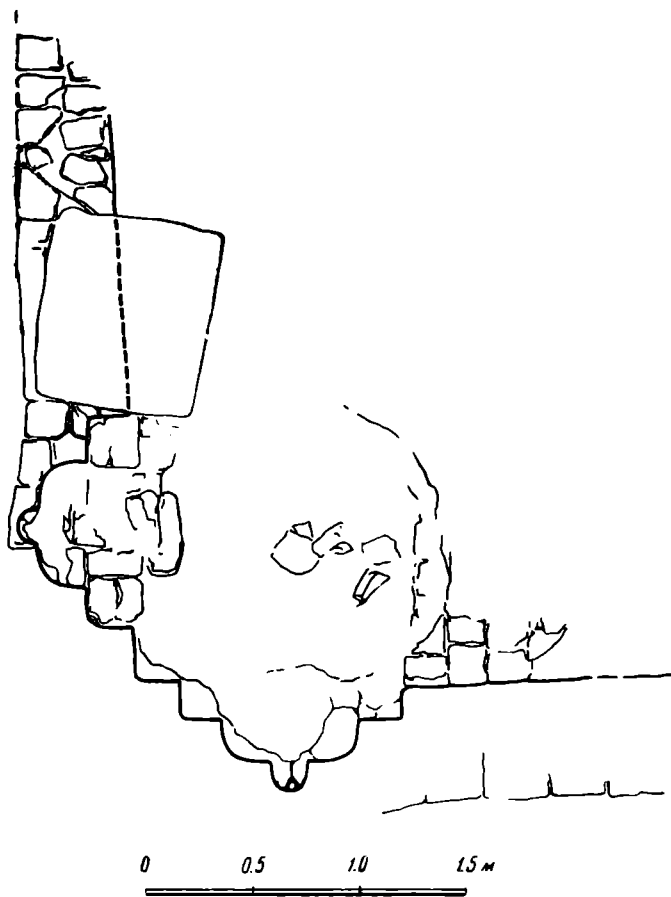

Рис. 51. Киев. Развалины храма на Вознесенском спуске. Угловые лопатки западного и северного фасадов (деталь).

¹² П. А. Лашкарев. Ук. соч., стр. 168.

бенностей его фасадных членений. Опубликованный П. А. Лашкаревым план, многократно переиздававшийся в различных общих обзорах истории русского зодчества, давал весьма искаженное представление о характере памятника и не позволял определить действительное место его в истории киевского зодчества домонгольского периода.

Наблюдения над строительной техникой, сделанные в процессе раскопок и изучения памятника, позволили значительно уточнить его дату. Все стены и столбы храма сложены из плоского кирпича сравнительно небольшого размера ($0.28 \times 0.20 \times 0.045$ м) на растворе извести с примесью толченого кирпича.

Техника кладки стен относится к хорошо известному типу киевской кладки, которая характерна для памятников середины XII — начала XIII вв. Эта техника, в отличие от предшествующих разновидностей кладки, характерных для X — начала XII вв., представляет равнослойную кладку без применения камня и без чередования рядов кирпича, лежащих в плоскости фасада, с рядами кирпича, утопленными в кладке и прикрытыми раствором с гладко затертой почти мраморовидной поверхностью.

Как размер и формы кирпича, так и самая система кладки не оставляют ни малейших сомнений в том, что храм на Вознесенском спуске относится к последнему периоду киевского зодчества. Таким образом, судя по техническим особенностям, постройка храма может быть отнесена ко времени не ранее середины или второй половины XII в.

Своеобразные особенности были обнаружены при исследовании фундаментов стен и столбов храма. В здании нет ленточных фундаментов, характерных для более ранних периодов киевского зодчества. Фундамент стен и столбов заложен в культурном слое на весьма небольшую глубину (0.30—0.35 м) и представляет четыре или пять рядов кирпичной кладки, однако не на растворе извести, как обычно, а на чистой зеленой глине. Утверждение П. А. Лашкарева о том, что фундамент заложен на слое битого и залитого известью кирпича,¹³ не подтвердилось. Любопытно, что вокруг всей внешней линии стен сделана кирпичная вымостка в два-три ряда кирпича, служившая, повидимому, для предохранения фундамента от проникновения влаги с поверхности земли (рис. 496).

Исследование плохо сохранившихся остатков простенков, соединявших северо-западный столб с северной и западной стенами, подтвердило наблюдения П. А. Лашкарева о более позднем происхождении этих частей здания, появившихся, очевидно, в результате реставраций и переделок. Незначительные остатки аналогичной кладки были обнаружены нами и между северо-восточным столбом и северной стеной.

Никаких следов дверных проёмов на западном и северном фасадах здания обнаружить не удалось. Повидимому, описанные П. А. Лашкаревым западный и северный входы находились выше уровня сохранившейся ныне кладки этих фасадов. Не была обнаружена и ниша в западной части южной стены, которую Лашкарев считал аркосолием для установки гробницы строителя храма.

В процессе раскопок были собраны многочисленные фрагменты поливных плиток пола различных цветов, фрагменты фресковой росписи, обломки шиферных плит, куски свинцовых листов с кровли здания и другие образцы строительных материалов.

Необычный для киевского зодчества план храма на Вознесенском спуске с прямоугольными снаружи боковыми абсидами, сочетающийся со своеобразным приемом декорации фасадов «пучковыми пилястрами», невольно вызывает в памяти архитектурные памятники Смоленска.

«Пучковые пилястры», являющиеся столь выразительной особенностью

¹³ П. А. Лашкарев. Ук. соч., стр. 165.

декоративного оформления фасадов раскопанного нами храма, были весьма распространенной и характерной чертой смоленского зодчества XII в. Они известны на фасадах княжеской церкви Михаила архангела в Свирской слободе, выстроенной около 1194 г. князем Давидом Ростиславичем,¹⁴ на фасаде развалин храма XII в. на р. Рачевке,¹⁵ на фасаде развалин церкви того же времени на Воскресенском холме.¹⁶ Под прямым воздействием смоленских оригиналов эта декоративная особенность проникла однажды в Новгород, где зодчий церкви Параскевы-Пятницы на Торгу и в отношении плана и в отношении оформления фасадов явно копировал смоленский храм Михаила.¹⁷ Повидимому, под воздействием смоленских оригиналов пучковые пилястры характерных для Смоленска профилей появились в церкви Бориса и Глеба в Гродно¹⁸ и в выстроенной киевским князем Рюриком Ростиславичем, братом Давида Ростиславича — строителя смоленской церкви Михаила, церкви Василия в Овруче.¹⁹

Применение прямоугольных снаружи и полуциркульных внутри боковых абсид является характерной особенностью не только смоленской, но и соседней полоцкой архитектурной школы, в чем некоторые исследователи усматривали проявление близости этих школ между собой.²⁰ Сочетание характерного для смоленской школы приема декоративного оформления фасадов со смоленской же особенностью в плане здания позволяет видеть в храме на Вознесенском спуске результат прямого воздействия смоленских архитектурных традиций. Установленная раскопками 1947 г. своеобразная техника кладки фундаментов на глине, заменявшей известковый раствор, имеет также смоленское происхождение. Эта техника широко применялась в смоленских постройках конца XII и начала XIII вв.

Неожиданный и исключительный для киевского зодчества облик храма на Вознесенском спуске может быть понят только в обстановке последнего периода истории Киева, накануне монгольского завоевания. Уже с середины XII в. Киев постепенно утрачивал значение общерусской столицы. Для политической и культурной истории Руси во второй половине XII в. характерно бурно растущее значение ряда крупнейших городов — удельных столиц, оттесняющих древнюю столицу Руси на второй план. Некогда законодатель в области культуры и искусства, Киев в течение XII в. постепенно теряет эту роль. Зодчество Киева, сыгравшее в XI — начале XII вв. столь значительную роль для формирования всех без исключения локальных школ, во второй половине XII в. уступает свое передовое место Галичу на юго-западе, Владимиру и Суздалью на северо-востоке, Новгороду и Смоленску на северо-западе.

Недостаточность наших знаний о киевском зодчестве конца XII — начала XIII вв. не позволяла доньше ставить вопрос об обратном влиянии окончательно созревших в это время локальных школ на киевскую архитектуру конца XII — начала XIII вв.

Раскопанный на Вознесенском спуске в 1947 г. храм позволяет сделать первую попытку в этом направлении.

¹⁴ М. Шчакаціхін. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва, т. I, Менск, 1928, таб. 17.

¹⁵ И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КС ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 22—23; рис. 20.

¹⁶ Там же, стр. 22. Ср. И. М. Хозеров. Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска. Seminarium Kondakovianum, II, Прага, 1928, стр. 355—356, рис. 2.

¹⁷ М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946, стр. 47.

¹⁸ J. Jodkowski. Swiatynia warowna na Kolozy w Grodnie. Grodno, 1936, рис. на стр. 16.

¹⁹ М. К. Каргер. «Зодчество древнего Смоленска». С. А., XIII. Січинський. Архітектура старокнязівської доби. Прага, 1926, рис. 63—64.

²⁰ М. Шчакаціхін. Ук. соч., стр. 98; Н. Брунов. Беларуская архітэктурa XI—XII ст. Зборнік артыкулаў. Менск, 1928, стр. 292—293.

Н. Н. ВОРОНИН

РАСКОПКИ В ГРОДНО¹

1

Раскопки в Гродно, проведенные польскими археологами на холме Старого замка в 1932—1939 гг., возникли стихийно. В связи с реставрацией дворца Стефана Батория была поставлена задача укрепить берег Немана и склоны холма. Земля для этих инженерных работ сносилась с площадки замкового двора. При этом и были обнаружены в соседстве с крепостной стеной времени Витовта остатки здания XII в., названные «теремом». Последующие «раскопки», проводившиеся с 1933 г. под руководством хранителя Гродненского музея И. Иодковского, носили совершенно ненаучный, хищнический характер. Никакой фиксации находок и изучения стратиграфии не велось. «Терем» был, таким образом, вырван из своей археологической среды; так же была отрезана от окружающего слоя верхняя церковь XIV в. и открытая позже нижняя церковь XII в. После Иодковского руководство раскопками было поручено варшавскому археологу Э. Дурчевскому, работавшему в 1937—1939 гг. и раскрывшему значительный участок в западной половине холма с применением достаточно точной методики. Война прервала раскопки, а во время немецкой оккупации полевые документы раскопок оказались почти полностью уничтоженными, коллекции же были разрознены и расхищены. Почти единственным материалом отчетного характера являются краткие информационные статьи, опубликованные Иодковским и Дурчевским в польской прессе.² Предварительное упорядочение коллекций провел по поручению Белорусской Академии Наук в 1945 г. проф. В. И. Голубович. Огромный керамический материал и масса остеологических остатков остаются пока в хаотическом состоянии. Таким образом, разрозненность коллекций и почти полное отсутствие полевых чертежей и записей крайне обесценивают уцелевшие материалы и делают условными излагаемые ниже выводы.

¹ Краткий отчет о командировке летом 1947 г. по поручению ИИМК с целью предварительного изучения материалов польских раскопок 1932—1939 гг.

² Основные публикации: J. Jodkowski, Grodno wczesnosredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych (1932—1933), отгиск из «Przeglądu historyczno-wojskowego», z. 1, t. VII. Warszawa. 1934. (сокр. G. W.); его же, O znakach na cegle «teremu» książeczego w Grodnie, отгиск из «Wiadomości numism.-archeol.» t. XV, 1933. Krakow. 1934 (сокр.: O znakach); J. Wojciechowski, Stary zamek w Grodnie, отгиск из «Biulityn historii sztuki i kultury». R. VI. Warszawa. 1938 (сокр. W); Z. Durczewski, Stary zamek w Grodnie w świetle wykopalisk, dokonanych w latach 1937—1938, отгиск из «Niemna», № 1 за 1939 г. Grodno (сокр. D. S. Z.); J. Jodkowski, Świątynia warowna na Kotoży w Grodnie. Grodno. 1936 (сокр. S. W.); Spawozdanie z prac na Starym zamku w Grodnie w 1933—1937. Grodno, 1938.

Старый замок занимает высокий мыс при впадении речки Городничанки, поднятый над уровнем Немана на 32 м; за Городничанкой — холм, занятый Борисоглебской церковью XII в.; с востока, за глубоким оврагом — пониженное плато Нового замка. Общая площадь, вскрытая на дворе Старого замка, составляет более 1500 м при глубине от дневной поверхности до материка в 8 м. Таким образом, культурный слой составляет четвертую часть общей высоты замкового холма. Верхняя зона слоя

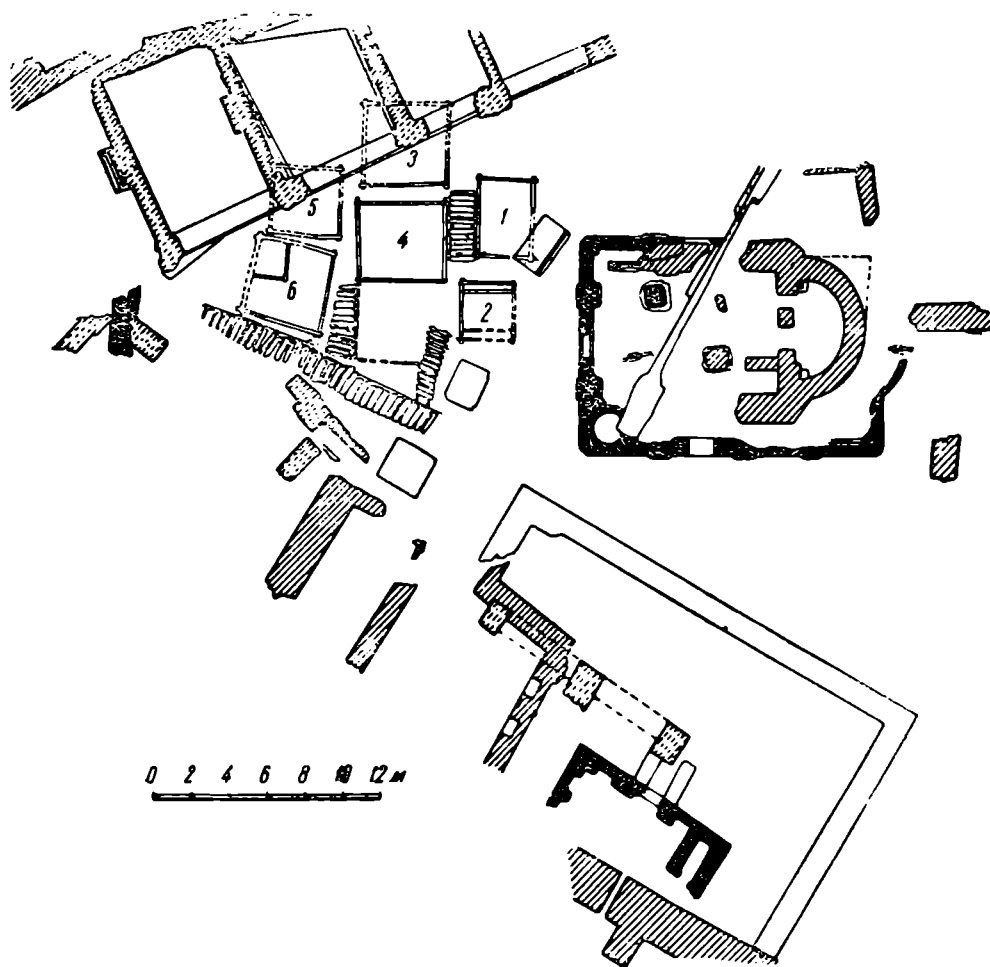

Рис. 52. План раскопок в Гродно (по Я. Войцеховскому).

Черное — постройки XII в.; штрих — время Витовта; пунктирная штриховка — время Батория; без штриховки — позднейший период. Деревянные строения слоя III.

от 3 до 3.5 м представляла тягчайший завал строительных остатков позднего времени; ниже шли слои XV—XII столетий. Общее представление об открытых сооружениях дает часть генерального плана раскопок на рис. 52. В западной половине площади, систематически раскопанной Дурчевским, изучен слой XV—XII вв. мощностью до 4.5 м, обильный остатками деревянных жилых и хозяйственных построек и вещевыми находками. Его верхнюю зону представлял не вполне ясный по происхождению мощный пласт, называемый в записях то «византийским песком», то слоем «песок-дерево». Это, видимо, след больших нивелировочных работ времени Витовта. Нижележащая зона была расчленена на 12 слоев «дерева». Установленные по сохранившимся этикеткам вещей абсолютные отметки этих слоев вызывают много недоумений. Как видно на стратиграфической схеме (рис. 53), слои не идут последовательно один за другим, но

порой совпадают по глубине залегания. Любопытно, что в сохранившейся в Музее экспозиционной схеме стратиграфии (на нашей схеме — справа) отсутствовало указание на границу слоя древнерусского города. В своей краткой информационной статье, изданной еще до окончания раскопок, Дурчевский считал, что эта граница между русским и литовским периодами в жизни Гродно, определяемая серединой XII в., лежит в уровне VI слоя его системы. Таким образом, большая половина культурных напластований горы Старого замка была отнесена к литовскому времени XIII—XV вв. Однако, как выясняется из точного учета находок, нижние «литовские» слои IV, V и VI содержат наибольшее количество стеклянных браслетов и шиферных пряслиц (рис. 53, табличка слева), что никак не позволяет принять определение Дурчевского. Кроме того, строительные остатки и слои разрушения зданий XII в. позволяют поддерживать это возражение. Кирпичный щебень и известь в слоях VIII—VI относятся не к разрушению нижней церкви (1183 г. или 1241 г.), а к строительству ее (или «терема»); целые же куски обрушившихся стен храма были обнаружены в слое V. Все это позволит, повидимому, поднять верхнюю границу слоев русского Гродно до слоя IV включительно. Это существенно меняет соотношение двух исторических этапов в жизни Гродно.

3

Не имея возможности в этой заметке дать в какой-либо мере полную характеристику всего археологического материала русских слоев Гродно, достаточно охваченного в перечнях в статье Дурчевского, отметим, что он в своей основной массе очень типичен, и остановимся лишь на наиболее интересных моментах.

Нижние слои XII—XI очень незначительны (вместе 25—30 см) — вероятно это лишь пятна слоя в углублениях материка. Керамика, повидимому, исключительно гончарная, курганного типа; лепной нет.³ Это говорит о позднем возникновении поселения на Замковой горе. В XI слое еще нет стеклянных браслетов, но наряду с глиняными и серо-шиферными есть пряслица розового шифера.⁴ В слое X уже имеются стеклянные браслеты; найдена поливная писанка киевского типа, литейные формочки для ложнозерненных бус и небольших круглых бляшек с изображением птицы и четвероногого. Здесь, как и в слое IX, следы кирпичного строительства — вероятно нижней церкви, которая построена, очевидно, вскоре по возникновении поселения. В слое IX встречены следы первых деревянных построек, срубных, 4 × 4 м, со следами забора и мостового настила между ними; все строения располагались к западу от храма.

Характер нижних слоев позволяет предположить, что Гродно возникло не в X—XI вв. при походах Владимира или Ярослава на ятвягов (983 и 1038 гг.),⁵ а в начале XII в. в связи с энергичными действиями в 1112 г. Ярослава Святополчица Волынского.⁶ Сама династия гродненских князей принадлежит к волынской ветви (Игорь Ярославич, Давид Игоревич, Всеволодко Давидович). Повидимому, после женитьбы на дочери Мономаха Агафии (1116 г.) Всеволодко получает далекий удел на Немане и отстраивает его столицу — Гродно.⁷

³ Возможно, что при остальной обработке будут встречены иные типы керамики местного до-русского населения.

⁴ О датировке пряслиц см. Б. А. Рыбаков, Овручские пряслица. Доклады и сообщения Историч. факультета МГУ, вып. IV, М., 1946, стр. 26.

⁵ Е. Орловский. Гродненская старина. Гродно, 1910, стр. 20.

⁶ А. М. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли до XIV в. Киев, 1887, стр. 118.

⁷ Там же, стр. 106—116.

	Пряслица			Стек.	Стек.
	глин.	сер. сл.	поз. сл.	брас.	перстни
I				5	
II	1	1	8	2	
III	3	2	2	5	
IV	1	8	15	13	1
V	—	7	8	40	
VI	—	6	23	109	
VII	—	6	19	111	
VIII	1	3	5	34	
IX	—	3	3	4	
X	1	6	3	3	
XI	3	12	1	—	
XII	—	—	—	—	

Граница слоя русского города
сер. XIII в.

Обломки стен нижней ц.

Уровень фундамента „Терема“
Ур. кирпич. кладки нижней ц.

Слой кирпич. щебня и извести
Ур. фундамента нижн. ц.

0
1933 г.
1918 г.
По 1795 г. слой русский
Слой XVIII в.
Слой второй пол. XVII в.
Мостовая батарея
Слой XV-XVI вв.
2
Ур. пола верхней ц.
Мостовая витофта
Ниделир. песок
3
Слой литовского города
XIV-XIII вв.

„Песок-деревя“
• Δ. I
• Δ. II
• Δ. III
„Песок-бизантийский“

6
Нижняя граница строит мусора
нижней ц.

Уровень пола нижней ц.

Граница слоя русского
города кон. XII-сер. XIII вв.

• Δ. IV
• Δ. V
• Δ. VI
• Δ. VII
• Δ. VIII
• Δ. IX
• Δ. X
• Δ. XI
• Δ. XII
Материк

Рис. 53. Схема стратиграфии. Справа от шкалы масштаба — данные польской экспозиционной схемы и расположение слоев по Э. Дурчевскому; слева — дополнения и поправки к стратиграфии и таблица датированных находок.

Слои *VIII* — *IV*, как сказано выше, относятся к XII — началу XIII вв. Отметим наиболее интересные находки. В слое *IX* был найден фрагмент шитого золотом пояса с подвешенными к нему ключами (известен лишь по рисунку). В слое *VIII* наряду с многочисленными находками зерен злаков (рожь, просо, горох) интересен железный сошник. В слое *VII* бросается в глаза обилие литейных форм для ложнозерненных бус, для звездчатой подвески и отливки перстня с орнаментом. Неизвестно, найдены ли они в разных местах или вместе. Соблазнительно думать, что они принадлежали одному мастеру, которому, может быть, следовало приписать и изготовление двух бронзовых, небольших, вероятно церковных, сосудов (кол. № 2974 и 3593). На одной из формочек — знак рюриковичей, не имеющий пока точной атрибуции, но сближающийся со знаками типа «процветшего креста», известного по ряду произведений прикладного искусства XII — XIII вв. (медальоны «барм», симбирский топорик ГИМ).⁸ Здесь же найдено шиферное пряслице с двухстрочной надписью, приведенной у Дурчевского: «г[оспод]и помози рабе своей и не дай...» [далее нечитаемый знак].⁹

Слои *VI* — *IV* особенно богаты типичными для города XII — XIII вв. находками. Здесь 162 обломка стеклянных браслетов, 46 шиферных пряслиц, много бус, янтаря, костяных поделок и пр. В вышележащем (литовском) слое *III* количество этих предметов резко падает, а костерезное дело, развиваясь, приобретает особый облик. Прекрасная сохранность дерева обеспечила обилие находок бытовых деревянных вещей; особо отметим игрушечный меч с треугольным набалдашником, найденный в *IV* слое.¹⁰ К *IV* слою принадлежала ныне исчезнувшая пластина красной меди с выгравированным изображением св. Симеона (богоприимца) в медальоне и ленточном плетеном орнаменте (рис. 54, а). Подобная пластина с изображением апостола Павла, но в окружении не ленточного плетения, а растительного орнамента (рис. 54, б), лишена стратиграфического определения; однако сходство размеров, техники и стиля несомненно связывает оба эти произведения прикладного искусства. Их дата, по палеографическим признакам, конец XII — начало XIII вв.¹¹ Пластины представляли части оправы какого-то большого, возможно деревянного, сосуда (или двух парных). Гнезда от гвоздей — рваные, пластины погнуты — видимо их грубо «облупляли» с их основы. Может быть, это документ татарского разгрома Гродно 1241 г. Эта находка лишней раз убеждает, что слой *IV* является верхней границей слоев русского Гродно и относится к первой половине XIII в.¹²

Во всех русских слоях было вскрыто 16 деревянных построек: в слое *IX* — 4 (№ 20—23), в *VIII* — 2 (№ 18—19), в *VII* — 2 (№ 16—17), в *V* — *IV* — 8 (№ 8—15). Это преимущественно срубы 4 × 4 м с мшоновыми стенами и двухскатной кровлей на стропилах; бревна русских строений толще, чем в постройках верхних слоев; Дурчевский указывает, что последние во всем подобны русским,¹³ так что общее представление о

⁸ А. А. Спицын. Декоративные топоры. ЗОРСА, XI, Пг., 1915, стр. 222, табл. рис. 5; А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XVI (3 и 5), XXV, XXVII (10—13), XXXII—XXXIII, XXXIV (14), стр. 69, 76, 77, 81, 82.

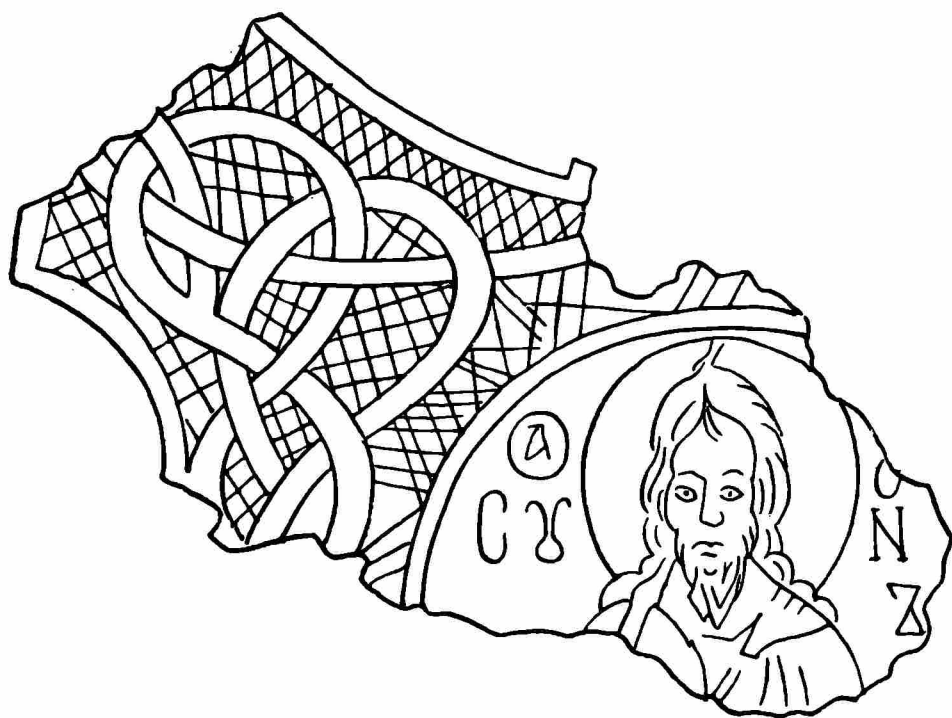
⁹ D. S. Z., стр. 14.

¹⁰ Подобный издан G. W., стр. 16; аналогичный из раскопок в Старой Ладоге.

¹¹ Определение М. В. Щепкиной, которой приношу сердечную благодарность.

¹² Изображение Симеона встречается на ряде дрогичинских пломб и печатей, иногда вместе с изображением княжеского знака, подобного знаку на гродненской матрице, а иногда вместе с изображением Бориса и Глеба — патронов сыновей Всеволодки. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, в. 1, Л., 1928, стр. 98—103 и табл. XXV, № 2 и 3.

¹³ D. S. Z., стр. 4—5 и 11.

а

б

Рис. 54. Медные пластинки из слоя IV.

а — прорись пластины с изображением Симеона (рис. Гродненского музея); б — пластина с изображением апостола Павла.

характере застройки могут дать план Я. Войцеховского, где показаны деревянные строения III слоя (рис. 52), и фото, изданные Дурчевским.¹⁴ Он отметил также, что в литовское время застройка была гуще, чем в русском Гродно; может быть это объясняется тем, что Гродно XII в. было княжеской цитаделью города, в которой обитало лишь ограниченное количество воинов, слуг и ремесленников при дворе князя.

4

Особое значение представляют открытые раскопками кирпичные постройки XII в., получившие поверхностное и часто неверное толкование в названных выше публикациях.

Нижняя церковь вскрыта лишь частично; стены уцелели на высоту до 4 м. Фундамент — из булыжника насухо. Кирпич ($26 \times 15 \times 3.5$)¹⁵ поло-

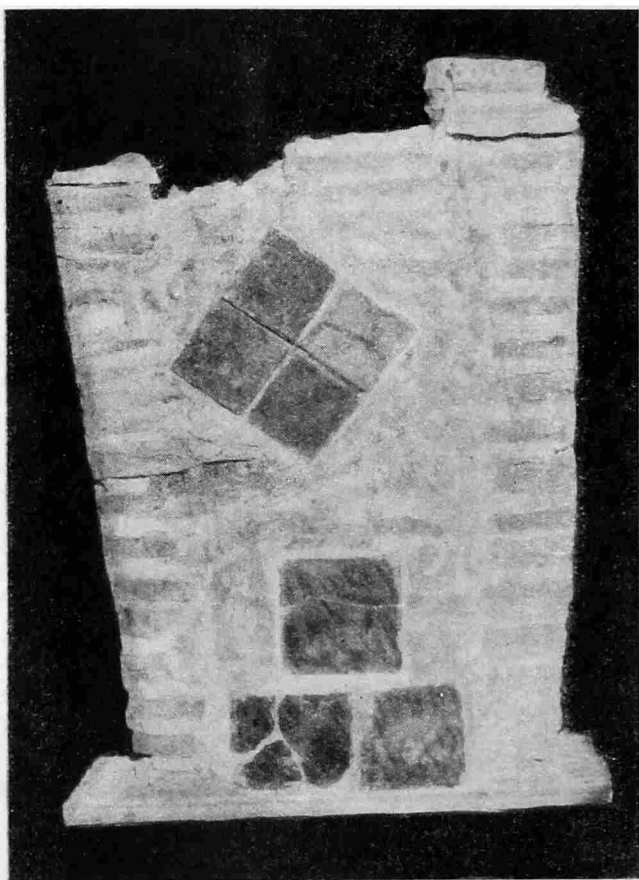

Рис. 55а. Фрагменты нижней церкви из слоя V
(лопатка).

срезаны углы у столбов храма (открыт один северо-западный). Судя по расположению боковых входов в главный поперечный неф, купол был сдвинут к западу и композиция масс храма была асимметричной. В нижней части фасады были убраны вставками рядов крупных полированных валунов (они образуют и род вымостки около стен); в верхних частях стены лопатки и даже срезанные углы здания были убраны, как показывают найденные фрагменты, майоликовыми плитками и чашами зеленого

же на извести с незначительными включениями крупнотолченого кирпича; шов не превышает толщину кирпича (3—3.5 см). Во внутренней полости стены местами в кладку запущены булыжные камни. На внутренней поверхности стен выходили горловины многочисленных голосников. Полы были выложены кирпичом и вероятно майоликовой плиткой. Неизвестно, имеют ли отношение к монументальному убранству храма единичные мелкие кусочки мозаичной смальты золотого, желтого и охристого тона. Храм продолговатый в плане (16.9 — без абсиды $\times 11.55$), шестистолпный с одной уплощенной абсидой; боковые абсиды (еще не вскрытые), видимо, врезаны в толщу угловых стен. В юго-западном углу храма была лестница на хоры, помещавшаяся в особой круглой клетке и частью в толще стены. Лопатки — плоские, скругленные с углов; углы храма срезаны под 45° и не имеют лопаток; так же

¹⁴ D. S. Z., стр. 4—5 и 11.

¹⁵ Знаков на кирпиче пока не обнаружено.

и кирпичного тонов; арки входов были украшены строгим кирпичным профилем (рис. 55). Сочетание фона стены, где красные и белые горизонтально кирпича и цемьянки чередуются с яркими тонами майолики и мерцающими пятнами полированного камня, образовало исключительный по красоте эрффект. При значительных отличиях композиции, храм в отношении декоративного убранства является двойником Коложской Борисоглебской церкви.

Следы строительства в X и IX слоях позволяют считать, что нижняя церковь построена вскоре после основания города. Гибель храма была, по-видимому, постепенной — после разрушений от удара молнии в 1183 г.¹⁶ церковь дожила до 1241 г.,¹⁷ когда и была разрушена; следы ее развала прослеживаются в IV слое. Однако ее стены поднимались над землей и в XIII — XIV вв., о чем говорит планировка деревянных строений этого времени относительно ее западного фасада.

Вторая постройка находится к югу от нижней церкви, на краю плато над Неманом. Иодковский назвал ее «теремом». Под основанием здания прослежен культурный слой, а ниже — слой строительства нижней церкви,¹⁸ следовательно, здание значительно моложе ее. Основание «терема» лежит в зоне VII—VI слоев. На булыжном неглубоком фундаменте идет кирпичная кладка, аналогичная кладке нижней церкви со вставками полированного камня; кирпич крупнее ($3 \times 16 \times 28$, $4 \times 17 \times 28$, $5 \times 19 \times 31$ см); шов — 2—2.5 см; раствор почти чистый, без примеси кирпичной крошки. От здания сохранилась лишь торцовая часть с крытым входом, нишами и небольшим, отделенным простенком узким помещением; починка у входа кирпичом XIV в. свидетельствует, что в это время здание еще жило и использовалось. Едва ли это остатки «терема»; вероятнее полагать, что это часть крепостной башни, может быть имевшей и жилищно-хозяйственное назначение. Кирпич имеет разнообразные знаки мастеров. Среди них явно княжеский знак,¹⁹ аналогичный знакам на неопределенных дрогичинских пломбах.²⁰

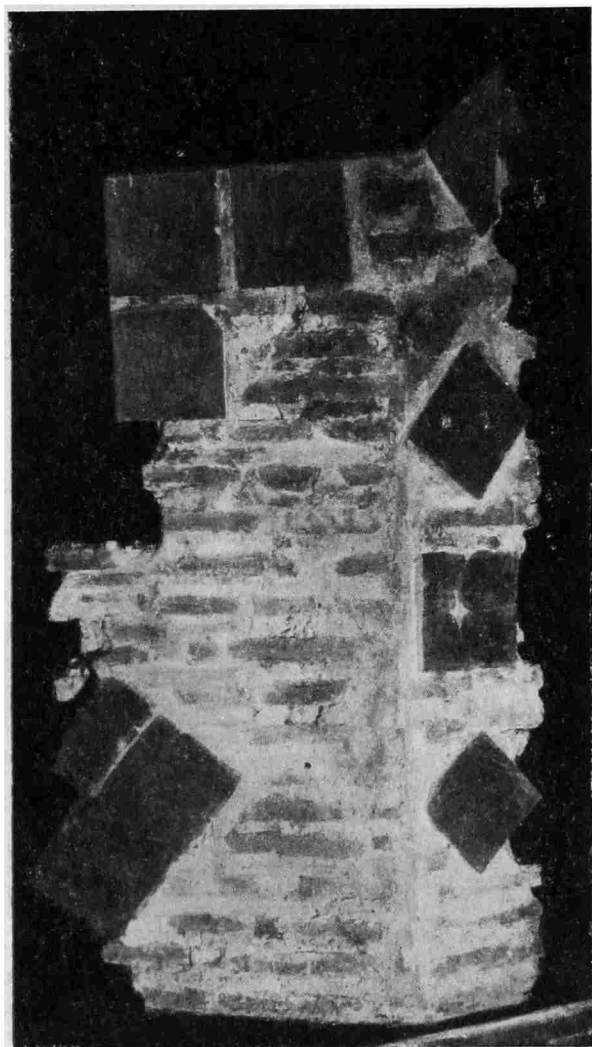

Рис. 55 б. Фрагменты нижней церкви из слоя V (убранство угла здания).

¹⁶ Ипат. лет. под 1183 г.

¹⁷ Орловский, Ук. соч., стр. 22.

¹⁸ G. W., стр. 10.

¹⁹ О знаках, стр. 5, рис. 3, 1—6.

²⁰ Б. А. Рыбаков, Знаки собственности. СА, VI, рис. 55—56.

Весьма правдоподобно его отнесение к Всеволоду Давидовичу гродненскому (ум. в 1141 г).²¹

К западу от «терема» уцелел кусок аналогичной по кладке и материалу стены толщиной 1.38—1.40 м, высотой до 1.80 м и длиной около 4.5 м. Возможно, что это остаток угловой башни крепости XII в., сочетавшей, таким образом, деревянно-земляные и каменные части.²²

Рис. 55 в. Фрагменты нижней церкви из слоя V
(простенок между окнами).

Все эти остатки памятников кирпичного строительства XII в. присоединяются к до того одинокой и стоявшей особняком в истории зодчества Коложской церкви,²³ позволяя говорить о наличии особой и своеобразной гродненской областной архитектурной школы XII в. Ко времени Всеволодки, повидимому, относится нижняя церковь — первая постройка Гродно.

²¹ А. В. Соловьев. Новые раскопки в Гродно. Записки русского научн. инст. в Белграде. 1935, вып. 13.

²² Ср. D. S. Z., стр. 2.

²³ Исследование Коложской церкви Иодковским уточнило представление о первоначальном облике памятника, установило назначение лестниц в абсидах, ведущих на хоры храма, и др. особенности. Мнение Иодковского о боевом использовании храма не отвечает действительности. См. S. W. Вместе с тем полностью отпала ошибочная и тенденциозная оценка памятника, данная в Очерках по истории древнерусского зодчества.

Коложская церковь принадлежит строительству сыновей Всеволодки Бориса и Глеба (50-е — 60-е годы XII в.). «Терем» и «угловая башня» принадлежат XII — XIII вв. Гродненское зодчество является скорее всего ветвью волынской архитектуры.²⁴ Еще подлежат изучению памятники Дрогичина²⁵ и может быть Турова и Пинска, которые дадут новые факты для этой темы. Оригинальная декоративная система гродненских храмов представляет развитие приемов полихромной фактуры фасадов из кирпича и камня, известной по Софии киевской; в новгородском Софийском соборе «инкрустации» валунов выступают на фоне затертой цемьянки;²⁶ церковь Василия в Овруче конца XII в. повторяет в кирпичной кладке фасадов вставки валунного камня, но не применяет майолики.²⁷ Однако декоратив-

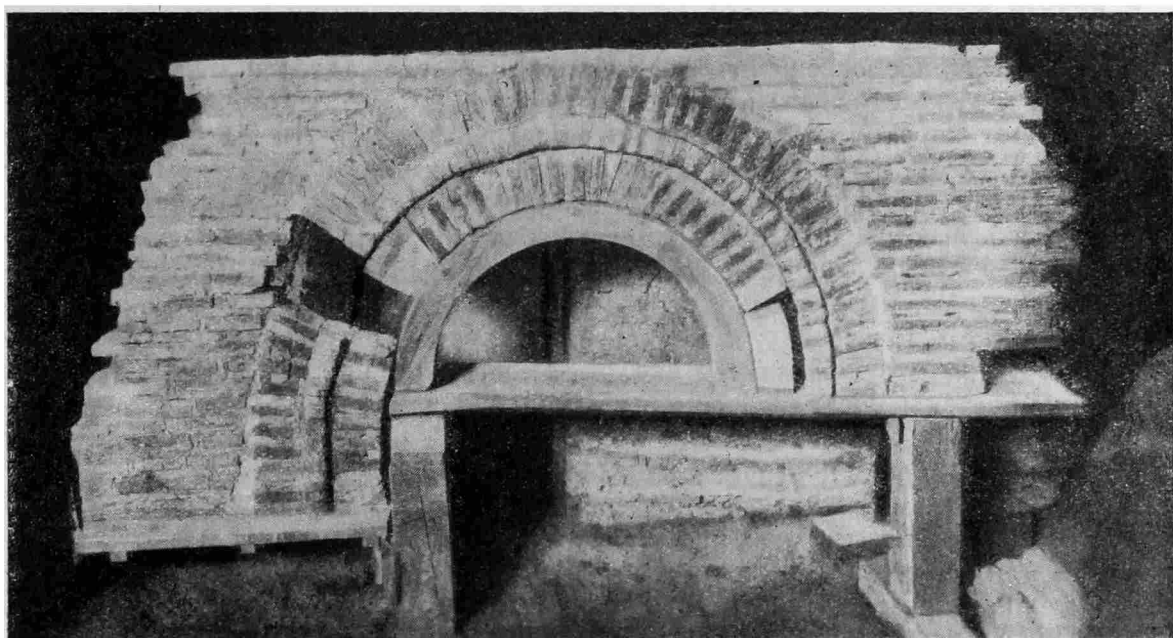

Рис. 55 г. Фрагменты нижней церкви из слоя V
(верх портала).

ное богатство гродненских памятников все же не имеет себе равных в XII — XIII вв., перекликаясь лишь с позднейшей полихромией русского зодчества XVI — XVII вв.

Таким образом, древний Гродно, с которым связаны единичные летописные упоминания, город, о самом месте которого шел длительный спор, предстает теперь перед нами, как развитой городской центр с характерной материальной культурой, развитым ремеслом и своеобразной каменной архитектурой. Это — мощный форпост Руси XII — XIII вв. на крайнем западе. Видимо, значительная доля дрогичинских пломб получит гродненскую атрибуцию и засвидетельствует участие Гродненского княжества в экспортной торговле Руси с Западом.

²⁴ Н. Н. Воронин. Связи галицко-волынской архитектуры XII—XIII вв. с архитектурой древней Руси. ВАН, 1944, № 10, стр. 108.

²⁵ В музее Гродно есть поливные плитки из Дрогичина. Ср. Н. П. Авенариус. Дрогичин Надбужский. МАР, № 4. СПб., 1890, стр. 38—39. Весьма вероятно, что Авенариус видел остатки дрогичинской церкви Богородицы, возобновлявшейся Даниилом галицким.

²⁶ Н. И. Брунов и Н. Травин. Собор Софии в Новгороде. Сообщения Института истории и теории архитектуры ВАА, вып. 7. М., 1947, стр. 8 и 9.

²⁷ И. Грабарь. История русского искусства, т. I, стр. 153 и 155.

В заключение коротко остановимся на верхних слоях литовской поры.

Слой *III*, видимо отвечающий поре после монгольского разгрома, значительно беднее нижележащих; в это время еще продолжают бытовать русские вещи, а может быть и русское население. Как справедливо заметил Дурчевский, резкой смены одной культуры другой не наблюдается. Напротив, можно проследить силу русской традиции особенно в жилищном строительстве. План строений слоя *III* показан на рис. 52. Среди находок обращают на себя внимание своеобразные и артистические по технике изделия из кости.

Крепостные сооружения эпохи Витовта и Батория достаточно освещены в работе Войцеховского, где изложены все наблюдения и сделаны опыты реконструкции. Поэтому коротко коснемся лишь «верхней церкви», получившей неверное освещение в публикациях, где авторы относили ее к XIII в. и даже связывали с русским Гродно.²⁸ Само положение ее в шкале слоев противоречит этому: уровень ее пола лежит почти на 0.5 м выше мостовой Витовта. Здание принадлежит бесспорно к литовскому периоду в жизни Гродно и вероятно к XIV в. Этому не противоречат и его формы. Это в собственном смысле слова замковая капелла, квадратная, со стороной около 8.90 м, с одной сильно выступающей абсидой. Судить о конструкции верха капеллы нет оснований. Малые бесстолпные храмы известны в русском зодчестве XI—XII вв. Интересно, что капелла имеет срезанные углы, что напоминает аналогичный прием нижней церкви. Как мы говорили, стены последней еще высились над землей в XIV в. На ее руинах, используя кирпич русских построек XII—XIII вв. вместе с новым литовским, и была построена капелла.

Интересной особенностью литовского позднего кирпича является обилие разнообразных знаков кирпичников. Однако это уже не клейма, оттиснутые при формовке, а различные грубоватые крупные граффити, прочерченные по сырому кирпичу. Мы насчитали до 100 вариантов этих знаков, заслуживающих, несомненно, особого внимания.

Ближайшей задачей советских археологов является завершение раскопок в Гродно, возможно более полная проверка сделанных ранее наблюдений и определений и научная публикация коллекций и памятников. Важнейшей проблемой этих работ должен стать вопрос о взаимоотношениях литовской и русской материальной культуры.

З. А. АКЧУРИНА, А. М. ЕФИМОВА, А. П. СМИРНОВ,
О. С. ХОВАНСКАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДА БОЛГАРА

1

Десять лет назад были начаты систематические раскопки одного из крупных памятников средневековой Европы — городища Великие Болгары. За несколько лет был изучен ряд интересных объектов, проливших свет на историю города. Удалось проверить некоторые сведения Ибн-Фадлана, касающиеся местоположения столицы. За послевоенные годы была исследована Греческая палата, оказавшаяся церковью армянской колонии в Болгарах, анализу которой посвящен доклад А. М. Ефимовой,¹ всесторонне обрисовавшей этот памятник, характеризующий тесные культурные связи Закавказья с Поволжьем.

В 1947 г. экспедиция была организована ИИМК АН СССР, Гос. Историч. музеем и Гос. музеем ТАССР.²

Работы велись в четырех пунктах. Были закончены раскопки некрополя около Греческой палаты и начаты работы на Бабьем Бугре, где расположен известный могильник, и затем заложены раскопы в двух пунктах в центре городища (в первом пункте были открыты остатки какого-то архитектурного сооружения и два разрушенных погребения).

2

Бабий Бугор давно уже привлекал внимание исследователей. Известны раскопки Милеева, Высоцкого, Хомякова. В результате их работ был получен большой краниологический материал. К сожалению, кладбище оставалось плохо датированным, и это не позволило использовать материал в качестве исторического источника.

Раскопки Бабьего Бугра в 1947 г. привели к открытию древнего поселения доболгарского времени и дали 118 погребений эпохи существования города. Особенно ценными являются данные стратиграфии.

Стратиграфия Бабьего Бугра следующая: 1) Современный растительный слой, содержащий ряд вещей древних болгар. 2) Под ним залегают на ряде участков выкиды старых раскопок XIX в. Ниже проходит раститель-

¹ На Краеведческой конференции ТАССР, октябрь 1947 г.

² Экспедиция работала в составе: тт. З. А. Акчуриной, Д. И. Архангельского, К. А. Булатовой, А. М. Ефимовой, В. М. Королева, Э. И. Ипполитовой, П. М. Петрунина, В. В. Семеновой, А. П. Смирнова, К. Смирнова, А. В. Тихомировой, Т. Н. Хлебниковой, О. С. Хованской, Л. Ф. Федотовой.

ный слой, существовавший до раскопок 70-х годов XIX в. и хорошо прослеживаемый по восточному профилю. Все эти слои соответствуют слою № 1 — основных раскопок городища (слой современной деревни). 3) Следующий русский слой XVI—XIX вв. состоит из довольно рыхлого древесного тлена коричневатого цвета и растительных остатков. В этом же слое нижние его горизонты состоят из четко выраженных прослоек намытого гуммированного песка. В нем встречаются как болгарские, так и русские вещи. 4) Под русским слоем, только на некоторых участках, прослежен синеватого тона песчанисто-гумусный слой (№ 3). Он содержит кости животных, болгарскую и русскую керамику. Этот слой был изучен в 1938—1946 гг. в ряде мест городища и отнесен к XV—XVI вв., к периоду, прошедшему от взятия города Болгара войсками Московского князя в 1431 г. и до появления здесь русской деревни. 5) Ниже залегает болгарский слой — песчанистый, коричневато-серый, гуммированный, на некоторых участках с прослойками угля и дерева. Это — наслоение болгарской эпохи. Оно содержало грубую серую керамику, приготовленную на кругу, коричневатокрасную и грубую местную с примесью дресвы. Из поливной керамики здесь встречена только зеленая. Полихромной золотоордынской не обнаружено, последняя попадалась только в русском слое. Обнаруженные находки дают возможность сопоставить данное наслоение со слоями V и VI верхней площади городища X—XII вв. 6) Ниже залегает песчаный, слабо гуммированный слой, отделяющийся от болгарского довольно четко темной полосой, проходящей на всем протяжении раскопа. Этот слой бледной, слабой окраски постепенно переходит в материковый песок. В нем встречаются в виде полос и отдельных пятен остатки угля. Он характеризуется грубой лепной посудой, более примитивной по сравнению с аналогичной керамикой из болгарского слоя. В этом же слое встречается посуда тонкостенная, хорошо отмученная, весьма пористая, невысокого по качеству обжига. На некоторых ее черепках имеется орнамент в виде неглубоких круглых и овальных ямок и угловой, сделанный лопаточкой. Посуда с этим последним орнаментом напоминает пьяноборскую. Там же встречено несколько битрапециoidных прясел, а на участке, испорченном болгарскими захоронениями, красная пастовая бусина типа, обычного в рязанских могильниках. В этом нижнем наслоении открыта землянка, только частично попавшая в раскоп и в значительной части испорченная болгарскими захоронениями. Судя по открытой части, землянка прямоугольной формы, шириной 2.5 м, длиной около 4 м и глубиной 0.4 м, имела стенки, облицованные горизонтальными досками (размер коих не установлен), закрепленными вертикальными столбиками. На площади землянки встречена та же грубая посуда с примесью дресвы и болгарская, попавшая при устройстве могил болгарского времени. Эта землянка ориентировочно относится к середине I тысячелетия н. э., на что указывают и керамика и красная пастовая бусина. В общей схеме стратиграфии городища слой, содержащий остатки землянки, обозначен VII.

Он дает основание утверждать, что в половине I тысячелетия н. э. здесь возникло поселение, судя по протяженности слоя, — небольших размеров. Керамический материал и форма землянки, аналогичная открытой В. А. Городцовым на Городецком городище, заставляют отнести поселение к культуре городецкой или иначе «городищ» рогожной керамики. Присутствие в этом комплексе керамики пьяноборского типа не является неожиданным, так как в первые века нашей эры вещи пьяноборского типа получают широкое распространение по обоим берегам средней Волги и в верховьях этой реки.

Следующий слой, соответствующий VI—V слоям, включает остатки построек в виде угля и прослоек золы. В подавляющем числе они разрушены погребениями и представляют из себя мало выразительные, бесфор-

менные скопления золы и угля. Этот слой содержит прослойки песка и культурных остатков, смытых с вышележащих участков городища. Это раннее болгарское поселение X—XI вв. едва ли существовало позднее, так как на этом участке довольно рано возникло кладбище. Отдельные могильные плиты, залегая на значительной глубине, тем самым указывают древний уровень почвы. Вышележащие отложения культурного слоя есть результат смыва его с верхних участков городища.

На территории Бабьего Бугра находился могильник, возникший после оставления поселка жителями. Точно определить это время не представляется возможным, но во всяком случае это было в XII веке, так как должен был пройти некоторый срок, во время которого происходили многочисленные захоронения. Достаточно сказать, что на сравнительно небольшой площади было исследовано 118 захоронений, многие из которых просекали более ранние погребения, создавая значительную путаницу. Все погребения однотипны. Они совершались в неглубоких ямах, в колодах или гробах прямоугольных или в форме ящика, расширяющегося к голове. Умершие клались на спине, головой на запад, лицом к югу или северу. Строгого ритуала в положении рук не замечалось. Подавляющее количество погребений найдено без вещей, и только у некоторых найден погребальный инвентарь. Датировка погребений может быть установлена и по вещам, и на основе изучения стратиграфии. Все захоронения перекрыты погребенной почвой (слой III), отделяющей болгарский слой от русского, или русским слоем. Ни в одном случае не установлено, чтобы погребения совершались из русского слоя. Это дает основание датировать кладбище болгарским временем. Изучение стратиграфии кладбища дает основание уточнить эту дату. Было обращено внимание на материал, встреченный в засыпке могильных ям. Во всех случаях встречалась керамика, характерная для болгарского времени X—XIII вв., или же керамика, встречающаяся в течение всего болгарского периода, но ни разу не была обнаружена типично золотоордынская. Исключение составляет засыпка могилы № 20, где была встречена медная джучидская монета 681—710 гг. (1281—1311 гг.).

Обряд погребения могильника Бабьего Бугра не соответствует описанию погребения булгар, данному Ибн-Фадланом. В его записке совершенно определенно указывается подбойная могила, в своей основе восходящая к сарматской культуре, к ее поздней стадии. Простые неглубокие могильные ямы характерны для могильников правобережья Волги. Погребения Бабьего Бугра принадлежат местным земледельческим племенам, составлявшим значительную часть населения Булгарского царства.

Найденные вещи весьма интересны и дают возможность судить о болгарских украшениях не по дорогим ювелирным изделиям горожан. В могиле № 9 была найдена серебряная пуговица сложного плетения, представляющая как бы узел. Бусины подобного плетения в узелок обнаружены на височных кольцах из владимирских курганов. Вещи такого плетения известны и из ранних славянских комплексов. Плетение, как орнаментальный прием, известно на вещах из Гнездова, Старорязанскогоклада, где плетенка украшает пластинку. Этот мотив переплетения, иногда соединенный со звериным стилем, характерен для русского прикладного искусства XI—XII вв. Можно думать, что этот мотив является одним из показателей влияния древней Руси на булгарскую культуру.

Вещи другого облика были обнаружены в погребении № 40. Эта богатая женская могила содержала овальные серебряные серьги, украшенные вставками янтаря, по краям которых проведена филигранная полоса (рис. 56). В этом же погребении найдены два крючка, небольшое зеркало с крестообразным орнаментом и небольшим ушком по середине, нож и неопределенный железный предмет. Зеркало довольно обычное в поздних

памятниках Северного Кавказа X—XIV вв. и в кочевнических погребениях того же времени. X—XII вв. могут быть датированы и серьги. Точно таких украшений не известно ни в ранних, ни в более поздних памятниках золотоордынского времени. Однако общий облик и характер орнаментации позволяют сопоставить их с орнаментацией концов серебряных браслетов XI—XII вв., украшенных овальными, вернее грушевидными вставками пасты или камнями и окруженных проволокой, перекрученной в виде веревочки. Манера украшения вставками из камней известна со значительно более раннего времени. Она была широко распространена в алаано-хазарскую эпоху, чему примером может служить материал могильников Кумбулта и Чми. Вещи этого стиля распространены и севернее. Их можно указать в комплексе украшений, найденных в Уфе и относимых к той же

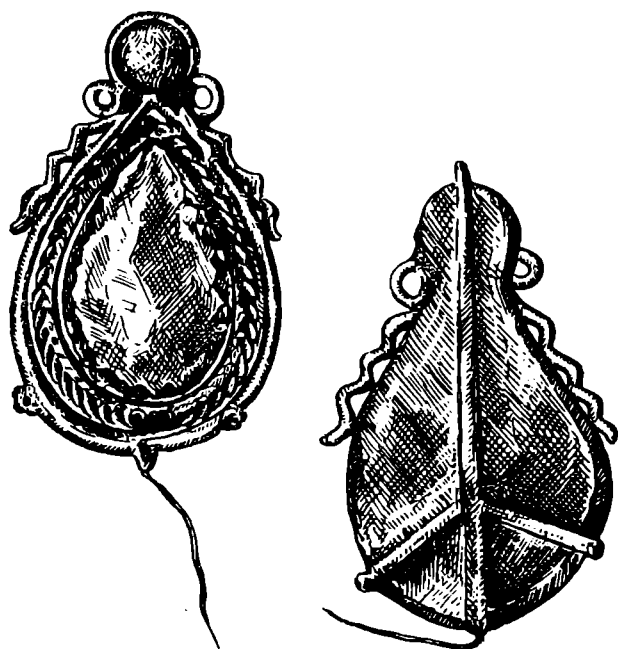

Рис. 56. Украшения из могилы № 40 (Бабий Бугор).

эпохе VI—VII вв. Отзвуки этого стиля известны и севернее, на Каме. В болгарских кладах XII в. мы встречаем вещи, украшенные вставками камней, причем они не всегда бывают окружены полосками зерни. Эти соображения при учете стратиграфии дают основание датировать серьги временем около XI—XII вв. Этой дате не противоречит и зеркало.

Из частей костюма найдены куски тканей.³ В их числе шелковая ткань красновато-золотистой окраски, представляющая остатки кафтана. Интересен пояс длиной около 1 м, сделанный из полосы золотистого шелка, орнаментированного розеточками. Этот мотив представляет далекие отзвуки сасанидского искусства.

В могиле № 35 найдены остатки обуви. Одна туфля на гладкой подошве (или нижняя часть сапога) сохранилась достаточно хорошо. По общему виду она напоминает обувь, известную по находкам в Новгороде и по древнерусским изображениям. Носок туфли острый и несколько загнут вверх.

Кроме могильника на Бабьем Бугре, открыты погребения и в центре города. Три из них по существу таковыми не являются. Это костяки, найденные в положении, не предусмотренном ритуалом. Один из них лежал на правом боку, лицом в восточном направлении. Среди его костей находилась железная стрела, датируемая XII—XIV вв. Другой был найден в том же слое. Повидимому, оба костяка относятся к середине XIV в., к тому времени, когда город часто переживал военные катастрофы. Может быть, они принадлежат убитым во время одной из этих катастроф. Третье погребение было найдено в беспорядке. Кости убитого были сброшены в одно место.

3

Второй вопрос, изучением которого занималась экспедиция, — это проблема города Болгара эпохи Ибн-Фадлана, а шире — X в. Эта тема важна для определения характера общественного строя болгар X в. Еще в 1945 г.

³ Обработаны ученым реставратором Гос. Ист. музея Е. С. Видоной.

в своей весьма интересной статье «Волжские болгары IX — X вв.» академик Б. Д. Греков отметил недостоверность и недостаточность наших знаний о ранней столице волжских булгар.⁴

Было заложено два раскопа, которые должны были перерезать старый ров, упоминаемый в выписи 1712 г.

Первый раскоп дал следующие напластования. Первый слой современной деревни достигал 5—10 см, а в некоторых местах, на дороге, исчезает совершенно. Непосредственно под ним залегает слой, именуемый по стратиграфической шкале IV. Он дал наибольшее число находок и сооружений. Его составляет гумус с включением песка и глины, а также прослойки скоплений дерева, золы и угля, строительного щебня и большого количества костей животных.

В числе находок этого слоя большое количество золотоордынских монет, прочитанных в отделе нумизматики Гос. Исторического музея С. А. Диомидовой. Монеты относятся к XIV в. В этом слое встречена также гладкая поливная керамика, голубая, синяя и полихромная. Простая керамика представлена серой, желтой и красно-кирпичной. Найдено много образцов светлой штампованной среднеазиатской керамики (рис. 57).

Из других находок заслуживают упоминания образцы месопотамского или сирийского стекла, железные топоры, замки, подвесные цепи, чугунный литой котел, сверло, тесло. В этом слое встречаются и более ранние вещи, попавшие в результате земляных работ XIV в., и нарушения нижележащих культурных напластований. В числе вещей среднеазиатская штампованная посуда. Интересно каменное, хорошо заглаженное ядро, несколько овальное по форме с диаметром 5 и 5,8 см. На одной из его сторон сохранились следы ржавчины. Этот предмет найден в слое XIV в., т. е. относится ко времени появления в Европе артиллерии. Его несколько неправильная форма легко объясняется тем, что ядра для первых пушек, будь то каменные или железные, необходимо было обертывать тряпками — обстоятельство, понятное при грубости выделки как ядер, так и самих орудий.⁵ Внешний облик ядра и размеры, соответствующие калибру орудий XIV — XV вв., дают основание предположительно считать найденное ядро артиллерийским. Проф. В. А. Афанасьев считает возможным согласиться с этим определением. К этой же группе военных древностей относится обломок шаровидной пустотелой гранаты. Такие снаряды, наполненные зажигательным составом, бросались при помощи метательных машин.

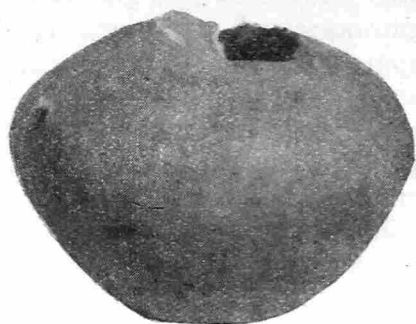
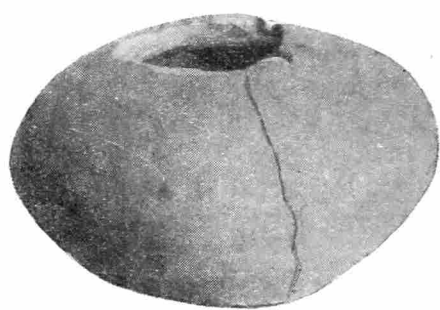
Описанный слой является наиболее мощным. Обилие находок и сооружений свидетельствует об интенсивной жизни в этот период. Все ремесленные сооружения относятся к этому слою.

Ниже залегает серовато-желтый гуммированный глинистый слой с не-большим количеством остатков дерева и угля. Он почти не содержит строительных остатков и характеризуется малым количеством вещей и костей животных. Там, где этот слой не нарушен вышележащими слоями, в нем не встречено типичной золотоордынской посуды. Керамика представлена небольшим числом кирпично-красной посуды, но преобладает здесь желтая и коричневая лощеная. Довольно много найдено лепной посуды. Из вещей в этом слое встречено несколько шиферных прясел, имеющих значение для датировки. К этому горизонту, который соответствует V слою стратиграфической шкалы городища, относятся две зерновые ямы.

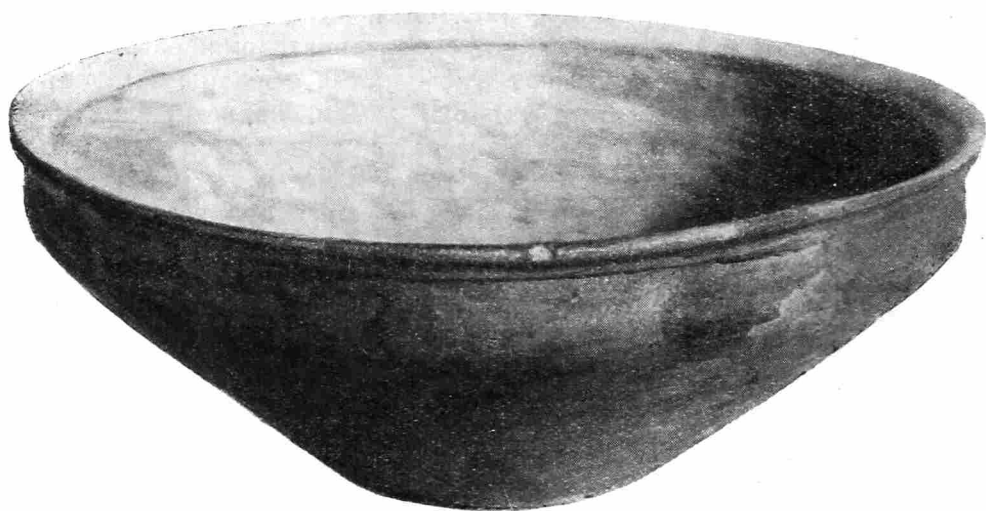
Описанный слой незаметно переходит в последний VI слой — еще менее гуммированный. Состав керамики близок предшествующему слою. Ко-

⁴ Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X веках. Историч. записки, № 14, М., 1945, стр. 19.

⁵ Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог СПб артиллерийского музея, ч. 1, СПб., 1877, стр. 36.

а

б

в

Рис. 57 (а—в) Керамика из слоя IV Болгара.

личество ее крайне незначительно. Датируется слой желтыми, лимонного тона, стеклянными бусинами.

При раскопках открыт ряд сооружений жилого и производственного назначения. Наиболее поздними являются остатки кирпичного здания, открытого в верхнем горизонте золотоордынского слоя. Это пол из кирпичных плит, положенных на служащую фундаментом площадку (1.5 м толщиной) из сырцового кирпича, приготовленного из глины с примесью культурного слоя. Кирпич ($19 \times 19 - 25 \times 25$ при толщине 4—5 см) положен на глине; толщина слоя раствора 3—4 см. В общем 20 рядов кирпича и 18 рядов глинистого раствора равны 150 см.

Открытые развалины являются полом какого-то кирпичного здания, относящегося к числу хотя и богатых, но рядовых построек. Аналогичные дома известны из раскопок в городах Нижнего Поволжья. Здание имеет черты, связывающие его с более ранними постройками домонгольской эпохи. Таково устройство фундамента в виде подушки из сырцового кирпича. Этот прием наблюдался в Суваре в X в., куда он, повидимому, был занесен из Средней Азии и применялся местной строительной школой в Болгарах XIV в.

К этой же эпохе XIV в., может быть конца XIII в., относится ряд деревянных зданий, по своему характеру напоминающих постройки более раннего времени (рис. 58а). К сожалению, разбивка раскопа на улице ограничила возможность расширения его границ. А это привело к тому, что постройки, попавшие в черту раскопа, исследовались только в этих пределах. Все дома срублены из соснового дерева, прослежены остатки деревянных полов из толстых досок, положенных на переводины; под полом довольно значительное подполье с зерновыми ямами цилиндрической или боченкообразной формы. Всего открыто 13 ям этих типов. Часть ям (например, на уч. № 3) выложена деревом, а на дне ям найдены органические остатки: зерна и солома.

Интересны горны также цилиндрической или боченкообразной формы (рис. 58 б, 59). Судя по стратиграфическим данным, они датируются временем от начала и до конца XIV в. Диаметр горнов в среднем 1—1.3 м; высота от 0.5 до 1.3 м. Сложены горны из сырцового кирпича $20 \times 22 \times 5$ см, $20 \times 20 \times 4$ см и других размеров. Внутренняя часть стенок горна толщиной 5—8 см прокалена настолько, что производит впечатление оплавленной от высокой температуры. Под из прокаленной глины. Вероятнее всего предположить, что перед нами сыродутные горны. Стратиграфия второго раскопа отличается от первого присутствием русского слоя XVI—XIX вв. Интересен открытый дом резчика по кости с большим числом производственных остатков.

Материал, полученный при раскопках 1947 г., рисует Болгары как крупный город. Его интенсивная, бурная история сказалась и на его стратиграфии. Нижние слои X—XII вв., как отмечено выше, свидетельствуют о значительно менее интенсивной жизни города по сравнению с более поздним временем и с такими городами, как Биляр или Сувар. Тем не менее и город Болгар X—XI вв. на основе всех находок теперь может быть охарактеризован как значительный торгово-ремесленный центр, жители которого, как и всех средневековых городов Европы, занимались и сельским хозяйством. Об этом достаточно свидетельствуют и зерновые ямы, в которых найдены зерна злаков (пшеницы и др.).

Расцвет города следует отнести к концу XIII—XIV вв., когда все остальные болгарские города пришли в упадок. Ремесло города Болгара в эту пору получило большое развитие. Концентрация горнов на весьма ограниченном участке достаточно ясно иллюстрирует это положение.

Был получен также большой материал, характеризующий широкие международные связи города. Были найдены китайский селадон, средне-

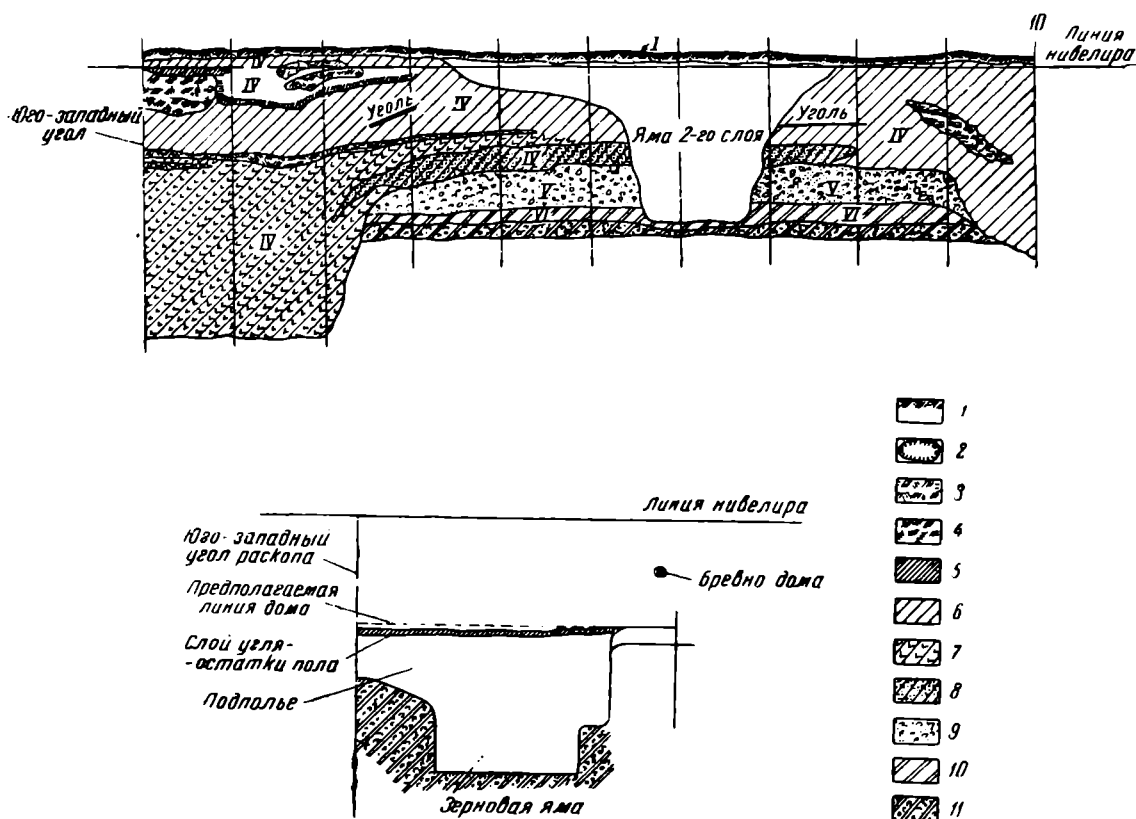

Рис. 58а. Профиль западной стенки раскопа в центре городища, разрез дома начала XIV в.

1 — дерн; 2 — яма из светлосерой смеси с примесью угля, дерна; 3 — глина; 4 — глина с примесью кирпичного щебня; 5 — слой угля; 6 — рыхлый слой — песок с примесью гумуса, угля; 7 — темносерый гумус; 8 — более темный гумус; 9 — светлосерый гумус; 10 — желтая глина с гумусом; 11 — материковая глина.

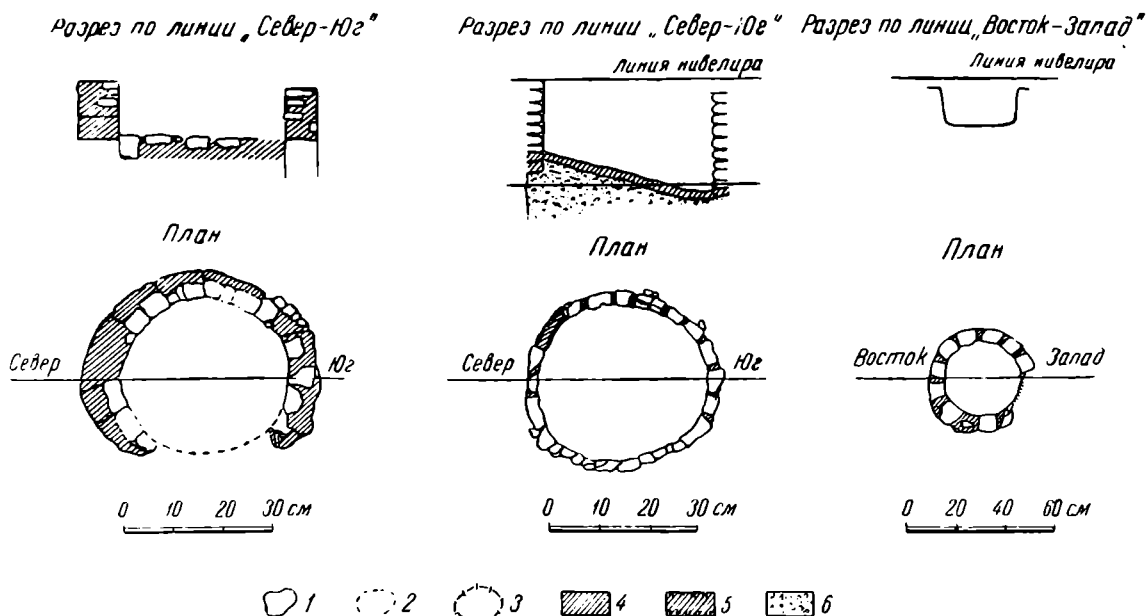

Рис. 58б. Планы и разрезы горнов.

1 — кирпич первого ряда; 2 — кирпич второго ряда; 3 — кирпич третьего ряда; 4 — глина; 5 — прокаленная глина; 6 — культурный слой IV.

азиатская керамика, иранская керамика конца XIII в. (Кашан?), сирийское стекло, византийская поливная керамика и русские вещи. Кроме большого числа шиферных прясел и стеклянных браслетов, шедших из древних русских центров, было найдено большое количество славянской курганный керамики, которая свидетельствует не столько о торговле, сколько о том, что в городе проживали русские, которые принесли свои культурные навыки. Курганный керамика встречена во всех слоях и может служить иллюстрацией и к сведениям Ибн-Фадлана о русских и к рассказу русской летописи об убийстве русских купцов. Есть керамический материал, документирующий присутствие в Болгаре и древней мордвы, и древних удмуртов, и мари, оставивших керамику, характеризуемую раковинной примесью. Весь этот материал подчеркивает то огромное значение, которое город Болгар имел в культурной жизни народов Поволжья и Прикамья.

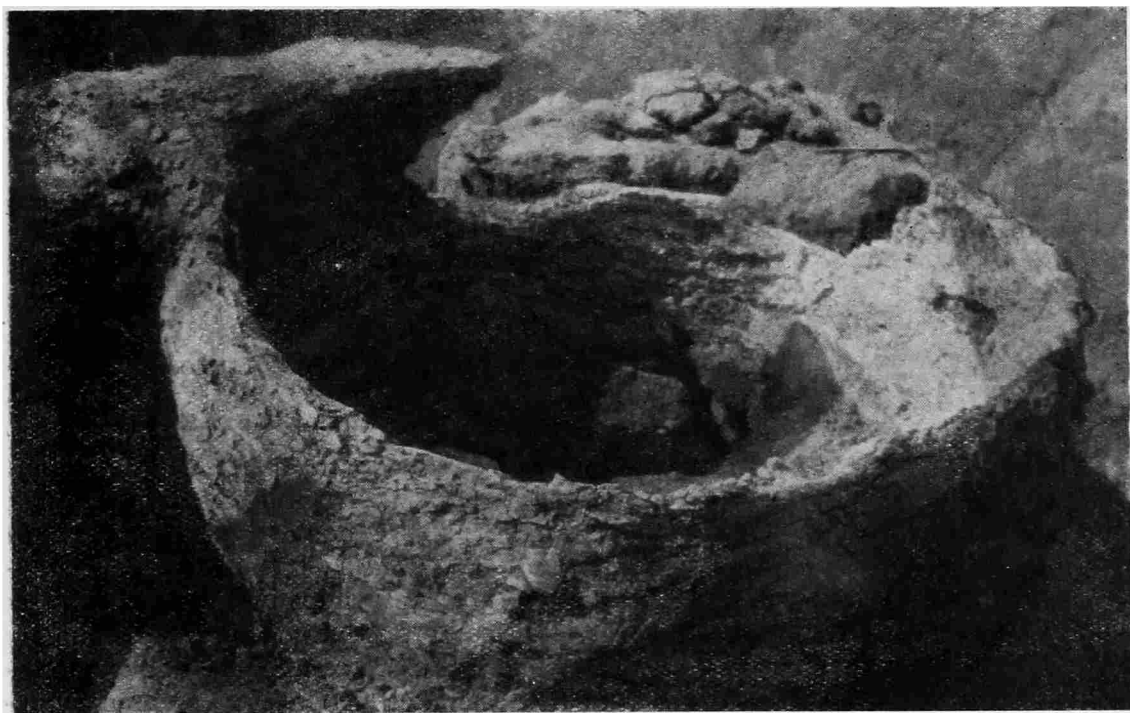

Рис. 59. Остатки горна.

Раскопки 1947 г. дали материал достаточно полный, позволяющий утверждать, что золотоордынская культура Волжской Булгарии своими корнями уходит в домонгольскую эпоху. Об этом говорят и характер домов, и строительные приемы, и керамика. Даже культурные связи города Болгара в XIII—XIV вв. остались те же, что и раньше, в X—XI вв. Мы встречаем материал, свидетельствующий о торговле с Китаем, Средней Азией, Византией, Ираном и Русью. Татары были заинтересованы в восстановлении разрушенного города, желая продолжить нарушенную погромом торговлю с Востоком. Этим и объясняется расцвет города Болгара в XIV в., когда он приобрел славу на Востоке.

М. Г. РАБИНОВИЧ

РАБОТА МОСКОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Раскопки 1947 г. имели задачей окончание археологического исследования холма в устье реки Яузы. Для более полного выяснения стратиграфии района была сделана зачистка крутого склона холма к Москве-реке, к западу от церкви Никиты. У подножья холма был расширен заложенный в 1946 г. VII раскоп. Одновременно велось наблюдение за производившимися в этом районе земляными работами по прокладке газопровода. Для уточнения датировок, связанных с церковью Никиты, был произведен также архитектурный обмер этого здания.¹

Результаты работ вкратце сводятся к следующему. Древнего культурного слоя, относящегося к начальной истории столицы, нигде обнаружено не было. В траншеях газопровода нижний горизонт культурного слоя неизменно содержал остатки гончарного производства XVI—XVII вв. Разрез, сделанный нами на склоне холма, показал, что и здесь культурный слой до самого материка перекопан как в связи с различными строительными работами (устройство подпорной стенки и пр.), так и в связи с существованием до конца XVIII в. кладбища при церкви. Уцелевший на незначительном протяжении в северной части профиля нижний горизонт датируется по керамике XVI—XVII вв. Он также прорезан несколькими погребениями. Однако находки показывают, что в этих местах существовали до перекопок какие-то более древние культурные напластования. В верхних слоях во вторичном залегании встречена керамика, сильно отличающаяся от описанных нами ранее² типов. Это фрагменты сосудов с прямым, хорошо профилированным венчиком, округлым туловом и орнаментом, линейным и волнистым в несколько полос, очевидно нанесенным особой гребеночкой. Черепок в изломе красновато-бурый; обжиг горновой; сосуды сделаны, по всей вероятности, на ручном гончарном круге. Такая керамика встречается в городских слоях XII—XIV вв. Фрагменты сосудов, идентичных нашим, найдены А. П. Смирновым в Болгаре в слоях XIV в.³

При расширении к западу раскопа VII (на Подгорском переулке) открылось четырехугольное сооружение, каждая сторона которого имела длину 2.70—3.00 м. Постройка из еловых и дубовых плах и горбылей была врыта в материковый песок на глубину 90—120 см. Оставшееся свободным пространство между стенками ямы и стеной сооружения было снова

¹ В 1947 г. в работах экспедиции принимали участие М. А. Ильин, П. И. Засурцев, Л. В. Артишевская, И. Г. Сахарова, М. Н. Кислов, Н. Н. Агакас, М. Н. Шишкин и В. Г. Зак, а также студенты Московского гор. пед. института.

² См. М. Г. Рабинович. Археологические раскопки в Москве. КС ИИМК, вып. XXI, М., 1947, стр. 150—151.

³ А. П. Смирнов любезно разрешил воспользоваться материалами его раскопок.

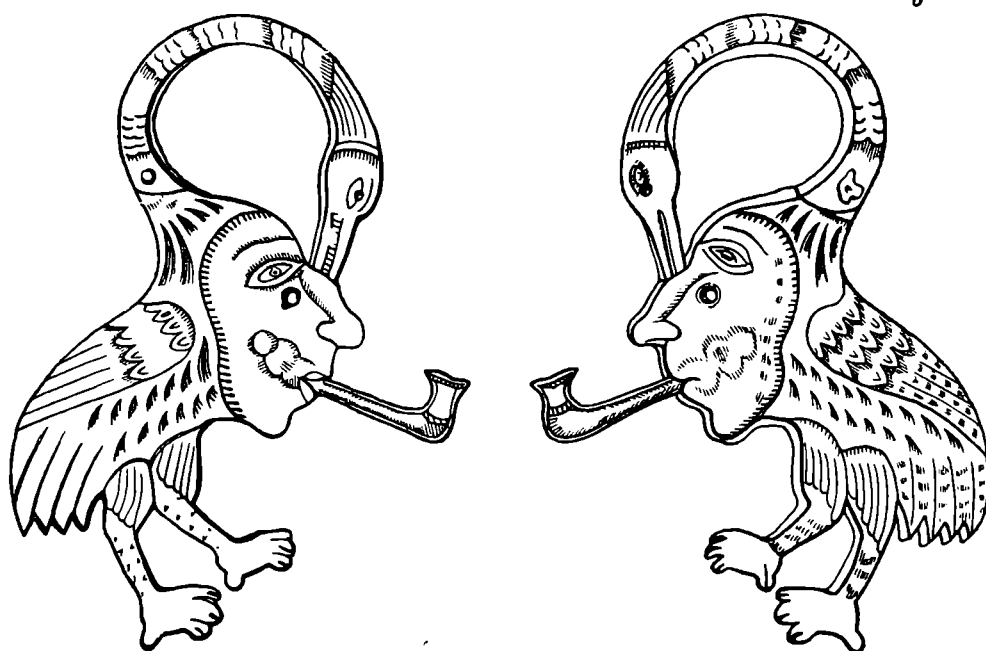
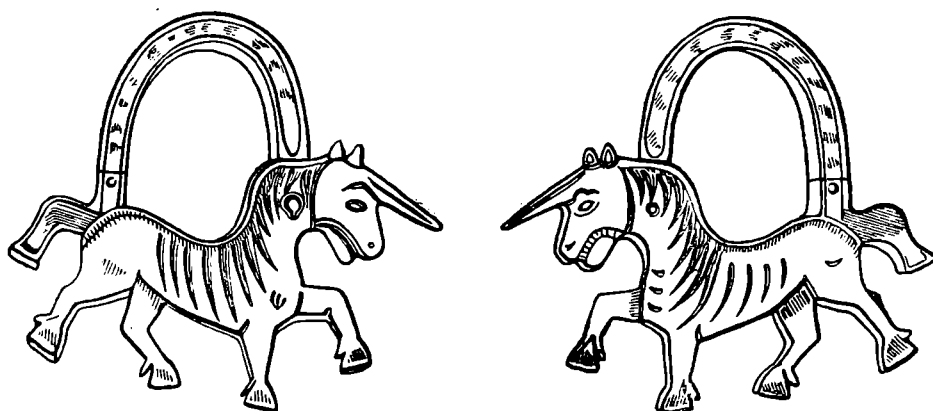
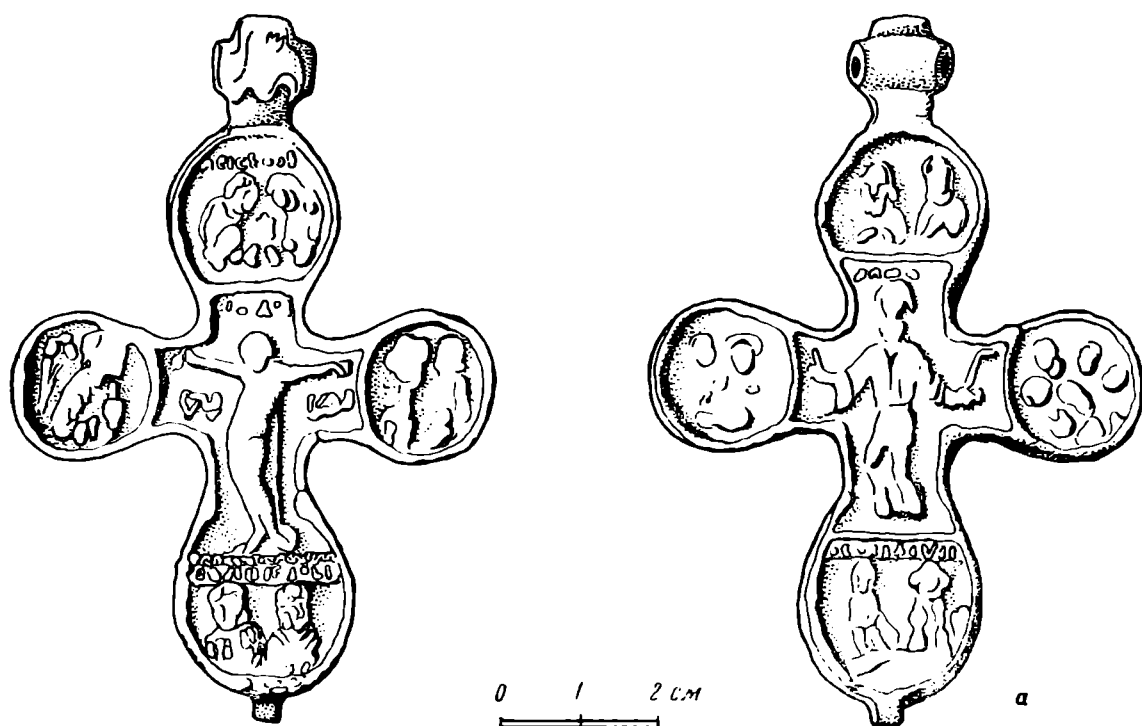
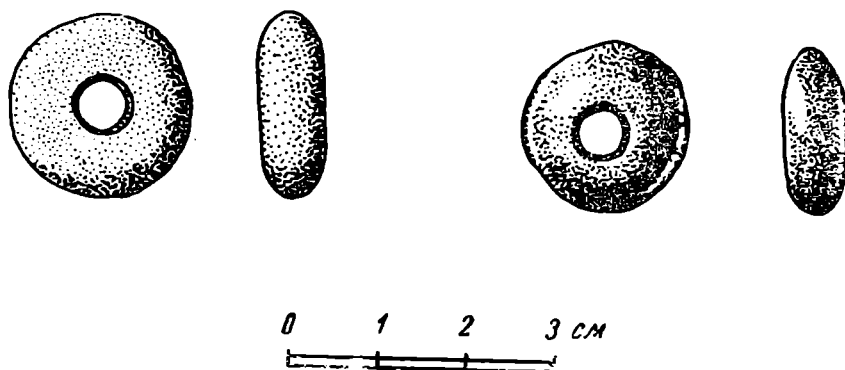

Рис. 60. Вещи из раскопок в устье Яузы (Москва).
 а — медный нательный крест XV — XVI вв.; б — бронзовые замочки XVIII в.

засыпано песком. Тем же песком были присыпаны стены, поднимающиеся над ямой на высоту 80—100 см. Общая высота сохранившейся части сооружения 1.50—1.60 м (рис. 62). Стены его сохранились не везде; в наи-

61. Глиняные колечки — „костяшки“ от счетов XVII в.

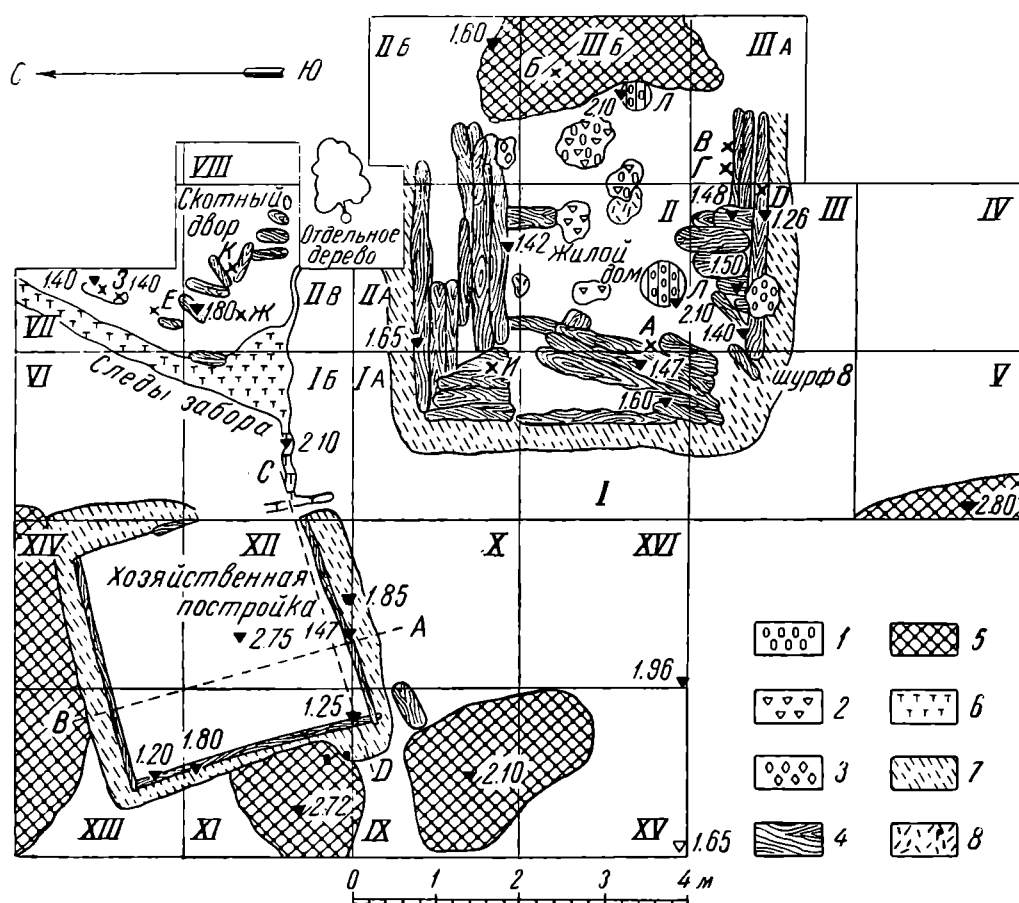

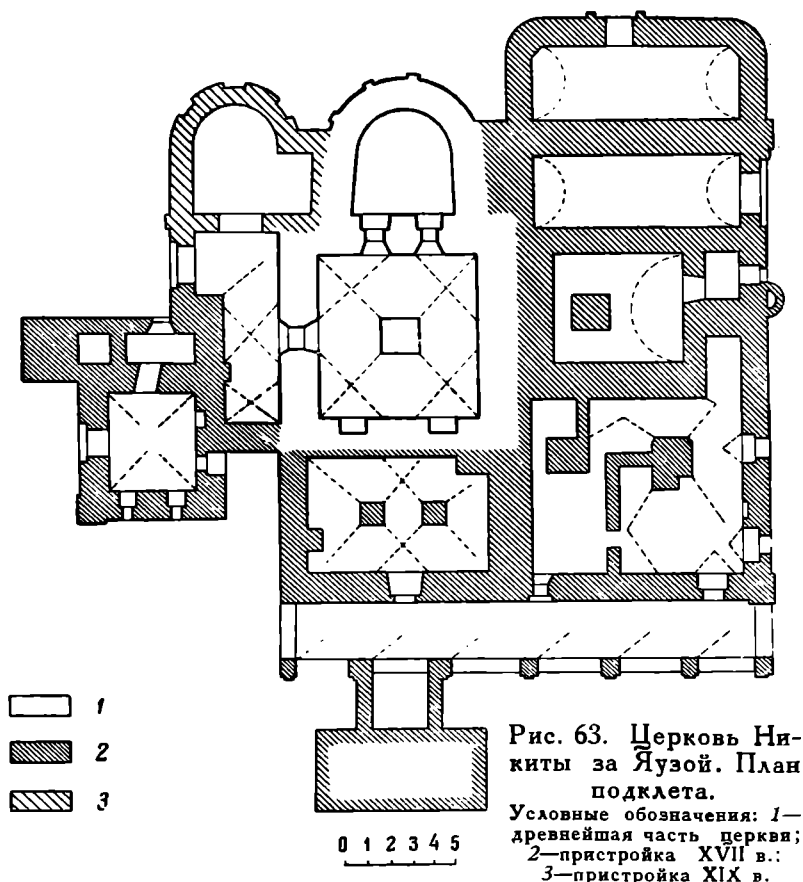
Рис. 62. План усадьбы посадского человека XV — XVI вв.

1 — ячмень, пшеница; 2 — рожь; 3 — просо; 4 — дерево; 5 — перекоп; 6 — черная земля; 7 — песок; 8 — переженный песок; А — крест медный, „тельник“ (гл. 1.90 м); Б — замок железный (гл. 1.90 м); В — фрагмент глиняной корчаги; Г — обуглившийся хлеб; Д — слюда белая (гл. 1.95 м); Е — фрагмент плетеных изделий — лаптя, корзины, рогожи (гл. 1.90 м); Ж — фрагмент корзины (гл. 1.95 м); З — подковки железные; И — керамика (гл. 1.90 м); К — шиферное пряслице (гл. 0,50 м); Л — днища бочек (гл. 2,10 м)

более сохранившейся части можно проследить 8—10 венцов, углы скреплены в лапу. Пол строения, очевидно, был земляной; следов окон или дверей нет. Внутри сооружения находки почти отсутствовали.

Обуглившиеся стены говорят о том, что исследованная нами постройка

погибла от пожара. Это, по всей вероятности, погреб, принадлежавший дому, раскопанному нами в 1946 г. Таким образом, в результате раскопок 1946—1947 гг. вскрыта целая усадьба московского посадского человека — с жилым домом, скотным двором или хлевом к северу и погребом к северо-западу от дома⁴ (рис. 62). Дата этой усадьбы, по керамике и найденному в доме натальному кресту (рис. 60, а), — конец XV — начало XVI в.

Архитектурный обмер церкви Никиты показал, что древнейшая ее часть весьма архаична. Церковь стояла на высоком подклете с четырехугольным столпом посредине и имела одну далеко выступающую абсиду, украшенную снаружи пилястрами. Облицовка стен — из хорошо обтесанного белого камня, забутовка их — бутовый белый камень с примесью маломерного кирпича ($21 \times 4.5 \times 10$ см). Из того же кирпича выложены своды церкви. Все эти признаки, в особенности же применение маломерного кирпича и наличие пилястров снаружи абсиды, в соединении с крещатыми сводами и черепичной кровлей церкви, позволяют предположить, что древнейшая часть церкви Никиты за Яузой была каменной еще в середине XVI в.⁵ (рис. 63). Надпись 1595 г., говорящая о «свершении церкви», относится, очевидно, не к постройке, но к какой-либо значительной перестройке церкви. При следующей большой перестройке церкви в 1684 г., помимо значительных пристроек с юга и запада, был сделан терракотовый северный портал (рис. 64), очевидно производства местных гончаров. Кровля церкви была покрыта черной лощеной черепицей.

Из отдельных находок, сделанных в 1947 г., следует отметить светец, найденный в погребке, железный плотничный бурав, глиняные «костяшки» счетов (рис. 61), а также медные замочки работы тульских мастеров XVIII в. (рис. 60, б). Особый интерес представляет замочек в виде фи-

⁴ Описание жилого дома см. М. Г. Рабинович. Ук. соч., стр. 155.

⁵ Общие соображения, приводящие к тому же выводу, были высказаны нами в статье «К вопросу о начале Москвы», ВАН, 1947, № 4.

гурки «гордеца», явно скопированной с лубочной картинки,⁶ высмеивающей щеголей.

Таким образом, в результате исследований 1940—1947 гг. в устье реки Яузы мы можем полностью восстановить историю этого района. В домонгольский период, по всей вероятности, уже с XII в., здесь существовало поселение, характер которого мы не можем точно выявить, так как культурный слой в этом районе сплошь перекопан, и нам удалось уловить лишь следы домонгольского культурного слоя (см. предыдущее сообщение).

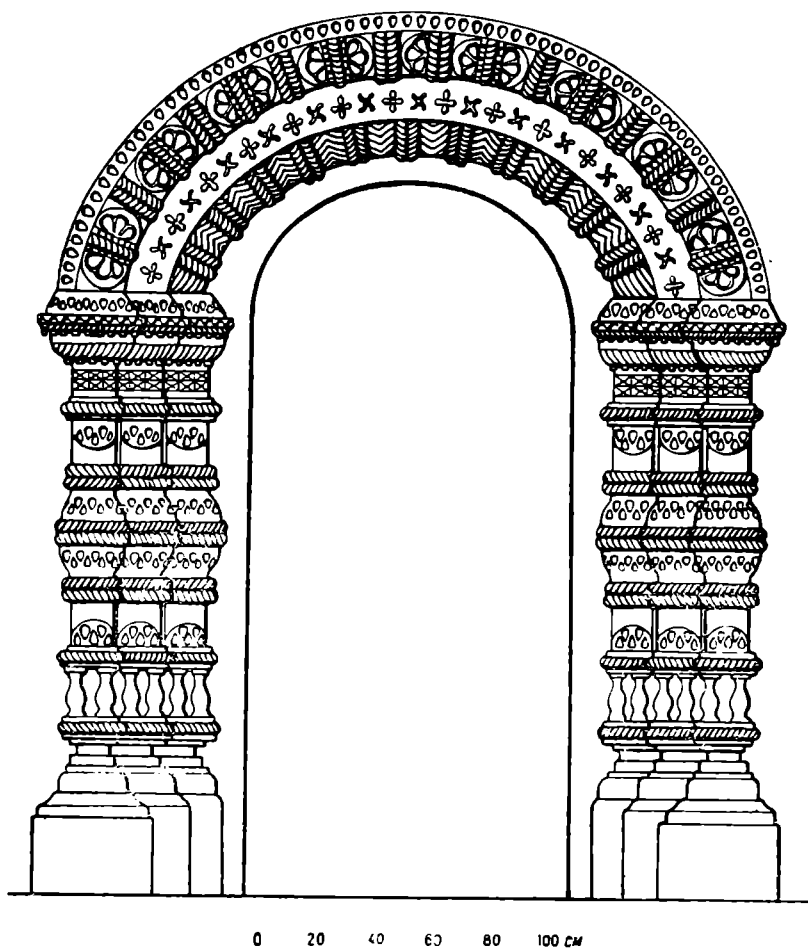

Рис. 64. Терракотовый портал церкви Никиты (реконструкция).

В более поздние периоды (XIV—XV вв.) поселение здесь сохранялось. По крайней мере, в конце XV в. здесь стояла (по всей вероятности, еще деревянная) церковь великомученика Никиты, при которой было кладбище. В XVI—XVII вв. здесь был целый ряд ремесленных слобод; остатки производства гончаров и погребение кольчужника открыты при наших раскопках. В этот период строится и перестраивается каменная церковь Никиты. Исследование кладбища при церкви показывает нам, как уже с середины XVII в. среди ремесленного населения района селятся служилые люди — дворяне и даже князья. К началу XVIII в. посадские люди составляли уже едва половину населения прихода Никиты, а в течение XVIII и XIX вв. весь этот район застраивается дворянскими и купеческими особняками. Археологическое исследование устья Яузы теперь можно считать законченным. Дальнейшие археологические раскопки в Москве должны быть сосредоточены на Зарядье.

⁶ Д. Ровинский. Русские народные картинки. СПб., 1900, стр. 234.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАН — Вестник Академии Наук.

ВАА — Всесоюзная академия архитектуры.

ВДИ — Вестник древней истории.

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

ESA — *Eurasia Septentrionalis Antiqua*.

ЗООИД — Записки Одесского отделения истории древностей.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

ИИМК — Институт истории материальной культуры.

КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАР — Материалы по археологии России.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

ОАК — Отчеты Археологической комиссии.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СА — Советская археология.

СОДЕРЖАНИЕ

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК
АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института
истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР
за 1947 год.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Б. Б. Пиотровский.</i> Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур (Тейшебаини)	3
<i>Е. И. Крупнов.</i> Археологические работы на Северном Кавказе	11
<i>Т. Н. Книпович.</i> Ольвийская экспедиция	21
<i>В. Д. Блаватский.</i> Раскопки Пантикапея (1947 г.)	31
<i>В. Ф. Гайдукевич.</i> Боспорская экспедиция	38
<i>М. М. Кобылина.</i> Фанагорийская экспедиция	46
<i>И. Б. Зеест.</i> Разведочные работы в Киммерике	52
<i>П. Н. Шульц.</i> Тавро-Скифская экспедиция	56
<i>И. И. Ляпушкин.</i> Поселения зольничной культуры („скифов-пахарей“) в бассейне Сейма	67
<i>М. А. Тиханова.</i> Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевской (Днестр)	72
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Новый Суджанский клад антского времени	75
<i>А. Ф. Дубынин.</i> Раскопки Малышевского могильника	91
<i>Е. И. Горюнова.</i> Муромская экспедиция (раскопки Тумовского селища)	97
<i>П. И. Засурцев.</i> Славянские поселения в Молдавии	102
<i>С. А. Тараканова.</i> Раскопки древнего Пскова	104
<i>А. В. Арциховский.</i> Новгородская экспедиция	113
<i>А. Л. Монайт.</i> Каменная стена „окольного города“ Новгорода Великого	123
<i>М. К. Каргер.</i> К истории киевского зодчества (конца XII — начала XIII вв.) . . .	128
<i>Н. Н. Воронин.</i> Раскопки в Гродно	138
<i>З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская.</i> Исследование города Болгара	149
<i>М. Г. Рабинович.</i> Работа Московской экспедиции	158

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. Т. Попова.*

Технический редактор *Л. Э. Шишкова.*

Корректор *Н. П. Буранова*

РИСО АН СССР № 3260. А-06502. Издат. № 1830. Тип. заказ № 2147. Подп. к печ. 27/V 1949 г.
Формат. бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 10¹/₄. Уч.-издат. 14.25. Тираж 1500.

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
26	Подп. под рис. 11а	из ямы-погребѣ	из ямы-погребѣ ⁴
73	3 сн.	параллельно	параллелью
108	2 сн.	население	поселение
138	6 сн.	zamck	zamek
138	1 сн.	Sprawozdanie	Sprawozdanie

Краткие сообщения ИИМК, вып. XXVII